
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2022. 13(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1,
Washington, District of Columbia, USA
20036

Release date 22.12.2022
Format 21 × 29,7.

Website: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru

Typeface Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global
University

Order № 32

Russkaya Starina

2022

Is. 2

Русская старина

Издается с 2010 г.
E-ISSN 2409-2118
2022. 13(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йозеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1717 N Street NW, Suite 1,
Вашингтон, округ Колумбия, США 20036

Дата выпуска 22.12.2022
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Cherkas Global
University

Заказ № 32

CONTENTS

Articles

The Role of the Tsaritsyn Line in the History of the Kalmyks E.V. Astaf'ev	57
The Role of the Military History Department of the Headquarters of the Caucasian Military District in Preserving the Historical Memory of the late 19 th and early 20 th centuries Yu.S. Sulaberidze	78
National Problems on the Pages of the Don Newspapers of early 20 th century O.A. Grom	89
Construction of Space and Man: Soviet Park Culture as Political Technology O.M. Morozova, A.D. Smirnova	102
The War of Extermination of the Invaders against Soviet Citizens: on the Materials of the Otradnensky District of the Krasnodar Krai (1942–1943) E.F. Krinko, V.V. Khilkevich	118
Reconstruction of the Biography of the Boat “Bolshevik” of the Plant “Udmurtles” N.W. Mitiukov	131

Statements

The Fate of Rus' in the Journalism of the 16 th century A.S. Tishchenko	141
The National Question in the Political Views of K.D. Kavelin N.V. Dmitrieva	149
Anton Chekhov and Adventure Literature M.Ch. Larionova, A.R. Lisitsa	156

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 57-77

DOI: 10.13187/rs.2022.2.57
<https://rs.cherkasgu.press>

Articles

The Role of the Tsaritsyn Line in the History of the Kalmyks

Evgeny V. Astaf'ev ^{a, b, *}

^a Volgograd State University, Russian Federation

^b Tsaritsyn genealogical society, Russian Federation

Abstract

The article deals with the history of relations between the Russian population and nomadic peoples in the Middle and Lower Volga regions in the 1720–1770s. Particular attention is paid to relations with the Kalmyk people and the participation of the Russian government in their internal political life. It is studied the experience of using in these relations of the Tsaritsyn guard line, built in 1718–1720 by decree of Peter I between the Volga and Don rivers in order to stop the raids of the Crimean and Kuban Tatars on Russian territories, as a powerful political tool, as well as its role in the life and fate of the Kalmyks and other nomadic peoples who traditionally used the interfluvium of the Volga and Don for their nomadic pastures. On the basis of an array of studied archival documents (official correspondence between the Russian administration and the Kalmyk khans and owners, reports of officials of the Kalmyk affairs, officers of dragoon regiments serving on the line, and a number of other documents), introduced into scientific circulation for the first time, the practice of Kalmyk nomad camps in Russian territories under the protection of the Tsaritsyn line is examined. It is provided the information on the numerous facts of thefts, robberies and murders of the civilian population, both by “thieves” Kalmyks who illegally penetrated into Russian territories, and by the dependent Kalmyks, officially allowed to roam “inside” the Tsaritsyn line. Based on the analysis of the identified documents, the author drew up a plan of the boundaries of the territories allowed for the Kalmyk nomad camps, and also determined the places of most outposts located along the borders of the nomad camps, where the city Cossacks from the Kalmyk affairs team, Don and Volga Cossacks and Cossacks of the Sloboda regiments served at different periods of time.

Keywords: Tsaritsyn line, outposts, city Cossacks, Don Cossacks, Volga Cossacks, Cossacks of the Sloboda regiments, Kalmyks, Kuban Tatars, Crimean Tatars, Kirghiz-Kaisaks, Bashkirs, Khan Ayuka, Khansha Darma-Bala, Khan Cheren-Donduk, Khan Donduk-Ombo.

1. Введение

В конце XVII – начале XVIII вв. между русскими властями и калмыцкими ханами был заключен целый ряд официальных договоров, согласно которым калмыки являлись российскими союзниками и даже периодически выставляли необходимое число воинов для различных походов. Несмотря на это, калмыки не могли полностью отказаться от

* Corresponding author

E-mail addresses: info@gen-volga.ru (E.V. Astaf'ev)

нападений и грабежей на подконтрольных России территориях, хотя в значительной мере сократили их масштабы. Даже в период строительства Царицынской линии, когда в Понизовье было сосредоточено достаточно много российских войск, калмыки спокойно переправлялись на правую сторону Волги и нападали на любого, кто не имел достаточной охраны или сопровождения. В качестве иллюстрации можно привести выдержку из показаний капитана Н.Н. Тютчева: в сентябре 1719 г. «между Саратовом и Камышенкою напали на него в степи разбоем воровские калмыки десять человек и ранили его в шести местах, а именно в живот ниже пупа, да под правую титьку два раза, в правую руку три раза, от которых ран и ныне еще едва жив, а как оные калмыки на него напали, в то время был при нем только один капрал той же роты, который также вельми местах ранен и был жив месяца с четыре и умре, а умертвить оным калмыкам не дались, оборонясь через великую мочь ружьем» ([Офицерские сказки, 2015: 164](#)).

Кроме того, постоянные междоусобицы, происходившие между калмыцкими владельцами, зачастую мешали им в полной мере соблюдать подписанные договоренности. Даже хан Аюка, преследуя свои интересы, по оценке калмыцких историков, неоднократно нарушал принятые на себя обязательства. В частности, он приложил руку к гибели Хивинской экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского, был осведомлен, что в 1717 г. отряд калмыков численностью в 170-200 всадников принял участие в печально известном крымско-кубанском набеге на российские территории, а в 1722 г. во время Персидского похода хан отправил в составе калмыцкого отряда, снаряженного им в помощь войску Петра I, переодетого ногай, который должен был доложить кубанскому сераскиру Бахта-Гирею Дели Султану о передвижении правительственных войск ([Бакунин, 1995: 31, 36](#); [Батмаев, 1995: 9](#); [Бичурин, 1991: 92-93](#); [Пальмов, 2007: 122](#); [Тепкеев, 2018: 276, 280, 298, 315](#)).

Существует мнение, что Царицынская линия, построенная в 1720 г. для охраны южных территорий Российского государства, значительно сокращала площади калмыцких кочевий ([Ходарковский, 2019: 207](#); [Цюрюмов, 2007: 174](#); [Цюрюмов, 2021: 30](#)). Однако эта же линия зачастую становилась надежной защитой и для самих калмыков, нередко находивших внутри или даже просто вблизи нее убежище от многочисленных нападений недружественных племен и внутренних усобиц. В действительности главной целью строительства Царицынской линии было предотвращение набегов крымских и кубанских татар на российские территории. Дополнительно со стороны Волги доступ на территории Волго-Донского междуречья был перекрыт форпостами Астраханской линии, учрежденной в 1720 г. именным указом Петра I вдоль реки Волги на протяжении её течения от Самары до Астрахани в первую очередь для сдерживания киргиз-кайсаков, каракалпаков, кочевых башкир и недопущения их переправы на «нагорную» сторону ([НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 436, 458. Д. 197. Л. 61-62](#); [Курышев, 2011: 18](#)). Места расположения форпостов, частота разъездов между ними, а также состав дежуривших на них войск неоднократно менялись. В разное время службу на этих форпостах несли части армейских драгунских полков, казаки слободских полков, Волжского и Донского казачьих войск, городовые казаки команды калмыцких дел, драгуны полков Астраханского гарнизона и др. ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 93. Л. 198-202](#); [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 197. Л. 15, 18об., 42, 61-62](#); [Астафьев, 2020: 55](#); [Плешаков, Васильева, 2019: 27](#) и др.).

Калмыки были единственными, кто с разрешения российского правительства имел возможность с весны до осени кочевать «внутри» Царицынской линии, используя свои старые маршруты. В зимнее время кочевье в этой местности было исключено из-за обилия снега и низких температур. Государственной военной коллегией даже напрямую обсуждался вопрос зимнего нахождения калмыков выше Царицынской линии в связи с необходимостью постоянной защиты ханских улусов от нападений: «внутри линии чрез зиму содержать потому ж невозможно и скот от вытравления кормов весь повалится отчего и сами калмыки будут помирать или при нужде будут все разбегаться». Поэтому все кочевья «внутри» линии заканчивались осенью: «понеже оным в той линии за морозами со скоты далее октября пробыть никак невозможно» ([НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 6-7, 55](#)). Согласно вальдмейстерской инструкции от 3 декабря 1723 г., калмыкам ханских улусов в местах разрешенных кочевий дозволялось даже рубить лес ([ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 6048](#)). Доступ на российские территории был закрыт только для «воровских» калмыков, которые оказывались за линией без ведома калмыцких владельцев, угоняли скот, грабили, убивали

оседлое население. Кроме того, линия неоднократно служила для безопасного приема калмыцких делегаций, проведения переговоров и прочих подобных мероприятий, то есть успешно использовалась обеими сторонам еще и в политических целях.

Вместе с тем российское правительство старалось контролировать и ограничивать нежелательные перемещения и в особенности возможные откочевки калмыков. Например, в начале 1729 г. состоящим при калмыцких делах Василием Пахомовичем Беклемишевым были получены сведения о намерениях некоторых калмыцких владельцев переправиться через Дон и уйти «в турецкую область» (т.е. на Кубань). Поэтому в феврале этого года по распоряжению генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына для усиления контроля над территориями ниже линии и недопущения ухода калмыков «меж тражемента¹ Царицынской линии» было размещено несколько команд, приведены в готовность и перемещены ближе к линии драгунские полки². Два года позднее кочевавшие на российских территориях калмыки пытались перейти через Царицынскую линию и откочевать за Дон. Эта попытка также была пресечена стоявшими на линии драгунами и донскими казаками (Курышев, 2011: 16). Естественно, в районе южных кочевий и на границе с Кубанской областью такой контроль был гораздо более затруднителен, поэтому там свобода перемещений калмыцких улусов зависела лишь от текущих взаимоотношений с кубанцами или возможной опасности грабежей со стороны донских казаков.

2. Материалы и методы

Основными материалами для настоящей статьи послужили документы фонда № Ф-36 (Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе) Национального архива Республики Калмыкия (НАРК), большинство из которых до настоящего времени не вводилось в научный оборот. Среди опубликованных научных работ мы опирались на труды В.М. Бакунина (Бакунин, 1995), А.В. Цюрюмова (Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2021), В.Т. Тепкеева (Тепкеев, 2018), М.М. Батмаева (Батмаев, 1995), А.В. Курышева (Курышев, 2011), У.Э. Эрдниева, К.Н. Максимова (Эрдниев, 1985; Эрдниев, Максимов, 2007), А.Г. Митирова (Митиров, 1998) и др. Кроме того, в работе над статьей мы неоднократно обращались к текстам указов и других основополагающих документов исследуемого периода, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ).

В работе были использованы общенаучные методы логического анализа, синхронный метод исследования, ориентированный на выявление взаимосвязей между различными событиями. Главное внимание было уделено анализу текстов источников, структуризации и систематизации выявленной информации, ее корреляции с уже опубликованной информацией по исследуемому периоду, дальнейшим результатом явилось логическое переосмысление исследуемой темы в свете новых фактов.

3. Обсуждение и результаты

Впервые возможность пропуска калмыков за Царицынскую линию рассматривалась в начале 1724 г. в связи с ожидавшимся нападением на них кубанских татар (Клейтман, 2021: 904; Тепкеев, 2018: 340; Цюрюмов, 2021: 42). После смерти хана Аюки в феврале 1724 г. ситуация в Калмыцком ханстве усугубилась опасностью усобицы между его многочисленными наследниками (Тепкеев, 2018: 337-338). В марте 1724 г. вдова хана Аюки Дарма-Бала несколько раз обращалась к российскому правительству с просьбой в случае необходимости пропустить ее с улусами за Царицынскую линию под охрану российских войск (для несения службы на линии и на участке Дона (как продолжении линии) были назначены четыре драгунских полка и 2 тыс. донских казаков), и уже в конце марта такое разрешение было получено (Т.И. и Ю.М. Лавриновы ошибочно полагали, что это

¹ Ретрашемент – внутренние оборонительные укрепления.

² Постоянно находиться на линии драгунам было экономически неоправданно: генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин по этому поводу неоднократно жаловался, что «в тех местах в содержании команд провиантом и фуражом обстоит великая нужда», поэтому значительная часть их дислоцировалась севернее линии, где эта проблема стояла не так остро. Принцип расквартирования драгунских полков в верховых казачьих городках, а не непосредственно вдоль линии, отмечал в своем исследовании и А.В. Курышев (Курышев, 2011: 17).

произошло лишь в 1725 г. (Лавринова, Лавринов, 2000: 76-78)). Одновременно с этим разрешением капитану В.П. Беклемишеву предписывалось «старания прилагать и смотря того, дабы по смерти ханской между его, Аюкиными, детьми, и внучаты и тамошними владельцы каких явных ссор не произошло, и чтоб Аюкина жена за кого не вышла, и сами б они кого обрали в ханы» (Тепкеев, 2018: 340-341).

Влиятельные калмыцкие владельцы после смерти хана разделились на несколько групп, одни из которых тяготели к крымскому хану, другие – к российскому престолу. Со временем наследники начали враждовать и воевать друг с другом, создавая различные политические коалиции. Усилия российского правительства, которому на юге растущего государства была удобна и экономически выгодна торговля с калмыками, являвшимися поставщиками мяса, шкур и другой животноводческой продукции по относительно низким ценам, были направлены на примирение враждующих сторон при усилении наиболее пророссийски настроенных представителей калмыцкой элиты. В 1724 г. улусы ханши Дарма-Балы и ряда других калмыцких владельцев имели возможность кочевать под защитой Царицынской линии с марта по ноябрь. Для исключения возможных столкновений, связанных с борьбой за власть и спорами о наследстве, улусы всех владельцев, допущенных на российские территории, кочевали в отдалении друг от друга по обоим берегам р. Медведицы (Митиров, 1998: 136): на севере, ближе к истоку – Яман¹, южнее него Шакур-лама (верховный лама Калмыцкого ханства, наставник Черен-Дондука и один из сторонников российского престола, игравший важную роль в российско-калмыцких отношениях), затем Черен-Дондук (Церен-Дондук)², Дарма-Бала, Дондук-Даши (Дондук-Дайши)³, Бату⁴, и, южнее всех, ближе к Дону – Дондук-Омбо⁵. В сентябре 1724 г. основные наследники хана Аюки (Черен-Дондук, Дондук-Омбо и Дондук-Даши) вместе с прочими владельцами и зайсангами принесли присягу на верность российскому престолу (ПСЗРИ. Т. VII, 1830: № 4576). В феврале 1725 г., вскоре после смерти Петра I, указом императрицы Екатерины I сын хана Аюки Черен-Дондук был провозглашен наместником Калмыцкого ханства, как это и планировал сам Аюка (ПСЗРИ. Т. VII, 1830: № 4660; Эрдниев, Максимов, 2007: 134).

В марте 1725 г. несколько калмыцких владельцев были приглашены за линию уже самими представителями российской администрации с целью проведения переговоров. Астраханский губернатор Артемий Петрович Вольтер поручил царицынскому дворянскому сыну и переводчику калмыцких дел Василию Михайловичу Бакунину договориться о прикочевании к Царицыну под охрану линии калмыцких владельцев Дасанга⁶ с его братьями Нитар Доржи и Петром Тайшиным⁷ (к тому времени уже принявшим православие, к большому неудовольствию братьев). Этот визит имел весьма плачевные последствия. Отличавшийся вспыльчивостью и недоверчивостью Нитар Доржи, перекочевав за линию, начал паниковать и подозревать, что его заманили в ловушку. Он пытался убить сначала собственного брата Петра Тайшина⁸, затем «заманившего» его В.М. Бакунина и в своем безумии даже планировал напасть на губернатора А.П. Вольтера. Посланный на его поимку отряд перебил часть его подданных, часть взял в плен, но самому Нитар Доржи удалось бежать и укрыться в улусах Дасанга. Проведенное вслед за этим расследование выявило, что визит Нитар-Доржи обернулся для принимающей стороны

¹ Эркетеневский зайсанг состоял первым зайсангом при хане Аюке (зайсанг – родовой, наследный старшина калмыцкий и монгольский (Даль, 1863: 520)).

² Сын хана Аюки от Дарма-Балы.

³ Внук хана Аюки от его старшего сына Чакдорджаба (Чакдор-Чжаба, Чакдорджапа), умершего в 1722 г.

⁴ Внук хана Аюки, старший сын Чакдорджаба.

⁵ Внук хана Аюки от его сына Гуньдждаба (Гун-Джапа, Гунжепа).

⁶ Внук хана Аюки от его старшего сына Чакдорджаба.

⁷ До крещения – Баксадай-Дорджи.

⁸ Чему, собственно, Петр Тайшин сам и был виной, поскольку, вдохновившись своим новым статусом, начал стращать братьев и хвастать перед ними, будто бы, приняв крещение, он сделался настолько важной персоной, что получил некий императорский указ, согласно которому российское правительство будет помогать ему войсками «изо всех волжских городов и с Дону... сколько когда он потребует», а то и вовсе объявит его ханом, чем настроил против себя как собственных братьев, так и многих других владельцев (Митиров, 1998: 138-139).

немалой кровью: тот, «едучи от Царицына, близ слободы Тишанки заколол русских шесть человек, да по донским городкам на пашнях и в лесах многих мужеска полу колол, а женска, в том числе и сущих младенцев, пересквернил и лошадей и скот отгонял, где сколько найти мог, также многих и из калмык¹ побивал до смерти». Опасаясь возмездия, владделец Дасанга летом того же года распорядился удавить своего брата Нитар Доржи и отправил его тело к губернатору А.П. Вольнскому с раскаянием (Бакунин, 1995: 50-54; Митиров, 1998: 139-143).

Однако если о положении в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки, дозволения части калмыков в 1724 г. кочевать за Царицынской линией и неудачном проведении переговоров в 1725 г. уже упоминалось в исторической литературе (см. например: Бакунин, 1995; Клейтман, 2021; Лавринова, 1987; Тепкеев, 2018 и др.), то о последующей практике такого использования линии до сих пор не проводилось специальных исследований.

Границы территорий выше Царицынской линии, отведенные российским правительством для возможных кочевий калмыков, были весьма значительными. С востока эти границы проходили по Волге и простирались более, чем на 300 верст, с юга – по Дону и запирались Царицынской линией на всем ее 60-верстном протяжении, с запада – по Хопру на протяжении около 400 верст, а с севера – были обозначены цепью форпостов на 200-верстном участке между Хопром и Волгой.

Возможность переправы внутрь Царицынской линии со стороны Волги, как мы уже отмечали, контролировалась форпостами Астраханской линии, на которой первоначально несли дежурство городские казаки поволжских городов (Самары, Саратова, Дмитриевска, Царицына, Черного Яра и др.), входившие в состав «трехсотной команды калмыцких дел», подчиненной Василию Пахомовичу Беклемишеву. Для контроля северных границ территорий, отведенных для кочевий внутри линии, были учреждены форпосты между Волгой и Хопром, также охраняемые казаками этой «трехсотной команды». В то же время изначальными задачами казаков этой команды, помимо новой «нагрузки» в виде охраны форпостов, было взаимодействие с калмыцкими владельцами, сопровождение и охрана делегаций, доставка секретной корреспонденции и в немалой степени – охрана наместника и самих калмыцких владельцев от возможных нападений враждебных им владельцев или представителей других кочевых племен. В 1727 г. в «казачьей команде калмыцких дел» состояло 40 самарских и 20 алексеевских казаков (при одном сотнике), 35 саратовских казаков, 25 дмитриевских казаков (при одном сотнике), 45 царицынских казаков (при одном сотнике) и 35 черноморских казаков; всего – 303 человека (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 31. Д. 172. Л. 82). Для таких больших расстояний этого числа было явно недостаточно.

Именным указом императрицы Екатерины I от 4 января 1727 г. генерал-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну предписывалось набрать 600 казаков из слободских полков и 300 конных казаков из польских городков в Казанской и Астраханской губерниях и передать их в команду калмыцких дел подполковнику В.П. Беклемишеву «для охранения калмыцких владельцев от их неприятелей», а при необходимости дополнительно усилить эту команду яицкими казаками и войсками Царицынской линии (ПСЗРИ. Т. VII, 1830: № 4999). Большим неудобством для В.П. Беклемишева было то, что казаков из его команды периодически задействовали для выполнения различных непрофильных задач и поручений (например, на смену казакам, командированным на Гилян (Персия) и в другие места). Поэтому в мае 1727 г. в ответ на его рапорты последовало распоряжение о том, чтобы казаков из команды В.П. Беклемишева использовать только «для обережения» от «воровских» калмыков и киргиз-кайсаков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 81-81об.).

Калмыцкие «воровские» набеги в этот период значительно усилились (Бичурин, 1991: 94), а российских военных сил в Понизовье катастрофически не хватало, поэтому единственной реакцией на январский императорский указ явился ордер генерал-фельдмаршала князя М.М. Голицына от июля 1727 г., которым оговаривалось, что для усиления казачьей команды калмыцких дел В.П. Беклемишеву при необходимости разрешалось временно задействовать до 300 человек из регулярных войск, «обретающихся»

¹ В частности, в припадке бешенства, Нитар Доржи застрелил из ружья своего собственного зайсанга Джалчина, попытавшегося спасти жизнь В.М. Бакунину (Бакунин, 1995: 52-54).

при Царицынской линии под общим командованием генерал-майора Андрея Яковлевича Витерания (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 82).

Лишь через два года появилась возможность пусть и не в достаточной степени, но все же увеличить численность команды калмыцких дел и усилить ее донскими казаками и казаками слободских полков¹. В 1729 г. для содержания форпостов, расположенных вдоль Волги, из Белгородской губернии в команду В.П. Беклемишева было прислано 300 прапорных казаков пяти слободских полков: 60 казаков Харьковского полка под командованием сотника Алексея Кветки, 40 казаков Изюмского полка под командованием сотника Василия Станбула, 40 казаков Острогожского полка под командованием сотника Ивана Медкова, 100 казаков Ахтырского полка под командованием сотника Романа Карпова и 60 казаков Сумского полка под командованием сотника Алексея Маркова (Марковича) (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 321-324). Ахтырских казаков разместили на форпостах выше Саратова (в с. Малыковке (сейчас г. Вольск Саратовской области), в с. Сосновом Острове (сейчас г. Хвалынский Саратовской области), «на пустом месте пониже Чардымского хутора версты за две на берегу Волги», «на пустом месте ниже села Березенцев (Березники)» и др.) (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 393, 614об.), изюмских – в с. Ахмат (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 537), харьковских – в с. Золотое (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 559). Из острогожских, дмитриевских, царицынских, черноморских и других казаков сформировали сборные команды для дежурства на форпостах между Дмитриевском и Царицыным («против Ельтони», «ниже речки Балыклей при первом буераке», «ниже Стрельного бугра на другом буераке», при речке Дубовке, при речке Верхней Колье (?), «ниже Разина бугра во втором буераке», «выше Балыклейского займища во втором буераке», «в Пролей каше»², «у Крестов», при речке Верхней Мечетной, и др.) (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 398-398об., 512). Командующим всеми форпостами от Дмитриевска до Царицына был назначен дмитриевский сотник Спиридон Везелев; на время отсутствия его заменял сотник Алексей Маркович (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 593).

Чтобы проинспектировать, насколько исправно несут службу на форпостах новопривывшие слободские казаки, команде калмыцких дел в том же году было предписано командировать из Саратова проверяющего: «и того ради до Царицына послать нарочного, и дать ему инструкцию, в которой написать, чтоб он ехал от Саратова до Царицына водным путем по форпостам, а от Царицына возвратно до Саратова приехал бы по тем же форпостам сухим путем, и как туда едучи так и назад возвращаючись осмотрел бы те форпосты в добром ли порядке оные состоят и часто ли от них водою и сухим путем чинятся разъезды. Где же какой непорядок на котором форпосте усмотрит или от кого уведает что нечасто чинятся разъезды, о том представил бы он на тех форпостах командующим дабы они в том поступали по данным им инструкциям во всем непременно и потом по возвращении своем к калмыцким делам подал репорт» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 539). Для проведения этой проверки 30 августа 1729 г. из Саратова в Царицын был отправлен саратовский казачий десятник Иван Кувардин. Вернувшись в Саратов, он рапортовал, что форпосты «состоят все благополучно, и частые разъезды как водяным путем, так и сухим путем имеют» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 590).

На форпосты, расположенные от Волги до Хопра, с 1729 г. стали заступать по 300 городских казаков команды калмыцких дел и по 300 донских казаков, присылаемых им для усиления (см., например: [Курышев, 2011: 18](#) и др.). С этого времени при каждом из форпостов между Волгой и Хопром стали нести дежурство от 40 до 70 человек: форпосты, расположенные ближе к р. Волге, контролировались городскими казаками В.П. Беклемишева, форпосты, расположенные ближе к р. Хопру, – донскими казаками. Дежурство было посменным, «с переменою»: отбив положенное время на форпостах, команда менялась (ПСЗРИ. Т. IX, 1830: № 6470). Таким образом, только в охране

¹ И.В. Торопицын полагает, что казаки слободских полков были направлены в помощь команде калмыцких дел уже в 1727 г., но в действительности в этом году лишь последовал указ о таком усилении, а сами слободские казаки прибыли на Волгу только в 1729 г. ([Протоколы, 1887: 468-469; Торопицын, 2016: 27-29](#)).

² При устье речки Пролей Каша. В настоящее время примерно на этом месте существует с. Горная Пролейка Волгоградской области.

«северной» границы кочевий было задействовано до 1200 человек. В различных документах упоминается от одиннадцати до тринадцати форпостов, содержавшихся в конце 1720-х – начале 1730 гг. на этом участке границы кочевий. Нам удалось выявить список из одиннадцати форпостов, существовавших в 1734 г.:

- «Реестр форпостам, в которых урочищах и по рекам, и по сколько человек и от форпоста до форпоста например сколько верст, и кто имеющие команду
1. На речке Таловке: 56 самарских и алексеевских казаков под командой самарского сотника Матвея Шилова. Расстояние от Волги – ок. 10 верст.
 2. На речке Карамыше: 25 саратовских казаков и 25 человек крещеных и некрещеных калмыков под командой саратовского казачьего десятника Петра Себикеева¹. Расстояние от 1-го форпоста – ок. 12 верст.
 3. На речке Карамыше: 63 саратовских, дмитриевских, царицынских, черноморских казака и 1 калмык под командой капитана Луки Шахматова². Расстояние от 2-го форпоста – ок. 13 верст.
 4. На реке Медведице: 19 черноморских казаков и 21 человек крещеных и некрещеных калмыков под командой черноморского казачьего пятидесятника Андрея Горохова. Расстояние от 3-го форпоста – ок. 10 верст.
 5. На устье речки Баланды: 18 дмитриевских казаков и 32 человека крещеных и некрещеных калмыков под командой дмитриевского казачьего сотника Дмитрия Тюрюкина. Расстояние от 4-го форпоста – ок. 20 верст.
 6. На устье речки Ольшанки: 7 саратовских казаков, 28 царицынских казаков и 16 человек крещеных и некрещеных калмыков под командой саратовского казачьего десятника Максима Деревягина. Расстояние от 5-го форпоста – ок. 25 верст.
 7. На Ольшанских верхах: 48 донских казаков под командой донского казачьего сотника Растеряева. Расстояние от 6-го форпоста – ок. 20 верст.
 8. На речке Белгазе: 48 донских казаков под командой донского казачьего сотника Кружилина. Расстояние от 7-го форпоста – ок. 25 верст.
 9. На вершинах речки Изнаир: 48 донских казаков под командой донского казачьего сотника Попадина. Расстояние от 8-го форпоста – ок. 23 версты.
 10. На речке Изнаире, при кусте Третьяке: 48 донских казаков под командой донского казачьего есаула Еремеева. Расстояние от 9-го форпоста – ок. 25 верст.
 11. На устье речки Изнаир, на реке Хопре: 48 донских казаков под командой донского наказного атамана Лариона Семенова. Расстояние от 10-го форпоста – ок. 20 верст» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 147-148).

Таким образом, в 1734 г. мы видим 317 казаков и калмыков команды В.П. Беклемишева на шести форпостах, ближайших к Саратову, и 245 донских казаков на остальных пяти форпостах; итого 562 человека на одиннадцати форпостах, перекрывавших расстояние в двести верст между Волгой и Хопром.

Грамотой от 8 августа 1734 г. в целях экономии провианта и фуража, выдаваемого донским казакам, стоящим на линии форпостов между Волгой и Хопром, Военная коллегия предписала впредь командировать на эти форпосты исключительно казаков, живущих по рекам Хопру и Медведице: «И понеже оные казаки на форпостах тех близ жилищ своих стоять будут, того ради провианта и фуража из казны им не давать, а довольствоваться им от себя» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 32-32об.). 23 августа 1734 г. донские казаки, охранявшие пять форпостов, расположенных ближе к Хопру, были распущены по домам, а на эти форпосты назначена новая «трехсотная» партия донских казаков под командованием атамана Араканцева. На четырех форпостах было размещено по 43 казака, а на пятом, при атамане, – 65 казаков. Осуществляющий общее командование линией форпостов между Волгой и Хопром капитан Л.Т. Шахматов также сообщал, что один казак из этой партии умер. Таким образом, в «трехсотную» команду донцов на этот раз оказалось записано всего 239 казаков, включая атамана (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 191-191об.).

С запада границы кочевий были ограничены еще одной естественной водной преградой – рекой Хопром. Казаки расположенных по этой реке поселений также имели

¹ Себикеев (Сибикеев) Петр, саратовский казак команды калмыцких дел (1729), десятник (1734).

² Шахматов Лука Тихонович, саратовский дворянин, капитан команды калмыцких дел.

предписание «содержать от казачьих хоперских городков по Хопру до российских жилищ, и попереk реки Медведицы в пристойных местах форпосты, чтоб де калмыки чрез Хопёр для кочевания перепущены не были, и российским жилищам не учинили разорения» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 157).

Обозначив все эти границы на карте, мы можем получить представление о размерах территорий, разрешенных российским правительством для калмыцких кочевий выше Царицынской линии (Рисунок 1).

Рис. 1. Схема границ территорий выше Царицынской линии, в пределах которых калмыки могли кочевать в конце 1720-х – начале 1730-х гг. (основой для схемы послужила карта 1783 г.). Сост. Е.В. Астафьев

Римскими цифрами на схеме обозначены четыре отрезка пограничных линий: I – вал Царицынской линии (между Волгой и Доном), II – форпосты Царицынской линии вдоль Дона и казачьи поселения вдоль Хопра, III – форпосты между Волгой и Хопром, IV – форпосты Астраханской линии на интересующем нас участке Волги.

Даже по сегодняшним меркам это огромные территории (сопоставимые с размерами большинства современных европейских государств), для охраны границ которых были задействованы большие военные ресурсы. Приведенная схема лишней раз иллюстрирует, с каким вниманием российское правительство относилось к своим степным союзникам¹. Несмотря на набирающее темпы земледельческое освоение этих территорий и развитие на них сельского хозяйства, места для кочевий там оставалось предостаточно в течение всего XVIII в.

Кроме того, по приведенной схеме наглядно можно сравнить участки границ, через которые пролегли традиционные калмыцкие маршруты внутрь этих территорий. Хорошо укрепленная Царицынская линия, обозначенная на схеме цифрой I, перекрывала собой лишь узкий участок Волго-Донской переволки с юга. В то же время участок берега Волги, обозначенный цифрой IV, через который калмыки во многих местах имели привычные

¹ К примеру, в указе императрицы Анны Иоанновны от 1734 г. было сказано, что ханше Дарма-Бале разрешается «с улусом своим кочевать по нагорной стороне без запрещенія» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 12).

переправы и который был снабжен только редкими казачьими форпостами, по сути являвшимися лишь временными полевыми лагерями, – имел протяженность, как минимум, в пять раз большую длины Царицынской линии и не был оборудован какими-либо фортификационными сооружениями или искусственными преградами для переправлявшихся. Это также подтверждает наше мнение о том, что Царицынская линия сама по себе не могла явиться слишком большим неудобством для калмыцких кочевий при условии непротивления им со стороны российского правительства в отличие от возможных набегов кубанцев и крымцев, которые неминуемо должны были упереться в эту линию и принять бой, не имея иных маршрутов для своих передвижений.

Кстати, именно по причине весьма частых случаев переправ небольших групп «воровских» калмыков через Волгу и совершаемых ими на российских территориях краж скота и грабежей крестьян и казаков в начале 1730-х гг. все-таки рассматривался вопрос о замене форпостов вдоль Волги на полноценную укрепленную линию (Курышев, 2011: 23, 38). Естественно, на всей ее громадной протяженности такой проект был попросту нецелесообразен, но учитывая топологию правого берега Волги, вполне реально было построить отдельные участки вала на низинных участках и небольшие крепости в местах традиционных переправ. В качестве постоянного контингента войск для дежурства на линии также предлагались различные варианты: оставить на постоянное жительство казаков слободских полков, новая команда которых должна была прибыть в 1732 г., набрать для дежурства вдоль Волги полк служилых людей из Казанской губернии и т.д. (ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5982; Курышев, 2011: 23). Однако в итоге было принято решение перевести на Волгу партию донских казаков под командованием атамана М.Н. Персидского, изначально сформированную для охраны Царицынской линии¹. Этим казакам поселили несколькими станицами вдоль берега Волги выше Царицына и учредили из них Волжское казачье войско². С 1736 г. казаки этого войска начали нести службу на Волге вместе с городскими казаками команды калмыцких дел, а к 1740 г. было закончено строительство его станиц и окончательно утверждены границы войсковых земель (Курышев, 2011: 38). Еще одним доказательством уважительного отношения российского правительства к традиционным территориям калмыцких кочевий выступает тот факт, что указом императрицы волжским казакам на первых порах запрещалось переправляться на левый берег Волги даже для добычи соли, чтобы не провоцировать случайных ссор с калмыками (Курышев, 2011: 24; ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5982, 6007).

В период правления калмыцким народом Черен-Дондука в 1724–1735 гг., являвшегося крайне слабым лидером, в калмыцком ханстве не прекращались междоусобицы, погибло много знатных и простых калмыков (Эрдниева, 1985: 40). В этот период калмыцкие владельцы, поддерживающие партию Черен-Дондука, постоянно вынуждены были искать защиты и покровительства у российских властей. Именно на этот период приходилось большинство случаев кочевания калмыков внутри Царицынской линии. Вставший во главе оппозиции Черен-Дондуку его племянник Дондук-Омбо, поддерживаемый влиятельными и сильными владельцами Доржи Назаровым и его сыном Лубжей, держал в постоянном

¹ Вследствие создавшейся неопределенности с воинским контингентом для дежурства на Царицынской линии это войско едва не было распущено обратно по домам в 1733 г. сразу же после набора. Лишь угроза неприятия большей части его семей со стороны донских казаков и перспектива их полного разорения заставили правительство рассматривать варианты службы этого войска на волжских форпостах и в командировках в волжские города (Курышев, 2011: 38). А.В. Курышев считал, что по своим правовым и экономическим возможностям Волжское войско занимало промежуточное положение между войсковым и городским казачеством (Курышев, 2011: 40, 46). Объективно же оценивая всю историю существования этого войска и уровень выполняемых им функций, нужно признать, что это было внутреннее воинское формирование, более характерное для ландмилиции.

² А.В. Курышев упоминал в своём исследовании, что часть станиц Волжского казачьего войска были основаны на местах некогда существовавших поселений (Курышев, 2011: 38). В действительности, это были не поселения, а места базирования некоторых из форпостов Астраханской линии, на которых прежде стояли казаки слободских полков: между речкой Пролей Каша и Балыклейской водоворотью, между двух буераков напротив Караваинского острова, и др. Лишь посад Дубовка был основан на том же самом месте, где в 1721–1728 гг. существовала слобода Дубовка, сожженная по приказу правительства за прием беглых крестьян (Астафьев, 2016: 27).

страхе наместника и его партию. Демонстративно не подчинялся Дондук-Омбо и российским властям. На луговой стороне Волги, на всем расстоянии от Царицына до Самары, калмыки улуса Дондук-Омбо нападали на российских крестьян, переправлявшихся на противоположный берег и на острова для заготовки сена, грабили их, угоняли в рабство, забирали у них скот и лошадей (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 51-51об.). В это время внутри Царицынской линии калмыки допущенных кочевать на российских территориях владельцев также совершали многочисленные кражи и грабежи. На требование В.П. Беклемишева о прекращении калмыцких набегов на российские селения Черен-Дондук прямо признавался в собственной несостоятельности в качестве наместника, отвечая: «он бы то и учинил, только ему затем невозможно, что де владельцы ево не слушают» (Цюрюмов, 2021: 70).

Иногда случалось и калмыцкой оппозиции обращаться за помощью к российским военным. В начале сентября 1729 г. калмыцкий владелец Доржи Назаров, опасаясь нападения киргиз-кайсаков, писал в Саратов И.И. Бахметьеву и В.П. Беклемишеву: «...понеже улусы наши близ вас состоят, и ежели придет сильный неприятель, о том мы вас уведомим, и вы пожалуйте нам войска». В ответном письме от 11 сентября 1729 г. ему было предложено в случае опасности уходить под прикрытие Царицынской линии, однако не предлагалось пересекать ее: «для содержания Царицынской линии и для охранения калмыцких улусов от их неприятелей обретаются на оной Царицынской линии нарочные полки в команде господина генерала лейтенанта Чекина, и буде на него Доржу Назарова от касак будет наступление, то б он с улусы своими ретировался к помянутой линии» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 572-572об.).

В 1731 г. в преддверии прибытия на Волгу китайского посольства Черен-Дондук, до того времени пребывавший в статусе наместника, официально был утвержден в ханском достоинстве указом императрицы Анны Иоанновны от 17 февраля 1731 г. (Бичурин, 1991: 94; ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5699; Цюрюмов, 2021: 69). В ответ на это непокорный Дондук-Омбо лишь усилил набеги на калмыцкие улусы и российские территории. В ноябре он нанес поражение войску Черен-Дондука, после чего к нему примкнули многие владельцы, прежде занимавшие выжидательную позицию. В начале 1732 г. присланный из столицы генерал-поручик Иван Федорович Барятинский, командуя войсками Царицынской линии, казаками команды калмыцких дел, а также донскими и яицкими казаками, отбил у Дондук-Омбо большую часть улусов Черен-Дондука, Дарма-Балы и других владельцев. Дондук-Омбо со своим войском, улусами и многими владельцами ушли на Кубань. Осенью 1733 г. он совершил набег на улусы Дондук-Даши, захватил и увел их с собой. Кроме того, ряд небольших улусов самостоятельно откочевали к нему с Волги. В результате под властью Дондук-Омбо оказалась собрана значительная часть всего калмыцкого ханства (Бичурин, 1991: 94; Митиров, 1998: 144-152; Пальмов, 2007: 126; Цюрюмов, 2021: 71-79).

В марте 1734 г. владелец Лубжа, сын Доржи Назарова, напав на луговой стороне Волги на улусы Дарма-Балы, Галдан-Данжина и Шакур-ламы, захватил более 4 тыс. кибиток (Цюрюмов, 2021: 82). Летом 1734 гг. хан Черен-Дондук с поддерживавшими его владельцами и всеми их улусами в очередной раз были допущены кочевать за Царицынскую линию по указу императрицы Анны Иоанновны. Они просили российской защиты как от возможного нападения Дондук-Омбо, так и от Доржи Назарова, угрожавшего разбить их и кочевавшего между Царицыным и Астраханью (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 6-7). В числе знатных персон, пропущенных в этот раз за линию, были ханша Дарма-Бала, хан Черен-Дондук (Черен-Дондук), Шакур-лама, Галдан-Данжин¹, Дондук-Даши, Лекбей, Лабан-Дондук (Лаван-Дондук)², Байсхолунт, а также зайсанги Санжи-Дарга³, Цаган Богынов⁴ и Шорой (Шоро)⁵.

Для контроля передвижений калмыков на российской территории указом было традиционно предписано «по впусчении внутрь Царицынской линии калмыцкого хана

¹ Младший сын хана Аюки, брат Черен-Дондука.

² Сын дербетского тайши Четера, женатый на внучке хана Аюки.

³ Зайсанг Шакур-ламы, ближней ханши Манжин-Сойбонши.

⁴ Зайсанг Черен-Дондука.

⁵ Зайсанг Дондук-Даши.

Черен-Дондука и прочих его партии владельцев со всеми улусами для кочевания показать им места от российских жилищ не вблизи, дабы воровских подбегов для краж не чинили, и для того б имеющиеся в команде калмыцких дел и будущим на Царицынской линии, и хоперским казакам в пристойных местах имели караулы и разъезды по то все время, пока оные калмыки паки за Волгу или назад чрез линию возвратятся». В то же время указом оговаривалось, чтобы калмыкам была оказана вся необходимая поддержка: «и тем калмыкам во время нужное, как астраханскому губернатору, так и царицынскому коменданту, и полкам, стоящим при линии, чинить всякое споможение» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 157). Как мы увидим далее, даже в это тяжелое время калмыки без всякого стеснения занимались внутри линии воровством и грабежами.

В июле 1734 г. хан Черен-Дондук писал императрице Анне Иоанновне и саратовскому воеводе полковнику В.П. Беклемишеву (в начале 1734 г. по указу императрицы вновь принявшему на себя управление всеми калмыцкими делами) о своем бедственном положении – «от своих родственников Доржи и Дондук-Омбы каждый год и месяц развоеван и разорен» – и просил не оставить его своими заботами в преддверии надвигающейся зимы: «как покроется Волга льдом, то де с обеих сторон от неприятелей имеется быть опасность», поэтому «ему хану с улусами где будет зимовать, дабы он полковник обо всем сыскал способ» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 15-15об.). Ему вторил племянник Дондук-Даши: «от Дондук Омбы и от Лубжи¹ паче всех прежних времен приведены в слабое состояние и ежели ныне их не поправить, то они и вконец могут разориться и пропасть» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 47об.). Всем было понятно, что дольше октября оставаться внутри линии калмыки не смогут (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 55), а без российской защиты их добьют Дондук-Омбо, Доржи Назаров и Лубжа.

В конце июля Доржи Назаров напал на луговой стороне Волги на кочевавший там улус Шакур-ламы, состоявший из пятисот кибиток «и оный разграбя, забрал к себе без остатку» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 54). Некоторые владельцы прежде поддерживавшие Черен-Дондука, бежали к Доржи Назарову и Дондук-Омбо, другие планировали это сделать (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 54об.). В панике разбитый и беспомощный Черен-Дондук писал одно письмо за другим. В конце августа он вновь просил у императрицы помощи в виде похода на Волгу князя И.Ф. Барятинского или А.П. Волынского «со многим войском», или «кого из ближних министров также со многим войском», или «кого другого знатного с войсками», мотивируя это тем, что А.П. Волынский и И.Ф. Барятинский ранее уже «прежние междоусобия поправляли». Императрица ответила, что «для лутчаго в калмыцком народе покоя и тишины, и чтоб не было кровопролития» к Дондук-Омбо, Дорже Назарову и Лубже были посланы «знатные» делегаты с «милостивоувещательными грамотами» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 48-49, 58).

В начале сентября 1734 г. в письмах к В.П. Беклемишеву хан Черен-Дондук объявил, что по общему согласию с остальными владельцами они собираются откочевать со всеми своими улусами с горной стороны Волги на ее луговую сторону, и просил выделить им для сопровождения и дальнейшей охраны «российского войска тысячу человек, которое бы де могло быть впереди их улусов, отчего б де они и с улусами в тех царицынских лугах имели кочевье безопасно» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 227). В ответ В.П. Беклемишев возразил, что тысячу человек без указа императрицы он дать не может, да и калмыкам без указа императрицы кочевать на луговую сторону не подлежит, дабы «не навести на Высочайший гнев Ея Императорское Величество», а кроме того напомнил хану, что на луговой стороне в это время кочует калмыцкий владелец Лубжа, который может разорить ханские улусы, ибо, как В.П. Беклемишеву уже доводилось убедиться, «ханская сторона пред Лубжей бессильна и в войне стоять не может» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 228).

В это же время Дондук-Даши написал В.П. Беклемишеву с просьбой, чтобы российские войска в зиму помогли сопроводить его улусы в Астрахань, «где есть рыба и будет тепло и будут остерегать его русские люди», а на словах велел своему зайсангу Шоро передать, что «раньше кочевали они в зимнее время, а ныне нет для них мест бесснежных и безопасных» и откочевать в Астрахань они хотят, потому что «люди их весьма скудны, и от той скудости несет себе голод... и по скудости де его улусные люди будут у россиян кражи и прочие обиды

¹ Лубжа Назаров, сын Доржи (Дорджи) Назарова.

чинить, ибо за неимением у них пропитания и воздержать их будет немошно» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 194-194об.). Одновременно было получено коллективное письмо от Шакур-ламы с прочими владельцами с идентичной просьбой о помощи в зимнем кочевье (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 200-200об.).

Местной российской администрацией рассматривались различные варианты разрешения создавшейся ситуации. Охранять калмыков между Черным Яром и Астраханью на их привычных кочевьях было бессмысленно из-за огромных расстояний и невозможности предупреждать неминуемые нападения. В качестве наиболее предпочтительного варианта предлагалось переправить их через Дон «по примеру как в 1726 году владелец Дасанг с 10000 кибиток там зимовал», а казаков команды калмыцких дел переместить ниже Царицынской линии, расквартировать в донских казачьих городках и учредить там форпосты и разъезды (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 55об.-57). В качестве другого варианта рассматривалась возможность полного разгрома войск Доржи Назарова и Лубжи на луговой стороне Волги посредством нападения на них башкир и киргиз-кайсаков, а на нагорной стороне – полков Царицынской линии, яицких и донских казаков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 54об., 80-81; Цюрюмов, 2021: 88). Начало осуществления второго варианта было возможно не ранее возвращения посланных с «милостивоувещательными грамотами» делегатов.

Зимой 1735 г. Доржи Назаров со своими улусами тайно откочевал на Кубань и соединился с Дондук-Омбо, под управлением которого теперь оказалось сконцентрировано почти все калмыцкое население. Черен-Дондук, не способный к управлению ханством, растерявший остатки своего авторитета, постоянно просивший деньги и военную помощь (а также прислать грамоту с «приказанием калмыкам о почитании его ханом»), превратился в обузу для российского правительства и перестал представлять для него какой-либо интерес. В 1735 г. Черен-Дондук был отправлен в Санкт-Петербург, а на его место был приглашен Дондук-Омбо, так основательно зарекомендовавший себя лидером среди калмыков и давно искавший возможности отправить своих посланников к Российскому императорскому двору для принесения извинений и заключения мирного договора. Российское правительство в этом случае удачно опередило крымского хана, который со своей стороны отправил Дондук-Омбо уже подписанный указ о пожаловании его «турецким сераскер-султаном, правителем над кубанским и калмыцким народом главным». Дондук-Омбо после совета со своими духовниками и зайсангами все-таки склонился к российскому предложению возвратиться со всеми улусами на Волгу. В ноябре 1735 г. он принял присягу на верность российскому престолу и был официально провозглашен Главным управителем Калмыцкого народа (ПСЗРИ. Т. IX, 1830: № 7027; Цюрюмов, 2021: 89-92). Жалованная грамота об этом была, по-видимому, составлена задним числом и датирована 7 марта 1735 г. (ПСЗРИ. Т. IX, 1830: № 6705). Впоследствии грамотой от 3 марта 1737 г. он был возведен в ханское достоинство (ПСЗРИ. Т. X, 1830: № 7191). При Дондук-Омбо среди калмыцких владельцев практически прекратились междоусобицы и отпала необходимость прятать кого-либо из них за Царицынской линией под защитой российских войск, поэтому все последующие кочевья за линией происходили исключительно в интересах скотоводства, по-прежнему с разрешения местной российской администрации. Например, в начале 1739 г. на российских территориях кочевал зайсанг Чимбе Эмчий (Чимбу Эмчю) с 200 кибитками. 26 апреля 1739 г. он был переправлен через линию для соединения с ханом Дондук-Омбо (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 3).

В 1735–1739 гг. калмыцкие войска принимали непосредственное участие в Русско-турецкой войне (Эрдниев, 1985: 40). В этот период калмыки уже не просто выставляли необходимое число всадников для походов, но и выполняли самостоятельные боевые задачи в ходе военных кампаний. Помимо того, что в составе российской группировки, находившейся в походе в Крыму, постоянно состояли калмыцкие войска, в 1736 г. Дондук-Омбо во главе 20-тысячной калмыцкой армии был отправлен на Кубань, где сначала разбил большой отряд кубанских татар, а затем запер превосходящие силы противника и сдерживал их до подхода донских казаков, в результате чего многие кубанцы вынуждены были сдаться и перейти в российское подданство. В числе прочего калмыки разорили и сожгли часть станиц казаков-некрасовцев, бежавших на Кубань в 1708 г., но впоследствии неоднократно совершавших вместе с кубанскими татарами кровавые набеги на российские селения (Бичурин, 1991: 100-101; Прозрителев, 1990: 27).

В марте 1739 г. согласно императорскому указу, присланному из Коллегии иностранных дел, саратовским, дмитриевским, царицынским и черноморским казакам команды калмыцких дел общим числом 200 человек было приказано «быть в готовности при хане Дондук-Омбо», составив его личную охрану. Следующим указом, от 7 мая 1739 г., «для всегдашнего пребывания при нарочной назначенной персоне ради охранения калмыцкого хана Дондук-Омбы с домом» была командирована рота Астраханского драгунского полка под командой капитана Еремея Зарубина и 240 казаков команды калмыцких дел (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 82об., 139-140, 150, 416)¹. Этим подчеркивалось, насколько российское правительство ценит заслуги хана и заботится о безопасности его и его семейства.

В конце апреля 1739 г. хану Дондук-Омбо была отослана очередная императорская грамота о срочной поставке 10-тысячного калмыцкого войска для кампании против турок на Кубани (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 39, 79об.). Хан отправил в поход необходимое число людей под командованием владельца Лабанг Дондука, который по возвращении в начале июня 1739 г. сообщил царицынскому коменданту полковнику П.Ф. Кольцову, что вернулся с добычей и в благодарность передает ему из числа своей добычи одну лошадь, а также хочет направить своих посланников с «презентом» для императрицы (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 73, 76). Этот эпизод свидетельствует, что за калмыками сохранялось право захвата военных трофеев при участии в государевых походах.

В июне 1739 г. хан Дондук-Омбо сам выступил в поход на Кубань во главе 5-тысячного войска калмыков и кабардинцев (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 117-117об., 120, 425). В походе калмыки одержали ряд побед, взяли 7 тыс. семей противника и большую добычу. В конце августа на реке Кубани они напали и убили Харган Гирея Салтана (сына сераскира Бахты-Гирея (Бахта Гирея) Дели Султана) с охранявшими его 60 воинами. 29 августа Дондук-Омбо со своим войском повернул обратно к Волге. Стремясь отомстить за смерть Харган Гирея, кубанцы снарядили вдогонку калмыкам 4-тысячное войско, но, к счастью для Дондук-Омбо, это войско по дороге разбила донские казаки (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 491, 496-498об.).

В этот период калмыки получили возможность значительно расширить площади своих кочевий за счет кубанских территорий, а также поправить свое благосостояние за счет военной добычи. О том, что им стали практически не интересны территории, лежащие выше Царицынской линии, косвенно могут свидетельствовать присланный из Коллегии иностранных дел указ казакам Волжского войска и ответный рапорт войскового атамана Волжского войска Михайлы Дикого, в которых уже не упоминаются калмыки: этим указом волжским казакам предписано было иметь от Дубовки до Дмитриевска между станицами «частые и недреманные» разъезды, дабы «переездов киргиз-кайсака и других татар чрез Волгу в киргиз-кайсацкие орды и в Кубань накрепчайшее предостерегательство иметь» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 436, 458).

Дондук-Омбо умер в 1741 г. После его смерти в Калмыцком ханстве вновь развернулась борьба за власть и возобновились кровопролитные междоусобицы, в ходе которых погиб законный наследник Галдан-Норма и многие знатные владельцы. Российскому правительству вновь пришлось вмешиваться для прекращения кровопролитий и назначить наместником Калмыцкого ханства Дондук-Даши, внука хана Аюки. В 1758 г. Дондук-Даши из наместников был пожалован в ханское достоинство, а по его просьбе, принимая во внимание его слабое здоровье и для предотвращения междоусобиц после его смерти, наместником заблаговременно был назначен его сын Убаши. Дондук-Даши умер в 1761 г., после его смерти калмыцким народом правил Убаши, при котором в 1771 г. произошел исход большей части калмыков в Китай (Бичурин, 1991: 109-110; Колесник, 2000: 78-80).

Напоследок необходимо упомянуть, что при любых губернаторах, при любом хане, при любых, даже самых хороших, отношениях с российским правительством, калмыки никогда не переставали заниматься разбоем и грабежами. Они нападали на крестьянские и казачьи поселения, как находясь внутри Царицынской линии, под ее защитой, так и извне, переправляясь небольшими партиями через Волгу и даже через саму линию. Не имея

¹ В 1739 г. самарские и алексеевские казаки «трехсотной» казачьей команды калмыцких дел были переведены в Оренбургскую комиссию, поэтому в команде и осталось всего 240 казаков (Торопицын, 2016: 32).

возможности перечислять здесь все инциденты, произошедшие в исследуемый период, лишь вкратце рассмотрим некоторые из этих случаев, чтобы составить общее представление об этом явлении.

О поведении калмыков улуса Нитар-Доржи в 1725 г. уже упоминалось в начале этого исследования; также отмечалось, что с 1727 г. калмыцкие набеги многократно усилились. В июне 1729 г. генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин доносил о грабежах и разбое калмыков на р. Бурлук, сопровождавшихся перестрелками, а также о многочисленных свидетельствах совершенных «воровскими» калмыками переправ через Волгу (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 386-387об.). Ночью 24 июня калмыки одного из улусов, кочевавших вдоль Волги на луговой стороне в 5 верстах выше р. Балыклея, угнали табун лошадей, пасшихся на р. Тишанке и принадлежавших казакам, несшим дежурство в Донской крепости на Царицынской линии. Ночью 29 июня калмыки этого же улуса угнали табун лошадей на р. Медведице у казаков станицы Малодельской, «исколов до смерти» одного казака и «побив и переранив» нескольких других (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 467-467об., 471-474). В июле 1729 г. калмыки напали на Волге на казачий разъезд из четырех человек и «побили их до смерти» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 462-463об.). В августе 1729 г. дежурившие на форпостах на Волге казаки слободских полков доносили, что группа калмыков не менее 15 человек переправилась в районе Мордовых вершин на нагорную сторону, но посланные с форпоста казаки под командой изюмского сотника Василия Станбула их не догнали и не смогли найти по свежим следам. На следующий день на поиски была отправлена новая группа казаков, усиленная 30 саратовскими казаками под командованием пятидесятника Давыда Стрелкова. Дежурившим на форпостах казакам было приказано «смотреть недреманным оком с великою предосторожностью, чтобы те калмыки с награбленным не переправились обратно», но все было тщетно: поймать калмыков так и не удалось (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 537-538об.). В сентябре от волжских форпостов вновь поступило донесение о переправе на правый берег «воровских» калмыков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 559-559об.). Число и объемы грабежей достигали таких масштабов, что в начале 1730-х гг. вышла целая серия указов о поимке и сдерживании «воровских» калмыков: «понеже калмыки, перебираясь воровски, а паче где была Дубовка чрез Волгу и подбегая под Царицын и под казачьи и российские жилища, многие пакости чинят» (ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5809, 5850, 6007).

С поселением в Дубовке волжских казаков заметно участились случаи поимки «воровских» калмыков, и местные жители смогли вздохнуть свободнее. В июле 1734 г. дубовские казаки во главе с атаманом М.Н. Персидским встретили на р. Тишанке группу «грабленных русских людей» и в течение одного дня «переловили» вдоль реки и в ее окрестностях 13 калмыков, большинство из которых тут же были опознаны потерпевшими. Это оказались калмыки улусов хана Черен-Дондука, ханши Дарма-Балы и Шакур-ламы, допущенных внутрь Царицынской линии для охраны от нападений Дондук-Омбо, и такова была их «благодарность» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 18-18об.).

Вообще в периоды таких разрешенных кочевий внутри линии многократно увеличивались калмыцкие нападения, грабежи и кражи. В конце июля 1734 г. капитан Л.Т. Шахматов докладывал еще о нескольких кражах калмыками лошадей. В первом случае к форпосту самарских и алексеевских казаков, расположенному в урочище р. Таловки, ночью 20 июля подъезжали несколько калмыков и пытались угнать казачьих лошадей. Двоих калмыков казаки поймали и отправили под караулом в Саратов. Владелец Байсхолунт, чьего улуса оказались эти калмыки, просил их отпустить, заявив, что «оны калмыки близ того форпоста на корм верблюдам токмо соленой земли брали». В конце августа пойманных калмыков отдали владельцу (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 60-70). Во втором случае были замечены калмыки, переправлявшиеся с 15 лошадьми через р. Карамыш, которые тут же попытались скрыться. Посланный за ними в погоню казачий разъезд во главе с десятником Стрелковым не смог догнать воров, но отбил у них 9 лошадей (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 119).

Нередки были случаи, когда бывшие владельцы находили своих украденных лошадей уже под седлом калмыков или в их табунах (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 121, 160об.). 7 августа 1734 г. 8 калмыков напали около одного из форпостов на донского казака, который отошел поохотиться на сурков. Этого казака «связали и жестоко били и ружье у него взяли и

сняли с него кафтан и оставя одного казака и отъехали». Сумев развязать веревки, казак добрался до форпоста и сообщил о нападении своему сотнику. В погоню за калмыками была отправлена команда из 14 казаков, которая поначалу настигла калмыков «и со оными калмыки учинили из ружей пальбу и по оным калмыкам выпалили залпом и отбили у них кошовых лошадей». Но затем калмыки, видя, что с отбитыми лошадьми казаки замешкались, «скочили на лошедях к казакам и копьями ранили семь человек и коши возвратно отбили и ушли» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 145). 19 августа 1734 г. в Дмитриевск пришла дворцовая крестьянка села Водоватова Арзамасского уезда и сообщила, что бежала из полону от сына одного из калмыцких владельцев. В июне они с мужем и другими крестьянами (10 мужчин и 10 женщин) отправились из своего села в донские казачьи городки в поисках заработка, но в пути на них напали калмыки, ее мужа и еще 5 мужчин убили, а остальных забрали в полон (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 187-189об.).

В конце 1738 г. калмыки владельца Четеря переправились через Волгу значительно выше Саратова и совершили ряд нападений в Малыковской волости (будущий Вольский уезд Саратовской губернии), ограбив многих местных крестьян и отогнав у них лошадей и рогатый скот. В числе пострадавших оказались крестьяне сел Малыковка, Белогродня, Рыбная Слобода, Терса, Воскресенское. Расследованием этого инцидента на месте занимался майор А.И. Микулин, о ходе расследования незамедлительно докладывалось тайному советнику В.Н. Татищеву. Мероприятия продолжались до лета 1739 г., были схвачены и допрошены десятки калмыков вместе с женами и детьми, устроены очные ставки с потерпевшими, большая часть арестованных была отправлена в Самару. Часть из них указом от 30 апреля 1739 г. была отправлена в Царицын к полковнику и царицынскому коменданту Петру Федоровичу Кольцову, которому, в свою очередь, было предписано «о всяких делах между калмыки и россияны суд и росправу чинить, со определением для того от калмыцкого хана Дондук Омбы владельцам» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 195-374). Помимо этого, в январе-мае 1739 г. в саратовскую канцелярию поступил целый ряд жалоб от местных жителей (от саратовского казака И. Урлапова, саратовского посадского человека А. Неустроева, В. Иванова, Я. Савельева, Г. Сединкова, отставного казака Д. Ломовцова и др.) о нападениях и грабежах калмыков владельца Бая, допущенного со своими людьми кочевать за Царицынскую линию. В связи с этим в мае 1739 г. владельцу Баю из Коллегии иностранных дел был переслан Высочайший указ, гласивший: «чтобы он Бай над своими улусами калмыков накрепко смотрел и будучи в линии близ российских городов краж и воровства и проезжим людям грабительства они не чинили и для того б смотрения и частого ему напominания пока он пробудет в линии содержать ему при нем кого из дворян и чтоб заблаговременно в ближние российские места дать знать ежели от его калмыков где какие обиды кому учинятся и о том бы прямо из тех мест писано было ко мне и представлять требуя от него суда и действительно обидимым заплатить» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 35-38, 79). Таким наблюдателем был назначен представитель Коллегии иностранных дел, дворянин Спиридон Везелев (до 1734 г. служил сотником Дмитриевских казаков команды калмыцких дел). Сразу после этого владелец Бай со своими кибитками скрытно откочевал на луговую сторону под Астрахань (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 117, 152об.).

В середине июня 1739 г. «воровские» калмыки, напав ночью на табун лошадей саратовских, самарских и дмитриевских казаков команды калмыцких дел, угнали десяток лошадей и ушли напрямиком через Царицынскую линию, перебравшись через нее всего в полутора верстах от Грачевской крепости, но упустив при переходе 6 лошадей. Посланные на рассвете из Грачевской крепости есаул Т.И. Карцов с командой из 30 казаков нагнали калмыков, отбили у них 25 лошадей и взяли одного пленного (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 99-99об., 128об.). После долгих разбирательств часть лошадей была отдана казакам команды калмыцких дел, часть возвращена калмыкам (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 127).

Перечисление таких случаев может продолжаться очень долго, но нам важно показать лишь часть из них для объективного понимания характера взаимоотношений населения окраинных территорий Российского государства в этот период. Как для калмыков, так и для кубанцев, кабардинцев, киргиз-кайсаков, башкир или донских казаков «подбеги» и грабежи были привычным способом обогащения, которым они пользовались при любой представившейся возможности как по отношению друг к другу, так и к другим народностям, невзирая на все заключенные между ними перемирия и договоренности, поэтому ни статус

союзников, ни российское подданство для них вовсе не являлись обязательством быть для кого-либо еще и добрыми соседями.

4. Заключение

С постройкой Царицынской линии началось быстрое освоение Волго-Донского междуречья. Первыми начали появляться казачьи поселения вокруг форпостов, рядом с ними и под их защитой – первые крестьянские слободы, затем пришла дворянская колонизация, с ее небольшими помещичьими селениями: великороссийскими селами и деревнями и малороссийскими слободами и хуторами, населенными владельческими крестьянами. Следующим этапом явилась иностранная колонизация части региона, начатая российским правительством в 1760-х гг. Однако, вопреки бытующему в исторической литературе мнению, будто бы Царицынская линия значительно сократила и ограничила привычные территории калмыцких кочевий, явившись одним из серьезных посылов для принятия ими решения об исходе на свою историческую родину, необходимо констатировать, что в действительности ситуация развивалась совершенно иным образом. Благодаря настоящему исследованию, мы можем видеть всю несостоятельность подобных обвинений. Безусловно, само существование линии и необходимость получения разрешения на ее пересечение, связанная с потерей времени на его ожидание, были неудобны для калмыцких владельцев. В подавляющем большинстве случаев кочевья калмыков «внутри» линии и их продолжительность были обусловлены не столько поиском кормов для скота, сколько необходимостью военной защиты отдельных групп калмыцких владельцев и в первую очередь – самого правителя Калмыцкого ханства. Междоусобицы в Калмыцком ханстве заметно снизились с приходом к власти более сильных и авторитетных ханов, поэтому потребность в их укрытии на российских территориях практически полностью отпала. Несмотря на возможность продолжения кочевий за линией в теплое время года, постепенное освоение крестьянами территорий вокруг линии с годами и десятилетиями конечно же неуклонно уменьшало полезную площадь этих кочевий для калмыков. Но вместе с тем совместные завоевания на Кубани предоставляли новые огромные территории и возможности для развития. Поэтому если в первые десятилетия после строительства линии было отмечено довольно много калмыцких кочевий внутри Царицынской линии, то впоследствии они практически полностью прекратились.

Нужно отметить, что линия сыграла свою важную роль в поддержании мира внутри Калмыцкого ханства, сохранении жизни многих калмыков, укреплении дружеских связей и усилении сотрудничества между русским и калмыцким народами. Вместе с тем не столько Царицынская линия и оставшиеся выше нее кочевья, сколько все большее сельскохозяйственное освоение территорий традиционных левобережных кочевий, сопровождавшееся вводившимися российским правительством ограничениями на занятия рыбной ловлей на Волге, сильно стесняли и приводили к разорению многих калмыцких владельцев (ПСЗРИ. Т X, 1830: № 7359; Цюримов, 2007: 313-317; Эрдниев, 1985: 41).

В 1771 г. нойоны и подданные им калмыки во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши скрытно ушли с левобережных кочевий на свою историческую родину в Джунгарию. Российская империя лишилась мощного военного союзника и многолетнего поставщика продуктов скотоводства на Нижней Волге. Начиная с 1801 г., по предложению командира Астраханского казачьего полка П.С. Попова, на оставшихся пустующими землях в Астраханском Заволжье указом императора Павла I было разрешено кочевать киргиз-кайсакам «Меньшой Орды» (Астафьев, 2019: 75-76). Территории Саратовского Заволжья со временем окончательно были заселены потомками немецких колонистов, казаками и государственными крестьянами. Лишь часть задержавшихся на нагорном берегу Волги калмыков, которые из-за теплой зимы не смогли в 1771 г. переправиться на левую сторону и откочевать в Китай вместе с основными улусами, остались в подданстве Российской империи и продолжили жить на своих территориях. В настоящее время эти территории входят в состав Республики Калмыкия.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Памятник фортификации Петровской эпохи “Царицынская сторожевая линия”»: история строительства и эксплуатации,

современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования» (проект РФФИ № 20-09-42009).

Литература

Астафьев, 2016 – Астафьев Е.В. 1722 году скаски города Царицына разныя о душах мужеска полу. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2016. 304 с.

Астафьев, 2019 – Астафьев Е.В. Командир Астраханского казачьего полка генерал-майор П.С. Попов (1757–1815) // *Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества*. Вып. 12. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2019. С. 61-90.

Астафьев, 2020 – Астафьев Е.В. Грачёвская крепость Царицынской сторожевой линии / *Объекты культурного наследия петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов международной научной конференции*. Волгоград: Сфера, 2020. С. 49-67.

Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 160 с.

Батмаев, 1995 – Батмаев М.М. В.М. Бакунин и его «Описание калмыцких народов» / Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 7-14.

Бичурин, 1991 – Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 128 с.

Даль, 1863 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая: А-З. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863. 628 с.

Клейтман, 2021 – Клейтман А.Л. Царицынская сторожевая линия и военно-политические изменения на юго-восточных границах России в 1720-х гг. // *Oriental studies*. 2021. Vol. 14. Is. 5. С. 900-909.

Колесник, 2000 – Колесник В.И. К вопросу о политике Цинской империи в отношении возвращения калмыков из Нижнего Поволжья в Джунгарию в 1771 г. / *Вопросы краеведения*. Вып. 6: Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию Областного общества краеведов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 78-80.

Курьшев, 2011 – Курьшев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.

Лавринова, 1987 – Лавринова Т.И. О пропуске калмыков через Царицынскую укрепленную линию весной 1724 года (к вопросу о значении Царицынской линии в первые годы ее существования). Волгоград: [б.и.], 1987. 12 с.

Лавринова, Лавринов, 2000 – Лавринова Т.И., Лавринов Ю.М. Обострение военно-политической обстановки на Юге России в связи с мятежом Вахты Гирея Дели Султана в Крыму в 1724–1726 гг. // *Вопросы краеведения*. Вып. 6: Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию Областного общества краеведов. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 76-78.

Митиров, 1998 – Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. 384 с.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Офицерские сказки, 2015 – Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1352 с.

Пальмов, 2007 – Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007. 464 с.

Плешаков, Васильева, 2019 – Плешаков И.Н., Васильева Е.Н. Казачество в период колонизации и становления административного устройства Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII века // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 20-33.

Прозрителев, 1990 – Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. Элиста: Санан, 1990. 384 с.

Протоколы, 1887 – Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. II (август-декабрь 1726 г.) / Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 56. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1887. 646 с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VII. 1723–1727. 934 с. Т. VIII. 1728–1732. 1004 с. Т. IX. 1733–1736. 1016 с. Т. X. 1737–1739. 990 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Тепкеев, 2018 – *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Торопицын, 2016 – *Торопицын И.В.* Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // *Журнал фронтирных исследований.* 2016. № 2. С. 23-39.

Ходарковский, 2019 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Цюрюмов, 2007 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

Цюрюмов, 2021 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. 2-е изд. / Отв. ред. В.Л. Егоров. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 132 с.

Эрдниева, 1985 – *Эрдниева У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. 282 с.

Эрдниева, Максимов 2007 – *Эрдниева У.Э., Максимов К.Н.* Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007. 429 с.

References

Astaf'ev, 2016 – *Astaf'ev, E.V.* (2016). 1722 godu skaski goroda Tsaritsyna raznyya o dushakh muzheska polu [In 1722, the stories of the city of Tsaritsyn are different about the souls of the male sex]. Volgograd: Izd-vo TsGO, 304 p. [in Russian]

Astaf'ev, 2019 – *Astaf'ev, E.V.* (2019). Komandir Astrakhanskogo kazach'ego polka general-maior P.S. Popov (1757–1815) [Commander of the Astrakhan Cossack Regiment, Major General P.S. Popov (1757-1815)]. Nizhne-Volzhskii istoricheskii sbornik Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva. Vyp. 12 [Lower Volga Historical Collection of the Tsaritsyn Genealogical Society. Is. 12]. Volgograd: Izd-vo TsGO, pp. 61-90. [in Russian]

Astaf'ev, 2020 – *Astaf'ev, E.V.* (2020). Grachevskaya krepost' Tsaritsynskoi storozhevoi linii [Grachev fortress of the Tsaritsyn watch line] Ob"ekty kul'turnogo naslediya petrovskoi epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Grachev fortress of the Tsaritsyn watch line]. Volgograd: Sfera, pp. 49-67. [in Russian]

Bakunin, 1995 – *Bakunin, V.M.* (1995). Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsкого, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of them Torgout, and the actions of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 160 p. [in Russian]

Batmaev, 1995 – *Batmaev, M.M.* (1995). V.M. Bakunin i ego "Opisanie kalmytskikh narodov" [V.M. Bakunin and his "Description of the Kalmyk peoples"]. Bakunin V.M. Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsкого, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda [Bakunin V.M. Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout people, and the deeds of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 7-14. [in Russian]

Bichurin, 1991 – *Bichurin, N.Ya.* (1991). Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 128 p. [in Russian]

Dal', 1863 – *Dal', V.I.* (1863). Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Chast' pervaya: A-Z [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part one: A-Z]. М.: O-vo lyubitelei ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te, 628 p. [in Russian]

Erdniev, 1985 – *Erdniev, U.E.* (1985). Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki. 3-e izd., pererab. i dop. [Kalmyks: Historical and ethnographic essays. 3rd ed., revised and additional]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 282 p. [in Russian]

Erdniev, Maksimov 2007 – *Erdniev, U.E., Maksimov, K.N.* (2007). Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki. 4-e izd., pererab. i dop. [Kalmyks: historical and ethnographic essays. 4th ed., revised and additional]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 429 p. [in Russian]

Khodarkovskii, 2019 – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 / per. s angl. A. Tereshchenko [Steppe borders of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800 / translate from English by A. Tereshchenko]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]

Kleitman, 2021 – *Kleitman, A.L.* (2021). Tsaritsynskaya storozhevaya liniya i voenno-politicheskie izmeneniya na yugo-vostochnykh granitsakh Rossii v 1720-kh gg. [Tsaritsyn guard line and military-political changes on the southeastern borders of Russia in the 1720s]. *Oriental studies*. Vol. 14. 5: 900-909. [in Russian]

Kolesnik, 2000 – *Kolesnik, V.I.* (2000). K voprosu o politike Tsinskoi imperii v otnoshenii vozvrashcheniya kalmykov iz Nizhnego Povolzh'ya v Dzhungariyu v 1771 g. [On the issue of the policy of the Qing Empire regarding the return of Kalmyks from the Lower Volga region to Dzungaria in 1771]. *Voprosy kraevedeniya. Vypusk 6: Materialy kraevedcheskikh chtenii, posvyashchennykh 75-letiyu Oblastnogo obshchestva kraevedov* [Problems of local history. Issue 6: Materials of local history readings dedicated to the 75th anniversary of the Regional Society of Local History]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, pp. 78-80. [in Russian]

Kuryshhev, 2011 – *Kuryshhev, A.V.* (2011). Volzhskoe kazach'e voisko (1730–1804): sozdanie, razvitie i preobrazovanie v lineinye kazach'i polki [Volga Cossack army (1730–1804): creation, development and transformation into linear Cossack regiments]. Volgograd: Izdatel', 352 p. [in Russian]

Lavrinoва, 1987 – *Lavrinoва, T.I.* (1987). O propuske kalmykov cherez Tsaritsynskuyu ukreplennuyu liniyu vesnoi 1724 goda (k voprosu o znachenii Tsaritsynskoi linii v pervye gody ee sushchestvovaniya) [On the passage of Kalmyks through the Tsaritsyn fortified line in the spring of 1724 (on the question of the significance of the Tsaritsyn line in the first years of its existence)]. Volgograd: [b.i.], 12 p. [in Russian]

Lavrinoва, Lavrinov, 2000 – *Lavrinoва, T.I., Lavrinov, Yu.M.* (2000). Obostrenie voenno-politicheskoi obstanovki na Yuge Rossii v svyazi s myatezhom Vakhty Gireya Deli Sultana v Krymu v 1724–1726 gg. [The aggravation of the military-political situation in the South of Russia in connection with the rebellion of the Watch of Giray Delhi Sultan in the Crimea in 1724–1726]. *Voprosy kraevedeniya. Vyp. 6: Materialy kraevedcheskikh chtenii, posvyashchennykh 75-letiyu Oblastnogo obshchestva kraevedov* [Issues of local history. Is. 6: Materials of local history readings dedicated to the 75th anniversary of the Regional Society of Local History]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, pp. 76-78. [in Russian]

Mitirov, 1998 – *Mitirov, A.G.* (1998). Oiraty – kalmyki: veka i pokoleniya [Oirats – Kalmyks: centuries and generations]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 384 p. [in Russian]

NARK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].

Ofiterskie skazki, 2015– Ofiterskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh. T. 1 / Sost., vstup. st. K.V. Tatarnikova [Officer's tales of the first quarter of the 18th century. Field Army. Collection of documents in 2 volumes. Vol. 1. Comp., introductory article by K.V. Tatarnikov]. M.: Staraya Basmannaya, 2015. 1352 p. [in Russian]

Pal'mov, 2007 – *Pal'mov, N.N.* (2007). Materialy po istorii kalmytskogo naroda za period prebyvaniya v predelakh Rossii [Materials on the history of the Kalmyk people during the period of stay within Russia]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 464 p. [in Russian]

Pleshakov, Vasil'eva, 2019 – *Pleshakov, I.N., Vasil'eva, E.N.* (2019). Kazachestvo v period kolonizatsii i stanovleniya administrativnogo ustroystva Saratovskogo Povolzh'ya vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII veka [Cossacks during the period of colonization and the formation of the administrative structure of the Saratov Volga region in the second half of the 17th – early 18th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 24. 4: 20-33. [in Russian]

Protokoly, 1887 – Protokoly, zhurnaly i ukazy Verkhovnogo tainogo soveta. 1726–1730 gg. Izdany pod redaktsiyey N.F. Dubrovina. Tom II (avgust-dekabr' 1726 g.). Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 56 [Protocols, journals and decrees of the Supreme Privy Council. 1726–1730 Published under the editorship of N.F. Dubrovin. Volume II (August–December 1726). Collection of the Imperial Russian Historical Society. Volume 56]. SPb.: tip. I.N. Skorokhodova, 1887. 646 p. [in Russian]

Prozritelev, 1990 – *Prozritelev, G.N.* (1990). Voennoe proshloe nashikh kalmykov. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1912 goda [The military past of our Kalmyks. Reprint reproduction of the 1912 edition]. Elista: Sanan, 384 p. [in Russian]

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZRI). Sobranie 1 (183). T. VII. 1723–1727 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRI). Collection 1. Vol. VII. 1723–1727]. St Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 934 p. T. VIII. 1728–1732 [Vol. VIII. 1728–1732]. St Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1004 p. T. IX. 1733–1736 [Vol. IX. 1733–1736]. St Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1016 p. T. X. 1737–1739 [Vol. X. 1737–1739]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. 990 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Тепкеев, 2018 – *Тепкеев, V.T.* (2018). Ayuka-khan i ego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista: KalmNTs RAN, 366 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2016 – *Toropitsyn, I.V.* (2016). Sluzhba kazach'ei komandy pri kalmytskikh delakh v pervoi polovine XVIII v. [Service of the Cossack team in Kalmyk affairs in the first half of the 18th century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2: 23–39. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov, A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of political relations]. Elista: Dzhangar, 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2021 – *Tsyuryumov, A.V.* (2021). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits. 2-e izd. Otv. red. V.L. Egorov [The Kalmyk Khanate in 1724–1741: chronicles of dynastic civil strife. 2nd ed. Resp. ed. V.L. Egorov]. Elista: KalmNTs RAN, 132 p. [in Russian]

Роль Царицынской линии в истории калмыцкого народа

Евгений Владимирович Астафьев^{a, b, *}

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^b Царицынское генеалогическое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история отношений между российским населением и кочевыми народами в Среднем и Нижнем Поволжье в 1720–1770-х гг. Особое внимание уделено отношениям с калмыцким народом и участию российского правительства в его внутривнутриполитической жизни. Рассматривается опыт использования в этих отношениях в качестве мощного политического инструмента Царицынской сторожевой линии, построенной в 1718–1720 гг. по указу Петра I между реками Волгой и Доном с целью прекращения набегов крымских и кубанских татар на российские территории, ее роль в жизни и судьбе калмыков и других кочевых народов, традиционно использовавших междуречье Волги и Дона для своих кочевий. На базе массива изученных архивных документов (официальной переписки между российской администрацией и калмыцкими ханами и владельцами, отчетов чиновников Калмыцких дел, офицеров драгунских полков, несущих службу на линии и целого ряда других документов), впервые вводимых в научный оборот, исследуется практика калмыцких кочевий на российских территориях под защитой Царицынской линии. Приводятся сведения о многочисленных фактах краж, грабежей

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: info@gen-volga.ru (Е.В. Астафьев)

и убийств гражданского населения как «воровскими» калмыками, самовольно проникавшими на российские территории, так и калмыками владельцев, официально допущенных кочевать «внутри» Царицынской линии. На основании анализа выявленных документов автором был составлен план границ разрешенных для калмыцких кочевий территорий, а также определены места большинства форпостов, располагавшихся вдоль границ кочевий, на которых в разные периоды времени несли службу городские казаки команды Калмыцких дел, донские и волжские казаки и казаки слободских полков.

Ключевые слова: Царицынская линия, форпосты, городские казаки, донские казаки, волжские казаки, казаки слободских полков, калмыки, кубанские татары, крымские татары, киргиз-кайсаки, башкиры, хан Аюка, ханша Дарма-Бала, хан Черен-Дондук, хан Дондук-Омбо.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 78-88

DOI: 10.13187/rs.2022.2.78
<https://rs.cherkasgu.press>

The Role of the Military History Department of the Headquarters of the Caucasian Military District in Preserving the Historical Memory of the late 19th and early 20th centuries

Yuri S. Sulaberidze ^{a, *}

^a Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Abstract

The article reveals one of the most important aspects of the activities of the Military History Department of the Headquarters of the Caucasian Military District in the description and creation of monuments of military valor in the 19th and early 20th centuries. The author traces the work on the preservation of single and mass burial, the creation of monuments-obelisks to heroes of the Caucasian wars on the territory of the South Caucasus. The source of the study is the archival materials deposited in the fund 1087 of the Central Historical Archive of Georgia: reports of the heads of the Military Historical Department and other cases related to the description of memorial sites. The work done by the staff of the Department and its numerous assistants – the officers of the combat units – was reflected in two issues of the publication “Monuments of the Times of the Establishment of Russian Rule in the Caucasus” (Tiflis, 1906–1909). This work is the most important document of historical memory about the Caucasian War. The activity of Military Historical Department served to educate patriotism, high spiritual principles in defending of the Motherland, transferring of military traditions of “old Caucasians” to the younger generation.

Keywords: Military Historical Department of the Headquarters of the Caucasian Military District, Caucasian war, heroes of the Caucasian army, memorable places, mass graves of soldiers, historical memory, education of patriotism.

1. Введение

Историческая память опирается на знаковые места, которые формируют историческое сознание, ментальность поколений. В последнее время исследования исторической памяти приобретают все более весомое значение как научное течение. Историческая память представляется как ментальная способность субъектов сохранить воспоминания о пережитом опыте, как совокупность донаучных, научных, внеаучных знаний и массовых представлений социума об опыте прошлого (Репина, 2011). В трудах Е.Ф. Кринко в дискурсе «памятных мест» особое значение придается памятникам воинам, как знаковым символическим местам, несущим не только научно-познавательную, но и созидательную, воспитательную функции, подчеркивающим связь поколений (Кринко, 2020).

Тема изучения военных памятников как историко-культурного наследия актуализирована в современную эпоху, так как забвению и разрушению подвергаются прежние символы и ценности, разрывается «связь времен». Трансляция исторического

* Corresponding author

E-mail addresses: iuru.sulaberidze@mal.ru (Yu.S. Sulaberidze)

опыта, символов и традиций становится жизненной потребностью в сохранении идентичности, национального самосознания. Обращение к прошлому, зафиксированному в камне, является еще одним каналом преемственности поколений. В этой связи воспроизведение страниц истории исследований военных батальонов «веков минувших» позволяет открыть новые грани исторического прошлого (Лалин, 2003).

2. Материалы и методы

История деятельности военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа многогранна и содержательна. Отдельные стороны его работы, такие как создание Кавказского военно-исторического музея («Храма славы»), обстоятельно исследованы (Максимчик, 2015; Колосовская, 2020).

Фундаментальным исследованием военных памятников Кавказа XIX–XX вв. является монография Д.С. Ткаченко «Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX–XX вв.», изданная в Ставрополе в 2017 г. Автор проделал большую изыскательскую, архивную работу по описанию военных памятников, обосновал концепцию коммеморации: «памятники своим символизмом, содержанием надписей монументов фиксируют ту фоновую историю, которую они должны передавать и людям XIX века, и их потомкам» (Ткаченко, 2017а: 41). В исследовании передана широкая панорама «ментальной картины Кавказа», раскрыт имперский контекст утверждения исторической памяти.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с сохранением памятников и мест захоронений погибших в кавказских войнах XIX в., которые в неполной мере отражены в научной литературе. Не претендуя на обстоятельность изучения проблемы сохранения памятников воинской славы, автор, основываясь на принципах историзма, объективности и культурно-цивилизационного подхода, фокусирует внимание на вопросах, связанных с процессом зарождения интереса военной элиты к сохранению исторической памяти о кавказских войнах. Опираясь на архивные материалы, отложенные в фонде № 1087 Центрального исторического архива Грузии (далее – ЦИАГ), автор выделяет наиболее знаковые места исторической памяти на бывших территориях Тифлисской, Кутаисской, Эриванской губерний, Карской и Аджарской областях. Также анализируется материал, собранный в издании военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа – «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» (Памятники, 1906, 1909). Исследуются процессы описания и сохранения памятников воинам, погибшим в ходе боевых действий во время русско-турецких, русско-иранских войн, приведения в надлежащее состояние кладбищенских могил воинов, чем активно занимался военно-исторический отдел с 1880 по 1909 гг.

3. Обсуждение и результаты

Военно-исторический отдел, созданный в 1880 г., сыграл большую роль в исследовании истории Кавказской войны, выпуске издания «Кавказский сборник» (с 1867 по 1912 гг. вышло 32 тома, возобновлено с 2004 г.). В научной историографии проблема создания военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа недостаточно исследована. Первоначальная информация о его создании и деятельности дана в работе Л.М. Паровой (Парова, 1988). Автор раскрывает содержание 40-летней деятельности военно-исторического отдела. Данная работа продолжает оставаться содержательно значимой в историографии указанной темы. Однако существует необходимость более углубленного исследования истории и всех сторон деятельности военно-исторического отдела. Как утверждает Т.А. Колосовская, проблемы в изучении этого вопроса связаны с тем, что фонд военно-исторического отдела находится в ЦИАГ. И это затрудняет исследователям из других стран знакомство с ним (Колосовская, 2016: 99). Исследователь опубликовала также интересную работу «История Кавказского военно-исторического отдела в лицах» (Колосовская, 2020).

Опираясь на архивные материалы из фонда 1087, попытаемся воспроизвести процесс создания военно-исторического отдела. Сохранился ряд докладов генерал-майора И.С. Чернявского начальнику штаба Кавказского военного округа, которые позволяют определить причины, побудившие высшее военное руководство пойти на реорганизацию работы окружного штаба.

В докладе от 22 сентября 1880 г. говорится, что с 1874 г. шел процесс переустройства управления Кавказского военного округа, который был связан с военной реформой. В 1864 г. завершилась Кавказская война, и уже тогда в высшем руководстве созрела мысль об описании боевых событий, истории полков. В 1865 г. был получен приказ о составлении описания воинских частей, их быта и деятельности. В 1873 г. генерал-майору И.Д. Попко было поручено составление «описания районов Кавказского края, занимаемого казаками, истории казачества на Кавказе, колонизации здешнего края и развития в ней русской жизни». В докладе сказано, что это «нельзя не считать в высшей степени значительным, как в интересах науки, так и в интересах правительства для будущих его мероприятий» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 30об.). Генерал-майор Попко работал в архивах Терской области, Екатеринодара, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Астрахани. Военные архивы на Северном Кавказе стали концентрироваться в Ставрополе. Попко заявлял о богатых источниках, материалах для написания истории Кавказской войны. Это стало толчком для реорганизации управления. Генерал хотайствовал об образовании особой временной комиссии для разбора дел в архивах Северного Кавказа.

В высшем военном руководстве возникла идея составления «Сборников материалов для истории Кавказской войны», что привело к изданию «Кавказских сборников» с 1874 г. Этот вопрос подробно исследован В.А. Захаровым и Т.Ю. Кравцовой (Захаров, Кравцова, 2004). Для «Кавказского сборника» собирались рукописные материалы участников боевых сражений. Как отмечает И.С. Чернявский, это было «пособие для будущей истории Кавказа», однако русско-турецкая война 1877–1878 гг. прервала деятельность в данном направлении. По ее окончании на повестке дня стояли две основные проблемы: необходимость централизации военных архивов двух основных центров в Ставрополе и Тифлисе и организации отдела при штабе Кавказского военного округа, который бы смог стать центром исследования военной истории кавказских войн, с чем не могла справиться редакция «Кавказского сборника». Так это объясняет генерал-майор И.С. Чернявский: «Мысль об историографии Кавказа и сбережении и утилизации всех годных для этого материалов прошлого времени вновь неотразимо стала на очередь, и, прежде чем получила осуществление по поводу бывших до войны представлений, нашла в себе временное воплощение и дала поддержку делу в образовании при Окружном Штабе с января сего года военно-исторического отделения». И далее: «Назначение последнего хотя еще не перешло, как сказать, на широкую дорогу, но самое учреждение его служит вторично основанием давно задуманному делу. Все это явилось как бы невольно, составляя неизбежную дань времени и указывая на ту неизбежную потребность, которую это время вызывало» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 36). Более точно дату создания отдела И.С. Чернявский называет в докладе от 23 апреля 1883 г.: создание военно-исторического отдела, «вошедшего в числе трех других отделов в состав Отдела Генерального Штаба и объявленного по приказанию по Штабу от 16 января 1880 года за № 29» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 13. Л. 20об.).

Говоря о необходимости централизации военных архивов в Тифлисе, которая стала возможной после создания при штабе военно-исторического отдела, генерал сообщал о конкретных задачах разбора и выборки дел, их классификации и систематизации, о необходимости отправки «историографических изыскателей-офицеров» в местные архивы. Согласно инструкции они должны были «составить две описи: одну валовую для всех без исключения дел в хронологическом порядке, другую – специальную – для тех дел, которые будут признаны заслуживающими внимания в военно-историческом отношении» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 68-69). 15 октября 1880 г. генерал-майор И.С. Чернявский был назначен начальником военно-исторического отдела (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 13. Л. 21). Назначены также «историографические разыскатели: при Окружном Штабе в Тифлисе подполковник Фомин и титулярный советник Шереметко, в Ставропольском архиве – капитан Погожев, Владикавказском архиве – войсковой старшина Пономарев и титулярный советник Рябкин, Екатеринодарском архиве – войсковой старшина Федоров и есаул Гарц (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 13. Л. 23об.).

В «Памятной записи» от 3 марта 1882 г. начальник военно-исторического отдела И.С. Чернявский докладывал об основных занятиях: рассмотрение и проверка всех изданий (рукописей о военных баталиях, истории полков, боевой жизни в минувших кампаниях,

общих описаний Кавказской войны), издание томов «Кавказского сборника». Кроме этого, отдел активно занимался архивной деятельностью – изысканием дел, поиском материалов по военной истории, их систематизацией и классификацией. К функциям военно-исторического отдела относилось заведование библиотекой штаба, переписка по ведомственным делам. В подчинении начальника отдела генерал-майора И.С. Чернявского находилось всего три лица: надворный советник Волконский, прикомандированный к штабу войсковой старшина Бжевский и штаб-капитан 14-го Грузинского гренадерского полка Юров (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 13. Л. 5-5об.).

Согласно «Инструкции для деятельности Военно-исторического отдела», принятой 14 ноября 1905 г., окончательно была утверждена институализация отдела. Его функциями стали: выявление и публикация военных исторических источников, разбор и сохранение от гибели документов военных архивов, издание полковых историй и обобщающих трудов по истории присоединения Кавказа к России, а также музейная деятельность. Однако многие детали деятельности военно-исторического отдела, связанные с описанием и сохранением памятников воинской доблести, изучены недостаточно. О сохранении традиций воинского подвига, памяти всех тех, кто сложил голову во имя освобождения Кавказа, присоединения новых земель к Российской империи, много писал один из руководителей военно-исторического отдела В.А. Потто. Научное творчество этого видного военного историка до сих пор не в полной мере оценено в научной историографии (Синицына, 2015).

В ходе Кавказской войны Россия решала свои геополитические задачи, продвигаясь вглубь Малой Азии, народы Кавказа вступали в новый этап своей истории (Сулаберидзе, 2018). А тем временем памятники воинам, многие воинские кладбища находились в неприглядном состоянии. Военная элита, гражданское общество не могли безучастно смотреть на тот беспорядок, который творился по отношению к исторической памяти. Это не могло не беспокоить и Военное министерство. На основе архивных материалов фонда № 1087 восстанавливалась деятельность военно-исторического отдела по сохранению исторической памяти о кавказских войнах. Богатый материал представляют рапорты-отчеты начальников военно-исторического отдела. В рапорте-отчете за 1905 г. от 19 августа 1906 г. говорится об истоках одного из основных направлений деятельности отдела. В 1878 г. военный министр Д.А. Милютин, обозревая братские кладбища, писал главнокомандующему на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу, что «некоторые из воинских могил отмечены только деревянными крестами, большей частью они замечены только на возвышенностях, а пройдет время, несколько лет и исчезнут признаки тех мест, где погребены русские воины. Между тем весьма желательно, чтобы могилы их на чужой земле, так много говорящие русскому патриотизму, охранялись бы в своей неприкосновенности на память многих и многих поколений» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 97. Л. 342).

Временно исполняющий обязанности начальника военно-исторического отдела подполковник В.И. Томкеев в своем рапорте-отчете отмечал, что «возникло предположение, что памятные места в честь павших воинов будут надлежащим способом устроены. Однако по прошествии 27 лет многие братские могилы «лежат в развалинах». Вторая попытка была предпринята в 1887 г. бывшим командующим Кавказского военного округа князем А.М. Дондуковым-Корсаковым. Он потребовал приведения воинских захоронений в должный порядок, но дело не было доведено до конца. Наконец, в 1902 г. военный министр приказал «обратить внимание на братские могилы и составить описание всех военных могил и памятников» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 97. Л. 343).

29 января 1903 г. последовал приказ по войскам Кавказского военного округа, в котором говорилось, что «многие могилы русских воинов, павших во время различных войн, находятся в большом беспорядке или в полном забвении». Было предписано «в этом году составить описание всех военных мест, составить особые документы о приведении этих мест в надлежащий порядок». Конкретно было приказано: «указать пункты нахождения военных кладбищ, могил павших воинов, когда и кем погребены, при каких обстоятельствах произошло погребение и воздвигнуты памятники, под чьим попечительством находятся братские могилы и памятники, каково их теперешнее состояние, нуждаются ли они в исправлении, указаны примерные суммы расходов». Кроме этого, требовалось представить

чертежи, фотографии снимков памятных воинских мест. Такие указания были отосланы командирам воинских частей временно исполняющим обязанности начальника штаба Кавказского военного округа Я.Ф. Шкинским (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 154-155).

В рапорте-отчете за 1905 г. сообщается, что начато печатание первого выпуска сборника с «описанием памятников и братских могил времени утверждения русского владычества на Кавказе». Военно-исторический отдел за три года собрал обширный материал, и в «1 выпуске описаны все памятники с петровского похода 1722 года и кончая Цициановской эпохой, т.е. до 1805 года. Описание имеет целью сохранить бессмертные имена и подвиги представителей Кавказской армии для будущих поколений, а также служить проводником в молодых войсках их старых боевых традиций и преданий» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 97. Л. 343). В 1906–1909 гг. под редакцией начальника военно-исторического отдела В.А.Потто вышли два выпуска «Памятников утверждения русского владычества на Кавказе», которые являются важнейшим источником для исследования проблемы сохранения исторической памяти. В предисловии первого выпуска повторена история зарождения потребности и интереса к сохранению памятников воинской доблести, раскрыты цели этого направления деятельности военно-исторического отдела: «Воспитание войск и развитие в них высокого нравственного духа имеет не меньшее, если еще не большее значение в нашей военной деятельности – в деле защиты отечества... ибо само правительство пришло к убеждению, что все эти памятники, военные кладбища, отдельные и братские могилы, сохраняя народу его исторические предания, вместе с тем закрепляют в новых поколениях те же доблестные чувства, которые одушевляли их предков» (Памятники, 1906, 1: I-II).

Необходимо отметить, что в программе деятельности военно-исторического отдела работа по сохранению братских могил и памятников всегда была одной из центральных, наряду с издательско-литературной – публикацией историй войн, полков, организации Кавказского центрального военного архива, создания и развития Кавказского военно-исторического музея («Храма Славы»). Все это было взаимосвязано и служило сохранению исторической памяти, пропаганде патриотизма среди молодого поколения.

В деле № 122, озаглавленном «Братские могилы и памятники Кавказа», помещены многочисленные рапорты о нахождении или отсутствии воинских захоронений в местах дислокации воинских частей, об их состоянии. Данная записка была составлена в 1903 г. Координацию ее составления и подготовки отчета взял на себя военно-исторический отдел, фонд которого сохранил факты, свидетельствующие о выполнении данного приказа. Здесь приводилась важная информация о могиле и памятнике генерала И. Бурцова (в прошлом декабриста) в городе Гори (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 10). В деле № 109 представлена фотография памятника И. Бурцову (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 109. Л. 5).

В рапортах сообщалось о братских могилах в Ахалцихе, где покоятся воины Ширванского пехотного полка, погибшие при штурме крепости в 1828 г. (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 10), о братской могиле на старом кладбище в Ардагане, где похоронены до 100 нижних чинов и 1 офицер Владикавказского и Пятигорского полков, убитые в 1878 г. при движении отряда из Ардагана в Артвин. Воины этих же полков (до 200 человек) покоятся в братской могиле в селе Унусхеви (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 11). В полном забвении находилась братская могила воинов в Зугдиди, убитых в Восточную войну 1853–1856 гг. и кампанию 1877–1878 гг. Таким же было положение с братской могилой в селе Коки Зугдидского района (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 11).

Однако некоторые братские могилы сохранились в хорошем состоянии. Имелись памятники-obelisks на братской могиле нижних чинов 164-го пехотного Закатальского полка, убитых при Цихидзири (Аджария) 18 января 1978 г. Его содержало общество офицеров с 1902 г. Это также относится и к памятнику, посвященному 38 милиционерам 7-го Кавказского стрелкового батальона (бывшей 1-й пехотной Гурийской дружины, погибших в сражении при Цихидзири 19 января 1878 г. (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 12).

Особо следует отметить захоронение воинов на «Холме Чести» в Александрополе. Там находилась целая система братских кладбищ. Только на одном из них было погребено до 1500 воинов, умерших от тифозной болезни, а также погибших в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Было собрано 9796 рублей, пожертвованных воинами, чтобы привести в порядок «Холм Чести» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 18). В деле № 107 даны схемы

и фотографии «Холма Чести». Много интересных фактов о «Холме Чести» представлено также в деле № 81, относящемся к 1898 г. и озаглавленном «О памятниках героев Кавказской войны. Переписка к собиранию сведений о братских могилах». Мемориальное кладбище «Холм Чести» было создано в 1856 г. Впоследствии мемориальный комплекс расширялся, в нем была открыта часовня Святого Архистратега Михаила, где отпевали воинов, погибших в боях за Карс в 1828, 1855, 1877 гг., среди которых были прославленные русские генералы. Одним из них был грузин И.З. Челокаев (Чолокашвили). Однако позже мемориальный комплекс был разрушен, а восстановлен только в 2010 г. благодаря сотрудничеству властей России и Армении.

К 1903 г. сохранялись погребения павших воинов в Карской области. Так, в братской могиле у Карса, присоединенного к Российской империи в 1878 г., у «Кубинского сада» погребены поручик Некрасов и 20 нижних чинов 2-го Кавказского саперного батальона, которые погибли при штурме Карса в ноябре 1977 г. (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 122. Л. 20-21). В дополнении в деле № 81 имеется сообщение от 6 февраля 1901 г. о том, что в крепости Карс установлено три памятника русским воинам, павшим в сражениях 1877–1878 гг.: один севернее укрепления «Рыздევская» (турецкий Карапатлы), другой – к началу от укрепления «Бучкиев» (турецкий Тохмас); и третий – на низменности теперешней черты города Карса, между укреплением «Лазарев» (турецкий Канлы) и «Алхазов» (турецкий Хафиз). Сообщалось, что пока еще не были изготовлены металлические доски с именами павших воинов (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 81. Л. 81-82).

Впоследствии одному из «корифеев героического эпоса Кавказа» Петру Даниловичу Несветаеву был воздвигнут памятник. Останки героя из Караклиса были перевезены в Карс и торжественно захоронены 6 ноября 1910 г. (Потто, 1911: 15-16).

В.А. Потто проявлял особую активность в увековечивании подвигов героев войн. В рапорте-отчете за 1903 г. приводится информация о том, что начальник военно-исторического отдела 19 ноября 1903 г. прочитал лекцию среди воинов Тифлисского гарнизона по поводу 50-летия сражения у Башкадыклара и содействовал добровольному сбору пожертвований на сооружение памятника воинам, погибшим в бою (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 97. Л. 205). Это благородное дело увенчалось успехом: в 1906 г. памятник был открыт в селе Огузлы Карской области. Проект памятника и смета на его сооружение были подготовлены инженерным ведомством, а сами работы принял на себя 80-й пехотный генерал-фельдмаршала князя Барятинского Кабардинский полк. Памятник возвышался на местности в виде усеченной пирамиды с чугунным крестом. На лицевой стороне было написано: «Потомки своим могучим дедам. Память о них в роды родов». В этой битве (19 ноября 1853 г.) русские воины под предводительством В.А. Бебутова разбили 36-тысячную турецкую армию. За победу головы сложили один генерал – князь Илья Орбелиани, три офицера и 308 нижних чинов (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 97. Л. 496об.). Судьба генерал-майора знаменательна, достойна героя Кавказской войны. В начале 1842 г. он был захвачен горцами, перенес семимесячный плен у Шамиля. После освобождения исполнял особые поручения при Кавказском корпусе с 1843 по 1851 гг., участвовал в экспедициях в Чечне и Дагестане. Как командир грузинской дружины заслужил Георгиевский крест при штурме Андийских высот. В неравном бою под Башкадыкларом князь И. Орбелиани, тяжело раненный, продолжал руководить грузинскими батальонами. С поля боя был вынесен мертвым (Сулаберидзе, 2013: 104).

В рапорте-отчете за 1908 г. сообщается, что в планах военно-исторического отдела «приведение в порядок памятника кавказских героев генерала Лисаневича и полковника Грекова, сооружение памятника в Гори и на братской могиле в селе Карели Тифлиской губернии доблестным воинам – капитану Секерину и героям его роты 9 Егерского полка, погибшим в бою с лезгинами в 1803 году» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 97. Л. 580).

Особое место среди «корифеев героического эпоса Кавказа» занимает Петр Степанович Котляревский, выходец из простых сельских священников, дослужившийся до генерала и покрывший себя славой побед в Мегри, Ахалкалаки, Асландузе и Ленкорани. Славному полководцу посвятил книгу В.А. Потто. В ней «летописец кавказских войн» говорил: «Пусть имя его всегда будет в памяти и сердце нашем как пример военной доблести» (Потто, 1898: 32).

В.А.Потто как начальник военно-исторического отдела прилагал много усилий, чтобы отечество достойно оценило подвиги П.С. Котляревского. Это дело продолжали и его преемники. Сохранилось письмо председателю Императорского Русского военно-исторического общества Д.А. Скалону о памятниках деятельности П.С. Котляревского, о работе военно-исторического отдела. Оно было написано начальником военно-исторического отдела Кавказского военного округа С.С. Эсадзе и было ответом на письмо председателя ученой архивной Таврической комиссии А.И. Маркевича, в котором говорилось о «небрежном охранении могилы известного героя Кавказа генерала Котляревского, с предложением перенести останки героя в часовню при Феодосийском музее древности» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 245. Л. 1).

П. Котляревский получил тяжелые увечья при штурме Ленкорани 31 декабря 1812 г. и был вынужден оставить службу. Свои последние годы он провел в Крыму, где скончался в октябре 1851 г. Но все эти годы несгибаемый, железный воин служил отечеству, что «касалось Кавказа, ревниво оберегал честь и славу, как собственную, так и своих сподвижников». «Я позволю себе одно желание, – писал Котляревский из своего тяжкого, вынужденного уединения, – чтобы соотечественники мои были ко мне и сподвижникам моим столько справедливы, сколько народы чуждые и самые враги побежденные. Подвиги во славу отечества должны оцениваться по достоинствам их, а не по частям света, в коих они происходили. Кровь русская, пролитая в Азии, по берегам Аракса и Каспия, не менее драгоценна, пролитой в Европе, на берегах рек Москвы и Сены» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 245. Л. 1).

Памятник П.С. Котляревскому на Кавказе был воздвигнут в 1850 г. по приказу наместника М.С. Воронцова, его друга и сподвижника, на том месте, где в 1803 г. была покорена крепость Гянджа (Елисаветполь). Там тяжело был ранен капитан 17-го егерского полка Котляревский. В 1894 г. памятник был отреставрирован трудами гарнизона и 14-го гренадерского Грузинского полка. Имя Котляревского было присвоено этому полку.

Начальник военно-исторического отдела в письме напомнил, что 31 декабря 1912 г. исполнилось 100 лет со дня знаменитого штурма крепости Ленкорани. В связи с этим юбилейный комитет постановил воздвигнуть памятник П.С. Котляревскому в городском сквере. Однако, оценивая роль П.С. Котляревского в Кавказской войне и проявленный им героизм, начальник военно-исторического отдела предложил перенести прах героя в Тифлис и захоронить его останки в ограде Александро-Невского военного собора, расположенного на Головинском проспекте, в месте вечного упокоения того, «чье имя в ореоле яркой и бессмертной славы зажигало кавказских воинов отвагой и служило путеводной звездой к легендарным подвигам» (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 245. Л. 2).

Напротив этого места располагался Военно-исторический музей («Храм Славы»), что и позволяло его считать достойным местом «герою-мученику». Письмо без даты, его можно датировать концом 1912 г. или самым началом 1913 г., так как в тексте упоминается, что государь 10 января 1913 г. должен был одобрить это предложение (ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 245. Л. 3).

Однако этот замысел не был осуществлен по неизвестным причинам. В 1930 г. по приказу Л.П. Берия Александро-Невский военный собор был снесен. Музей древностей с часовней П.С. Котляревского, воздвигнутой по проекту его друга И.К. Айвазовского, были разрушены во время Великой Отечественной войны вследствие воздушного налета.

Могила «кавказского Суворова» без всяких опознавательных знаков находилась на территории военного санатория «Феодосийский» по адресу ул. Горбачева, д. 5, принадлежала Министерству обороны Украины. С 2014 г. военный госпиталь перешел в ведомство Министерства обороны РФ. Благодаря руководителю Феодосийского клуба любителей истории К. Виноградову в 2014 г. была установлена мемориальная доска генералу П.С. Котляревскому. 28 ноября 2020 г. на набережной Феодосии неподалеку от картинной галереи Айвазовского благодаря содействию Российского военно-исторического общества торжественно открыли памятник Котляревскому. Открывая памятник, заместитель министра обороны А. Картаполов подчеркнул, что Петр Степанович «был и есть легенда русской армии», а само открытие монумента назвал «событием, наполненным глубоким побудительным смыслом» (Вакуленко, 2020).

«Кавказскому Суворову», самому молодому генералу русской армии, известный писатель Захар Прилепин посвятил выпуск программы «Родня» «Пётр Котляревский – покоритель Кавказа, изменивший ход отечественной истории». В ней подробно описаны подвиги «героя Кавказа» (Пётр Котляревский, 2021). К сожалению, историческая литература о П.С. Котляревском невелика, и тем более значима книга грузинского исследователя Дж.Л. Ватейшвили «Генерал П.С. Котляревский. Очерк жизни и военной деятельности», в которой подробно описаны заслуги генерала в «покорении Кавказа» (Ватейшвили, 1980). Впервые с позиций акта коммеморации образ генерала П.С. Котляревского раскрыт в статье Д.С. Ткаченко, что открывает новые грани исследования проблемы героев кавказских войн в идеологической и культурной модели восприятия прошлого, соотношения традиций и современности (Ткаченко, 2017b).

4. Заключение

Краткий обзор деятельности военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа по описанию и сохранению памятников воинской славы позволяет представить важнейшие аспекты многогранной, неустанной работы, которую предпринимали его немногочисленные сотрудники, наряду с многочисленными помощниками из высших и низших чинов Кавказской армии. Этот аспект деятельности военно-исторического отдела полно отражен в рапортах-отчетах его начальников за 1903–1909 гг., а также в других архивных материалах фонда № 1087 ЦИАГ. Кроме этого, ценным материалом являются два выпуска «Памятников времен утверждения русского владычества на Кавказе», вышедшие в 1906 и 1909 гг. В них собран значительный материал о проведенной работе по описанию, сохранению воинских мемориалов, памятников-обелисков и братских кладбищ, что являлось объективно необходимой и значимой деятельностью по воспитанию патриотизма среди молодого поколения, уважения к истории армии, ее традиций, развитию национального самосознания. Эта проблема не теряет своей актуальности и в современный сложный период исторического развития.

Литература

- Вакуленко, 2020 – Вакуленко А. В Феодосии установили место захоронения «Кавказского Суворова» // *Российская газета*. 09.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/09/reg-ufo/v-feodosii-ustanovili-mesto-zahoroneniia-kavkazskogo-suvorova.html> (дата обращения: 10.09.2022).
- Ватейшвили, 1980 – Ватейшвили Дж.Л. Генерал П.С. Котляревский: Очерк жизни и боевой деятельности. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 139 с.
- Захаров, Кравцова, 2004 – Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» (К истории дореволюционного издания «Кавказских сборников» // *Кавказский сборник*. 2004. Т. I. С. 322–327.
- Колосовская, 2016 – Колосовская Т.А. К проблеме сохранения исторической памяти в контексте военно-мемориальной деятельности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // *История: факты и символы*. 2016. № 8 (3). С. 99–107.
- Колосовская, 2020 – Колосовская Т.А. История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. Ставрополь: Изд-во «Печатный Двор», 2020. 208 с.
- Кринко, 2020 – Кринко Е.Ф. Устная история Великой Отечественной войны: институализация и результаты исследований на юге России // *Исторический курьер*. 2020. № 5 (13). С. 195–215.
- Лапин, 2003 – Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб.: Нестор-История, 2003. 82 с.
- Максимчик, 2015 – Максимчик А.Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уничтожения музейного собрания // *Кавказский сборник*. 2015. Т. IX. С. 262–292.
- Памятники, 1906 – Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / Под ред. ген.-майора Потто. Вып. 1. Тифлис: Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., 1906. 182 с.
- Памятники, 1909 – Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / Под ред. ген.-майора Потто. Вып. 2. Тифлис: Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., 1909. 239 с.

[Парова, 1988](#) – *Парова Л.М.* Создание и деятельность Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа // *Военно-исторический журнал*. 1988. № 5. С. 87-91.

[Пётр Котляревский, 2021](#) – Пётр Котляревский – покоритель Кавказа, изменивший ход отечественной истории. Выпуск передачи «Родня» от 27.11.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ntv.show/video/rodnya-dokumentalnuy-proekt-s-zaharom-prilepinym-rodnya-geroi-vse-vypuski-kavkazskiy-suvorov-s-11-let-sluzhivshiy-rossii-i-svoim-talantom-izmenivshiy-hod-otechestvennoy-istorii> (дата обращения: 10.09.2022).

[Потто, 1898](#) – *Потто В.А.* Котляревский. СПб.: Типография Тренка и Фюска, 1898. 35 с.

[Потто, 1911](#) – *Потто В.А.* Карские торжества в 1910 году и Четыре штурма Карса. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1911. 100 с.

[Репина, 2011](#) – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI в.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

[Синицына, 2015](#) – *Синицына Е.В.* Общественно-просветительская и военно-исследовательская деятельность В.А. Потто // *Культурная жизнь Юга России*. 2015. № 3. С. 120–123.

[Сулаберидзе, 2013](#) – *Сулаберидзе Ю.С.* «Кавказская война» в восприятии В.А. Потто // *Клио*. 2013. № 5 (77). С. 101–105.

[Сулаберидзе, 2018](#) – *Сулаберидзе Ю.С.* Восточная политика России при императоре Александре II: Карская область как пограничная территория империи (по трудам грузинского историка Б. Эсадзе) // *Александр II: два века империи России (1818–2018)* / Сост. В.В. Яковлев, отв.ред. Т.В. Вольская. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2018. С. 361–368.

[Ткаченко, 2017а](#) – *Ткаченко Д.С.* Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. Ставрополь: Изд.-во «Печатный Двор», 2017. 336 с.

[Ткаченко, 2017б](#) – *Ткаченко Д.С.* Образ генерала П.С. Котляревского в имперской идеологии и мемориальной деятельности на Кавказе в XIX веке // *История: факты и символы*. 2017. № 1 (10). С. 73–80.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии.

References

[Kolosovskaya, 2016](#) – *Kolosovskaya, T.A.* (2016). K probleme sokhraneniya istoricheskoi pamyati v kontekste voenno-memorial'noi deyatel'nosti na Severnom Kavkaze vo vtoroi plovine XIX v. [On the problem of preserving historical memory in the context of military memorial activities in the North Caucasus in the second half of the 19th century]. *Istoriya: fakty i simvolyy*. 8 (3): 99–107. [in Russian]

[Kolosovskaya, 2020](#) – *Kolosovskaya, T.A.* (2020). Istoriya Kavkazskogo voenno-istoricheskogo otdela v litsakh [History of Caucasian Military History Department in faces]. Stavropol': Izd-vo "Pechatnyi Dvor", 208 p. [in Russian]

[Krinko, 2020](#) – *Krinko, E.F.* (2020). Ustnaya istoriya Velikoi Otechestvennoi voyny: instutualizatsiya i rezul'taty issledovaniya na yuge Rossii [Oral history of the Great Patriotic War: institutionalization and research results in the South of Russia]. *Istoriicheskii kur'er*. 5(13): 195-215. [in Russian]

[Lapin, 2003](#) – *Lapin, V.V.* (2003). Istoriya Kavkazskoi voyny. Posobie k lektzionnomu kursu [History of the Caucasian War. Handbook for the lecture course]. SPb.: Nestor-Istoriya, 82 p. [in Russian]

[Maksimchik, 2015](#) – *Maksimchik, A.N.* (2015). Kavkazskii voenno-istoricheskii muzei. Istoriya i sud'ba unichtozheniya muzeinogo sobraniya [Caucasian Military Historical Museum. History and the fate of the destruction of the museum collection]. *Kavkazskii sbornik*. IX: 262-292. [in Russian]

[Pamyatniki, 1906](#) – *Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze (1906)* [Monuments of the time of the establishment of Russian rule in the Caucasus]. V.A. Potto (ed.). Vol. 1. Tiflis: Voen.-ist. otd. pri Shtabe Kavk. voen. okr., 182 p. [in Russian]

[Pamyatniki, 1909](#) – *Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze (1906)* [Monuments of the time of the establishment of Russian rule in the Caucasus]. V.A. Potto (ed.). Vol. 2. Tiflis: Voen.-ist. otd. pri Shtabe Kavk. voen. okr., 239 p. [in Russian]

Parova, 1988 – *Parova, L.M.* (1988). Sozdanie i deyatel'nost' Voennno-istoricheskogo otdela Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga [Creation and activity of the Military History Department of the Headquarters of the Caucasian Military District]. *Voennno-istoricheskii zhurnal*. 5: 87-91. [in Russian]

Petr Kotlyarevskii, 2021 – Petr Kotlyarevskii – pokoritel' Kavkaza, izmenivshii khod otechestvennoi istorii. Vypusk peredachi «Rodnya» ot 27.11.2021 [Peter Kotlyarevsky – conqueror of the Caucasus, which changed the course of Russian history. Issue of the program “Rodnya” from 27.11.2021]. [Electronic resource]. URL: <https://ntv.show/video/rodnya-dokumentalnyy-proekt-s-zaharom-prilepinym-rodnya-geroi-vse-vypuski-kavkazskiy-suvorov-s-11-let-sluzhivshiy-rossii-i-sv-oim-talantom-izmenivshiy-hod-otechestvennoy-istorii> (accessed on: September 10, 2022). [in Russian]

Potto, 1898 – *Potto, V.A.* (1898). *Kotlyarevskii* [Kotlyarevsky]. SPb.: Tipografiya Trenka i Fyuska, 35 p. [in Russian]

Potto, 1911 – *Potto, V.A.* (1911). Karskie torzhestva v 1910 godu i Chetyre shturma Karsa [The Kars celebrations in 1910 and the Four Assaults of Kars.]. Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, [2], 100, 13 p. [in Russian]

Repina, 2011 – *Repina, L.P.* (2011). Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI v.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice]. M.: Krug", 560 p. [in Russian]

Sinitsyna, 2015 – *Sinitsyna, E.V.* (2015). Obshchestvenno-prosvetitel'skaya i voenno-issledovatel'skaya deyatel'nost' V.A. Potto [Public-educational and military-research activities of V.A. Potto]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 3: 120-123. [in Russian]

Sulaberidze, 2013 – *Sulaberidze, Yu.S.* (2013). «Kavkazskaya voina» v vospriyatii V.A. Potto [“Caucasian War” in the perception of V.A. Potto]. *Klio*. 5 (77): 101-105. [in Russian]

Sulaberidze, 2018 – *Sulaberidze, Yu.S.* (2018). Vostochnaya politika Rossii pri imperatore Aleksandre II: Karskaya oblast' kak pogranichnaya territoriya imperii (po trudam gruzinskogo istorika B. Esadze) [Eastern policy of Russia under Emperor Alexander II: Kara region as a border territory of the empire (according to the works of Georgian historian B. Esadze)]. Aleksandr II: dva veka imperii Rossii (1818–2018) [Alexander II: two centuries of Russian empire (1818-2018)]. Eds. V.V. Yakovlev, T.V. Vol'skaya. SPb.: Rossiiskii gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena, pp. 361-368. [in Russian]

Tkachenko, 2017a – *Tkachenko, D.S.* (2017). Rossiiskie istoriko-kul'turnye pamyatniki na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX v. [Russian historical and cultural monuments in the North Caucasus in the 19th-early 20th centuries]. Stavropol': Izd-vo “Pechatnyi Dvor”, 336 p. [in Russian]

Tkachenko, 2017b – *Tkachenko, D.S.* (2017). Obraz generala P.S. Kotlyarevskogo v imperskoi ideologii i memorial'noi deyatel'nosti na Kavkaze v XIX veke [The image of General P.S. Kotlyarevsky in imperial ideology and memorial activities in the Caucasus in the 19th century]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1 (10): 73-80. [in Russian]

TsIAG – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central Historical Archive of Georgia].

Vakulenko, 2020 – *Vakulenko, A.* (2020). V Feodosii ustanovili mesto zakhroneniya “Kavkazskogo Suvorova” [In Feodosia, the burial place of the “Caucasian Suvorov” was established]. *Rossiiskaya gazeta*. 09.12.2020 [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2020/12/09/reg-ufo/v-feodosii-ustanovili-mesto-zahroneniia-kavkazskogo-suvorova.html> (date of access: 10.09.2022). [in Russian]

Vateishvili, 1980 – *Vateishvili, Dzh.L.* (1980) General P.S. Kotlyarevskii: Oчерк zhizni i boevoi deyatel'nosti [General P.S. Kotlyarevsky: Sketch of life and military activity]. Tbilisi: Metsniereba, 139 p. [in Russian]

Zakharov, Kravtsova, 2004 – *Zakharov, V.A., Kravtsova, T.Yu.* (2004) “Kavkazskii sbornik” (K istorii dorevolutsionnogo izdaniya «Kavkazskikh sbornikov» [“Caucasian Collection” (To the history of the pre-Revolutionary edition of “Caucasian Collections”). *Kavkazskii sbornik*. I: 322-327. [in Russian]

Роль военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа в сохранении исторической памяти в XIX – начала XX в.

Юрий Семенович Сулаберидзе ^{a, *}

^aТбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Грузия

Аннотация. В статье раскрывается один из важнейших аспектов деятельности военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа по описанию и созданию памятников воинской доблести в конце XIX – начале XX в. Автор прослеживает работу по сохранению одиночных и братских могил, созданию памятников-обелисков героям кавказских войн на территории Южного Кавказа. Источником исследования стали архивные материалы, отложенные в фонде 1087 Центрального исторического архива Грузии: рапорты-отчеты начальников военно-исторического отдела и другие дела, связанные с описанием памятных мест. Работа, проделанная сотрудниками отдела и многочисленными помощниками – офицерами боевых частей, получила отражение в двух выпусках издания «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» (Тифлис, 1906–1909). Данный труд является важнейшим документом исторической памяти о Кавказской войне. Деятельность военно-исторического отдела служила воспитанию патриотизма, высоких духовных начал в деле защиты отечества, передаче молодому поколению воинских традиций «старых кавказцев».

Ключевые слова: военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа, Кавказская война, герои кавказской армии, памятные места, воинские братские могилы, историческая память, воспитание патриотизма.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: iuru.sulaberidze@mal.ru (Ю.С. Сулаберидзе)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 89-101

DOI: 10.13187/rs.2022.2.89
<https://rs.cherkasgu.press>

National Problems on the Pages of the Don Newspapers of early 20th century

Oleg A. Grom ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis of the reflection of national issues on the pages of newspapers published in the Province (Oblast) of the Don Cossack Host between the First Russian Revolution and the First World War. The examined publications can be, for convenience, divided into conservative-monarchist ones (“Styag”, “Rostovskiy-na-Donu listok”) and liberal-progressist ones (“Priazovskiy Kray”, “Yuzhnyi Telegraf”, “Taganrogskiy vestnik”). For the first group, the national question was the dominant theme, reflected in all published materials from editorials to advertisements. The main subjects of the right-wing newspapers of the Don were Jewish and Armenian questions. The staff of “progressist” newspapers discussed the national issues only occasionally, usually in the context of covering the activities of right-wing and nationalist parties. An analysis of the debates on to the essence and role of nationalism occurred in early 1912 in the Taganrog and Rostov newspapers shows that among the “progressists” there was no single understanding of the national question.

Keywords: Periodicals, journalism, newspapers, national question, nationalism.

1. Введение

Русское общество начала XX в. жило в эпоху, когда национализм и национальность были одними из доминировавших идеологем. События как внутри России, так за ее пределами, так или иначе имевшие этническую, национальную или этноконфессиональную подоплеку, происходили регулярно и всесторонне освещались общероссийскими и местными газетами. Здесь можно выделить деятельность националистических и околонационалистических партий и союзов, дебаты по «финляндскому вопросу», выделение Холмщины, дело армянской партии Дашнакцутюн, дело Бейлиса, законодательные инициативы, касающиеся прав евреев, юбилей исторических событий национального масштаба (юбилей Полтавской битвы, Отечественной войны 1812 г., 300-летие царствования Романовых), Балканские войны и т.д. Этот информационный фон подталкивал образованную публику, в первую очередь пишущую, к рефлексиям на темы национализма, патриотизма, их природы и конкретных проявлений. Провинциальная печать, в том числе издания Области войска Донского (далее – ОВД), в этом отношении старалась не отставать от столичной.

* Corresponding author
 E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

2. Материалы и методы

Источниками для данной статьи послужили наиболее популярные газеты, издававшиеся в ОВД в период между Первой русской революцией и Первой мировой войной, такие как «Стяг», «Ростовский-на-Дону листок», «Приазовский край», «Южный телеграф» и «Таганрогский вестник». Национальная проблематика в газетных изданиях ОВД начала XX в. практически не была предметом отдельных исследований. Из существующих работ можно выделить монографию Б.С. Корниенко, посвященную «казачьему вопросу» в идеологических построениях донских националистов (Корниенко, 2013), статью С.В. Крамской, содержащую обзор ростовских право-монархических изданий (Крамская, 2016b), а также наши предыдущие исследования по отдельным изданиям (Grom, 2021). Ввиду сложности детального обзора абсолютно всех публикаций на национальную тематику в данной работе мы ограничимся анализом отдельных наиболее показательных статей и фрагментов дискуссий. При этом предпочтение будет отдано текстам, написанным местными публицистами.

С точки зрения партийно-идеологической направленности газеты ОВД можно с некоторой долей условности разделить на «прогрессивные» и «право-монархические». Наиболее значимыми «прогрессивными» изданиями, выходящими на протяжении всего исследуемого периода и имевшими широкий круг читателей, были краевые газеты «Приазовский край» и «Южный телеграф». Из местных газет, представляющих интерес в контексте исследуемой темы, особо надо выделить «Таганрогский вестник». Газеты «прогрессивного» направления в годы Первой русской революции в целом поддерживали левые партии и кадетов, однако с наступлением реакции они издавались в более умеренном духе; на их страницах все чаще появлялись статьи, которые можно было бы охарактеризовать как «консервативные». Тем не менее, общая либеральная, космополитичная и оппозиционная тональность продолжала в них доминировать. Эти газеты публиковали материалы по самому широкому спектру проблем, от международных отношений и «большой политики», до бытовых сюжетов из жизни городов области. Наибольшее тематическое разнообразие отмечалось в «Приазовском крае», обслуживавшем читательскую аудиторию не только в Ростове-на-Дону и ОВД, но и во всем Приазовско-Черноморском регионе. Национальная проблематика в «прогрессивных» газетах была лишь одним из множества сюжетов, к которым обращались их издатели и сотрудники. Публикации на эту тему можно разделить на следующие группы: 1) статьи о деятельности правых националистических партий, как местных, так и общероссийских (чаще всего новостного характера); 2) теоретические публикации о национализме и национальном вопросе; 3) полемика между сотрудниками и читателями газет. Следует заметить, что, как и другие региональные издания позднеимперской России, донские прогрессивные газеты в большей степени интересовались «большой политикой», а не местными сюжетами. В полной мере это относится и к публикациям на национальные темы.

Правая пресса в ОВД была гораздо менее развитой, как по числу изданий, так и по тиражам и количеству читателей. Наиболее заметными изданиями этого типа были газеты «Голос Дона» (1905–1906; с сентября 1906 по 1907 г. носила название «Донской край»), «Стяг» (1907), «Ростовский-на-Дону листок» (1909–1916) и «Призыв» (1910–1911). Большую часть изучаемого периода «Ростовский-на-Дону листок» был единственной крупной правой газетой в регионе. При этом только с 1914 г. он стал выходить ежедневно. Характерной чертой правой прессы была своеобразная специализация этих изданий на национальной проблематике. Даже местная хроника и реклама пестрила отсылками к «русскому делу», «инородческому засилью», «межнациональной борьбе» и т.п. Однако в идейно-содержательном плане эти материалы были зачастую довольно однотипными и неоригинальными. Даже передовые статьи нередко представляли перепечатки из других газет подобного рода, таких как «Русское знамя», «Новое время», «Киевлянин» и т.д. Из местных сюжетов больше всего публикаций приходилось на «еврейский вопрос» и «армянскую тематику». Другие этнические группы области практически не упоминались на страницах правых газет. Исключение составляла таганрогская газета «Призыв», уделившая за год своего существования в той или иной степени место всем заметным этническим группам региона.

3. Обсуждение и результаты

Среди правых газет наиболее радикальным был орган ростовского отдела Союза русского народа (далее – СРН), еженедельная газета «Стяг», вышедшая в свет в мае 1907 г. Она представляла собой довольно типичное черносотенное издание, созданное по подобию главного органа СРН, «Русского знамени». Уже в программной статье «стяговцы» пытались инициировать полемику с «левыми» газетами, обвиняя их в «прислуживании» инородцам и революционерам (Стяг. 1907. № 1: 1). Однако такие крупные издания, как «Приазовский край» и «Южный телеграф», несмотря на постоянные нападки на них в «Стяге», орган ростовских черносотенцев игнорировали. По крайней мере, за все время существования «Стяга» нам не удалось обнаружить в указанных газетах его упоминаний. Деятельность местных крайних правых также не была доминирующим сюжетом «прогрессивной» прессы, на страницах газет их упоминали лишь изредка. Например, в одном из номеров «Южного телеграфа» говорилось, что «в местном обиходе... усилиями местных “лидеров” октябристы смешались с истинно-русскими рядами настолько тесно, что выделение их представляет серьезное затруднение, едва ли разрешимое» (Южный телеграф. 1907. № 1651: 2). При этом сообщения о деятельности центральных «союзников» в газетах печатались регулярно. Эта же тенденция бойкота крайне правой прессы продолжится и в дальнейшем. Например, для сотрудников «Ростовского-на-Дону листка» даже самое незначительное упоминание о нем в крупных областных газетах становилось поводом для написания ответных статей. Так, в 1913 г. в «Южном телеграфе» была опубликована небольшая заметка, в которой говорилось о намерении Нахичеванской городской думы не оставлять без ответа выпады «местного черносотенного листка» (Южный телеграф. 1913. № 3571: 3). В ответ «Листок» напечатал пространный текст про «армянский гнет», в котором автор пытался показать, что левые газеты, контролируемые инородцами, развернули против органа правых полноценную клеветническую кампанию (Ростовский-на-Дону листок. 1913. № 173: 2-3).

Основная агитация газеты «Стяг» была направлена против «революционной крамолы», которая понималась весьма широко, и, по сути, «революционерами» признавались все, кто не разделял правомонархическую идеологию. Само название газеты отсылало к легенде о стяге Ермака, который якобы покоится скованным на дне донских гирл и, будучи освобожденным, объединит казаков против «мира тлетворного разврата», под которым понимался мир революции и упадка монархических чувств (Стяг. 1907. № 1: 2).

Другим объектом нападков ростовских черносотенцев стали евреи. Газета в этом отношении проповедовала крайний антисемитизм. Еврейская тематика так или иначе фигурировала в большей части материалов, напечатанных в газете. Почти каждый номер содержал карикатуры, посвященные «еврейскому засилью», «подрывной деятельности» евреев-революционеров и т.п. Евреи объявлялись абсолютным злом, виновниками революции и силой, подрывавшей основы Российского государства. Так, уже в первом номере в статье «Избави нас от... жидов, Боже!», подписанной некой «Патриоткой», говорилось: «Без колебания, с полной откровенностью, открыто нужно признать, что этой гидрой зла, этой разрушительной силой среди нас здесь и по всей России являются евреи». России евреи не принесли ничего ценного, кроме всеобщего разрушения, а следовательно, «с таким всеразрушающим элементом продолжать жить невозможно и решение должно быть бесповоротно: евреев не должно быть в России как расы злонамеренной и всеразрушающей» (Стяг. 1907. № 1: 3-4). «Стяг» в плане пропаганды антисемитизма был гораздо более радикальным изданием, чем большинство правых газет того времени, аффилированных с СРН, выходивших в губерниях, где еврейское население, в отличие от ОВД, составляло заметную часть городских жителей.

Однако евреи были не единственной мишенью «Стяга». Периодически появлялись статьи, направленные как против ростовско-нахичеванских армян, так и против армян в целом. В этом проявилась местная специфика радикальной националистической прессы, нуждавшейся в поиске более осязаемого врага, чем относительно малочисленные евреи Ростова и Таганрога. Часто армяне и евреи изображались союзниками в борьбе против «русского дела» (Стяг. 1907. № 4: 3). Подобно евреям, армяне ассоциировались с революцией (Стяг. 1907. № 10: 3). Впрочем, в своеобразной иерархии «врагов русского народа» армяне занимали более низкое положение по сравнению с евреями. Иногда армяне

даже представлялись «жертвами еврейского коварства». Например, в статье «Благодарное племя» А. Сенецкий писал о том, что армяне были одними из наиболее щедрых жертвователей в помощь пострадавшим от еврейского погрома в Ростове в 1905 г. Однако, когда в газетах появился призыв жертвовать в пользу голодающих армян на Кавказе, в списках жертвователей якобы не оказалось ни одной еврейской фамилии. «Не ясно ли отсюда, – заключал автор, – что это племя создано только для высасывания соков из других народностей. Армяне! Запомните это» (Стяг. 1907. № 2: 5).

«Стяг» просуществовал до сентября 1907 г., выдержав всего 15 номеров. Время его издания совпало с кампанией по выборам в III Государственную думу, и, вероятно, когда исход выборов в Ростове стал очевидным, надобность в печатном органе отпала. Ростовским правым понадобилось почти два года, чтобы создать новый орган – «Ростовский-на-Дону листок». Это издание уже не было аффилировано с СРН. В ряде исследовательских работ его называют октябристским, однако в реальности оно объединяло октябристов, националистов, «союзников». Причем общий тон газеты, особенно после 1912 г., задавали именно сторонники Всероссийского национального союза (далее – ВНС). Тональность издания была менее агрессивной, чем у «Стяга». Газета апеллировала уже не только к городским «низам» с примитивной антисемитской и монархической риторикой, но и ко вполне уважаемой публике, связанной с местными коммерческими кругами, видевшими в национализме средство борьбы с конкуренцией со стороны армянских и еврейских предпринимателей. Заметно менее радикальными (но не менее многочисленными) стали статьи по «еврейскому вопросу», а основным объектом нападок, особенно в период с 1911 по 1913 г., становятся нахичеванские и ростовские армяне.

Впрочем, отличие «Ростовского-на-Дону листка» от «Стяга» было относительным. Периодически там проявлялась та же радикальная риторика и стилистика. Например, в новогоднем номере за 1911 г. газета так наставляла читателей: «Теснее должны сплотиться все русские национальные партии, октябристы, националисты и правые, и дать отпор настойчивому просасыванию в тело нашей измученной родины потоков инородческого нашествия. Враг у ворот. Бдите, вы, стоящие на страже нашей целостности и величия России» (Ростовский-на-Дону листок. 1912. № 111: 2).

«Ростовский-на-Дону листок» издавался вплоть до марта 1917 г. При этом с начала 1914 г. газета стала ежедневной (в годы Первой мировой войны ее периодичность менялась от ежедневной до еженедельной). Это воспринималось ростовскими правыми как признак роста национального самосознания русского населения Ростова и ОВД, а также перехода инициативы от левых изданий к правым. В одной из передовых статей газеты говорилось о шаткости положения левых в своем отношении к русскому национализму, ставшей очевидной в последнее время. Общечеловеческие понятия, о которых говорили «прогрессисты», по мнению автора статьи, не укладывались в особенности русской народной жизни и не соотносились с интересами русского человека. При этом подчеркивалось, что эти особенности (впрочем, неназванные) характерны для всех слоев русского населения. Обращаясь к левым интеллигентам, автор заключает: «господа, вы забыли, что без национальной культуры нет прогресса, и потому ваша мысль есть, по словам одного средневекового философа, небытие пустое и мрачное» (Ростовский-на-Дону листок. 1914. № 251: 2).

Для «прогрессивных» публицистов действительно была характерна тенденция к отказу от восприятия национального начала как основополагающего элемента жизни общества и постулирование приоритета общечеловеческих ценностей над национальными. Определенный интерес в этом отношении представляет статья «Национальность и ее значение», опубликованная в «Приазовском крае» 18 июня 1906 г. (Приазовский край. 1906. № 158: 2). Ее автор указывает на то, что вопрос о национальности в России будоражит умы публики, но при этом нет внятного понимания, что же это такое. Для выяснения вопроса он предлагает обратиться к двум релевантным, на его взгляд, трактовкам. Первая принадлежит перу французского историка Эрнеста Ренана¹. Ренан оспаривает представление о национальности как общности, объединенной племенным родством. Более того,

¹ Речь идет о знаменитой лекции Ренана 1882 г. «Qu'est-ce qu'une nation?» («Что такое нация?»).

практически все современные государства представляют собой разноплеменные конгломераты, а следовательно, основывать политику на национальности (в ее «зоологическом» понимании), значит, «сводить ее к химере».

Нация, по Ренану, «есть духовное начало», душу которого составляет желание людей жить вместе и обладать общей славой в прошлом и общей волей в настоящем. К этому автор статьи от себя добавляет, что нация — это не просто духовное начало, но «политический организм», цельный и нераздельный. По его мнению, без политического единства не существует и национальности. А такие факторы, как единство языка, племени, религии, равно как и благоприятные природные условия, способствуют укреплению национального единства, но ни один из этих факторов сам по себе не определяет нацию. Применение принципа национальности в Европе, как настаивает автор, привело бы к гибели всей европейской цивилизации, т.к. потребовало бы соединения разнородных частей даже в тех случаях, когда эти части сами не желали бы быть объединенными.

Далее автор статьи обращается к сочинению «*Conquête et nationalité*» («Завоевание и национальность», 1859 г.) французского журналиста и политического деятеля Эмиля де Жирардена (1806–1884). Жирарден противопоставляет «национальность», которую он считает синонимом войны, свободе. «Не национальное управление, — пишет он, — а хорошее управление способствует благу государства. Не национальность, а гражданская свобода, прогресс и цивилизация должны быть написаны на знамени каждого народа». Нет нужды перекраивать карту Европы военным путем, т.к. она сама изменится благодаря прогрессу и научным открытиям. «В то время, когда принцип свободы и внутреннего благоустройства является синонимом мира, право национальности становится тождественным с войною, дикою и непрестанною войною, которая может возратить человечество в первобытное состояние, в эпоху варварства» ([Приазовский край. 1906. № 158: 2](#)).

В подтверждение идеи о том, что реализация «принципа национальности» не является благом, автор статьи приводит примеры гомогенных в этническом плане государств, таких как Испания, Италия, Португалия и Греция. Он задается вопросами: «выше ли они других стран по уровню экономического и нравственного развития? Можно ли их причислить к сонму могущественных, первоклассных держав?» Ответ, разумеется, отрицательный, из чего следует вывод о том, что «идея национальности, как творческая, созидательная сила, вовсе не творит прогресса». Племенное же разнообразие того или иного государства не является препятствием для его развития. Наоборот, процветание усиливается в результате обмена труда и знания. Единственное условие — это то, что племена должны действовать сообща и уметь пожертвовать частными интересами в угоду общим. Примером пренебрежения этим условием он называет Австро-Венгрию, где каждая народность старается «тянуть одеяло на себя».

В заключении статьи говорится, что «национальный принцип, положенный в основу отношений окраин к центру, поведет Россию по пути Габсбургской монархии — к разложению» ([Приазовский край. 1906. № 158: 2](#)). Такой вывод едва ли можно считать типичным для «прогрессивного» издания периода революции 1905–1907 гг., поскольку это шло вразрез с программой кадетской партии, отстаивавшей принцип автономии для ряда окраин, в том числе по национальному признаку. С другой стороны, идея приоритета гражданских свобод над реализацией национальных автономий была довольно широко распространена в русской либеральной публицистике.

Зачастую рефлексии на национальную тематику в «прогрессивной печати» появлялись в связи с активностью местных отделений правых партий. Обычно это были одиночные заметки, но порой они приводили к оживленной полемике между публицистами «прогрессивных» взглядов и правыми. Так, 14 января 1912 г., года выборов в IV Государственную думу, в Таганроге состоялся учредительный съезд отдела Всероссийского национального союза, ставший попыткой объединения местных националистических сил под крылом ВНС. Лидером и идейным вдохновителем этого предприятия выступил гласный городской думы, крупный землевладелец, общественный деятель и бывший окружной предводитель дворянства Николай Александрович Реми (1852–?) ([Таганрогский вестник. 1912. № 14: 3](#)). Реми уже имел опыт партийного строительства, будучи в 1905 г. председателем таганрогского отдела «Союза 17 октября» ([Таганрог, 2008: 98](#)). Помимо организационных моментов, на собрании обсуждался вопрос об открытии в

городе «Русского общества взаимного кредита», а также были избраны 18 будущих членов его правления (Таганрогский вестник. 1912. № 14: 3). В Ростове еще с начала 1910 г. действовало подобное общество, в состав которого входили представители трех правых партий: октябристов, ВНС и СРН (Корниенко, 2013: 38). Создание кредитного общества или банка участники собрания признали настолько важным, что даже предложили ради объединения сил и успеха предприятия исключить внутренние политические дебаты как минимум до момента думских выборов. Во главу угла ставился «экономический национализм», который пропагандировался еще в 1910–1911 гг. газетой «Призыв». Этот «экономический национализм», суть которого заключалась в противостоянии «инородческому засилью» прежде всего экономическими методами, признавался явлением законным и прогрессивным, что, по мнению лидеров таганрогских националистов, должно было привлечь в местный отдел ВНС представителей разных партий. Целью деятельности таганрогского отдела Союза, как сообщал корреспондент «Таганрогского вестника», вероятно связанный с организаторами съезда, должна была стать «помощь менее культурному и более слабому в борьбе за существование русскому населению, выбиваемому из всех позиций более сильными и культурными инородными группами» (Таганрогский вестник. 1912. № 14: 3). О каких именно группах шла речь, автор заметки не пояснил, но можно предположить, что имелись в виду, прежде всего, евреи. Однако, если исходить из ранних публикаций в таганрогском «Призыве» и «Ростовском-на-Дону листке», региональными «врагами» русского народа в сфере экономики признавались также армяне и немцы.

В этом же номере «Таганрогского вестника» была напечатана еще одна заметка, более критичная по отношению к националистам. Ее автор указывал, что на собрание явилось всего 20 человек учредителей¹ (о том, были ли еще люди, кроме учредителей, не сообщалось). Инициатором создания отделения он называет не Реми, а А.Г. Карелина (Таганрогский вестник. 1912. № 14: 3), таганрогского купца, владельца чайного магазина на центральной улице города (Гаврюшкин, 2002: 246). По версии журналиста, избранный председателем Реми указал на необходимость в преддверии выборов объединиться в городе всем русским людям (Таганрогский вестник. 1912. № 14: 3). Примечательно, что автор заметки берет слово «русским» в кавычки, вероятно, намекая на разношерстное этническое происхождение многих таганрогских националистов, в том числе самого Реми, происходившего из рода французских гугенотов. Впрочем, практика русских правомонархических и националистических партий, включая ВНС, допускала членство людей нерусского происхождения при условии, что они достаточно обрусели и «слились» с русским народом. В сословном плане среди учредителей таганрогского отдела ВНС доминировали помещики (Н.А. Реми, Л.П. Иловыйский, А.А. Степанов) и купцы (А.Г. Карелин, М.Н. Греков).

На собрании также обсуждался вопрос об объединении перед выборами с другими правыми партиями, а также с правым крылом кадетов (Таганрогский вестник. 1912. № 14: 3), что противоречило предвыборной платформе ВНС, исключавшей блокировки с партиями левее октябристов. Впрочем, уже на начальном этапе такой широкий альянс оказался сопряженным с рядом трудностей. По сообщению ростовской газеты «Приазовский край», присутствовавшие на собрании «союзники» посчитали, что идея национального банка была украдена националистами у них. Один из «союзников», услышав предложение Реми, якобы тут же отправился на телеграф, чтобы просить главный совет СРН воспрепятствовать открытию националистами банка в Таганроге (Приазовский край. 1912. № 18: 5).

17 января в «Таганрогском вестнике» появилась статья «Таганрогские националисты», подписанная псевдонимом Омикрон, автор которой злорадствовал по поводу того, что Таганрог не отстает от других городов России и теперь здесь, наряду с кадетами, социалистами, октябристами и недавно появившимися черносотенцами (речь, вероятно, идет об учрежденных в 1911 г. Дубровинском и Марковском отделах Всероссийского Союза русского народа (Крамская, 2016а: 123)), появились и националисты. Автор перечисляет народы, проживающие в городе, которым, по его мнению, стоит опасаться нового союза:

¹ Ростовский-на-Дону листок сообщал о 30 членах собрания (Ростовский-на-Дону листок. 1912. № 115: 3).

«Трепещи, инородец: грек, армянин, турок, еврей, француз, итальянец. Трепещи! Потому, что “Россия для русских”, а ты несчастный имеешь удовольствие жить в России». Далее фельетонист указывал на противоречивость установок националистов, которые, с одной стороны, призывали объединяться вокруг платформы ВНС перед выборами, а с другой, предлагали отказаться от политических дебатов в своей деятельности до этих же самых выборов. Он выражал сомнения в аполитичности таганрогского отдела, поскольку цели и задачи ВНС «известны каждому». Затем он переходит к критике идей националистов, заявляя, что «идея национализма сама по себе, конечно, прекрасная вещь. Но национализма “бодрого, национализма здорового”, а не того, вокруг которого объединились Балашов (П.Н. Балашов, лидер фракции националистов в Государственной думе. – О.Г.) и его присные». Идея такого национализма не пользуется популярностью у широких масс населения, что понимают и сами националисты. Поэтому, считает автор статьи, подмена таганрогскими националистами политической программы «экономической взаимопомощью» не более чем уловка и попытка купить будущих избирателей (Таганрогский вестник. 1912. № 15: 3). В заключении статьи корреспондент газеты выражал надежду, что «может быть, менее сильное, но, несомненно, культурное в своем большинстве население Таганрога не настолько уж просто, чтобы его можно было обернуть вокруг пальца» (Таганрогский вестник. 1912. № 15: 3).

В ответ на публикации в «Таганрогском вестнике» один из членов ВНС, подписавшийся «Националист»¹, публикует письмо, в котором излагает свое понимание национального вопроса. Автор называет национализмы инородцев (по контексту речь идет, скорее всего, о еврейском национализме, по крайней мере на это указывает фраза «прикрытый мнимым космополитизмом») «здоровыми» и «завидными», при этом возмущаясь тем, что аналогичное движение русских признается заметной частью образованной публики «черносотенством», уродством и т.д. (Таганрогский вестник. 1912. № 16: 3).

В ответ на письмо Националиста штатный сотрудник «Таганрогского вестника» Н. Чужбинин (псевдоним Николая Ивановича Попандопуло (1862–?) (Борзенко, 2008)) публикует статью, в которой критикует таганрогских националистов за причисление русских к «темной, наименее культурной группе населения», поясняя, что такое отношение националистов к народу, от имени которого они говорят, выглядит странным хотя бы из соображений гордости за свой народ. Чужбинин просит пояснить, почему таганрогские националисты называют себя именно «националистами», а не «народниками», поскольку «экономический национализм» и лозунг «защиты наиболее слабых групп населения», по его мнению, тождественны понятию «народничество», а если понимать «здоровый национализм» достаточно широко, то он и вовсе оказывается близким к программе социал-демократов. Чужбинин задается вопросом: раз «национальный союз» вызвался «защищать слабых», то почему они защищают только русских: «ведь и поляки, и иудеи в качестве пролетариев являются наиболее слабой и наименее культурной группой населения, и значит, имеют право рассчитывать на защиту со стороны “народнического союза”» (Таганрогский вестник. 1912. № 17: 3).

Чужбинин предлагает рассматривать национальный вопрос не только через призму узконациональных интересов, но и через призму общечеловеческих ценностей. «Нужно ли поддерживать такие национальные черты, (например, евреев, зулусов, фиджийцев), которые не заслуживают одобрения с общей этической точки зрения», – задает вопрос публицист. Однако, продекларировав приверженность «общечеловеческим ценностям» и их приоритет над узконациональными проявлениями, Чужбинин, по сути, сам выступает с умеренно националистических позиций, признавая за национализмом «здоровое начало», но критикуя наиболее одиозные и сомнительные положения сторонников ВНС и других правых партий.

Чужбинин признает законность объединения русских против «инородческого шовинизма». Однако при этом публицист указывает, что «шовинизм инородцев сильно

¹ За этим псевдонимом скрывался один из активных сотрудников газеты «Призыв», возможно, ее издатель Н.В. Кутейников. В публикациях в «Таганрогском вестнике» он повторяет основные идеи своих статей, напечатанных ранее в «Призыве».

преувеличен. О «масонском засилье» можно, пожалуй, и не говорить. Это засилье является плодом воображения именно тех групп, которые сами склонны к «засилью». Политика в национальном вопросе, по мнению Чужбинина, с одной стороны, должна противодействовать шовинизму инородцев, а с другой – сохранять те особенности русских, которые «заслуживают одобрения с общей этической точки зрения». В будущем под влиянием развития экономики, прогресса наук и искусств национальные особенности будут неизбежно сглаживаться, а следовательно, антагонизм национальностей исчезнет. Политика в национальном вопросе должна это учитывать и быть направленной не на вражду, в чем Чужбинин обвиняет националистов, а на сближение национальностей (Таганрогский вестник. 1912. № 17: 3).

В дискуссию включились и ростовские журналисты. Корреспондент «Приазовского края» А.С. Туманский («Гном») опубликовал заметку по поводу писем Националиста, в которой, ссылаясь на опыт газеты «Призыв», упомянул, что национализм в Таганроге – явление не новое. Однако националисты прежде не имели ни организации, ни успеха у публики. И новому предприятию он пророчил такой же провал, прежде всего из-за личностных качеств Реми, известного своими провальными проектами. Учреждение национального банка Туманский считал способом привлечения «низов», без которых победа националистов на выборах невозможна. В отличие от Чужбинина, он в принципе отвергал идею национализма как вредную для государства, а разговоры о «здоровом» национализме считал не более чем уловками. «Во всяком здоровом государстве, – писал он, – на первом плане должен быть гражданин, а затем уже русский, татарин, башкир, еврей и т.д.... Не надо делать слабые русские элементы более русскими, чем они есть, как думают гг. Реми, Степановы, Грековы и проч. Сделайте их гражданами в полном смысле этого слова, и они обойдутся даже без помощи вашего национального банка и даже без помощи вас самих, гг. непризванные националисты» (Приазовский край. 1912. № 20: 6).

В одном из следующих номеров «Таганрогского вестника» было опубликовано письмо Националиста, в котором он отвергал обвинения в шовинистической политике ВНС. Лозунг «бей инородцев» (ни Чужбинин, ни Туманский, однако, такой фразы не говорили) он считал выдумкой, ярлыком, навешиваемым на националистов их противниками. Русский народ, по его мнению, уже был достаточно зрелым и не настолько «темным», чтобы не понимать, «что в борьбе чисто экономической выгоднее теперь бить “не дубьем, а рублем”». Однако, по его мнению, это не изменяло того факта, что именно русский народ находился в наиболее невыгодном положении «наименее культурных, темных и слабых групп населения» (Таганрогский вестник. 1912. № 21: 3).

В среде русских националистов не было единого мнения относительно того, какими средствами нужно бороться с «инородческим засильем»: одни настаивали на усилении экономической конкуренции, другие ратовали за репрессивно-административные ограничения для всех или для части инородцев. Сам Националист замечал, что не знает в каком направлении будет развиваться деятельность только что созданного таганрогского отдела, но выражал надежду, что борьба будет вестись на экономическом поле. Он выступал против идеи Чужбинина соотносить национальные интересы с общечеловеческими. «Общечеловеческий» народнический национализм он называл абсурдным, поскольку мир построен на борьбе и нации борются между собой, подобно индивидуумам и группам. Идею равенства Националист, ссылаясь на программные установки ВНС, отвергает, т.к. именно под ширмой равноправия народностей, по его мнению, инородцы ведут борьбу против русских (Таганрогский вестник. 1912. № 21: 3).

В заключении, впрочем, Националист признался, что сам не разделяет всех положений партии националистов, однако готов закрыть глаза на эти положения ради остальных, ради общей цели – объединения «слабых» русских перед лицом инородческой угрозы. В этом он не видел «шовинизма», в чем упрекал националистов Чужбинин: «Цель наша не нападение, а – *самооборона* (курсив автора. – О.Г.) эконом[ического] свойства, т.е. задача, по существу, скорее мирная. Русским людям мы ставим задачу: под флагом защиты союза, проснитесь, займите свое место хозяев, объединяйтесь в экономич[еские] организации, развивайте свои природные дарования, заставляйте делиться с вами щедрее

теми командующими позициями, которыми инородцы владеют по праву сильных, даровитых, объединенных групп» ([Таганрогский вестник. 1912. № 21: 3](#)).

В ответ на это письмо Националиста Чужбинин публикует статью «Вопросы по поводу ответа», в которой еще раз выражает недоумение по поводу программы «национального отдела». Он снова ставит под сомнение легитимность использования термина «национализм» в контексте идеи борьбы за дело «слабых и угнетенных», поскольку «нации слабых и угнетенных» не существует. Далее он обращает внимание на то, что если национализм инородцев признается «здоровым явлением», то в чем тогда заключается цель борьбы с ним: «Цель борьбы, – пишет Чужбинин, – уничтожение. А уничтожить хорошие вещи – далеко не значит способствовать прогрессу» ([Таганрогский вестник. 1912. № 23: 3](#)).

Соглашаясь с тезисом Националиста об абсурдности «общечеловеческого национализма», Чужбинин все же настаивает на наличии общечеловеческих ценностей. Существуют интересы, общие для всего человечества, и интересы всего государства. Последние, по мысли Чужбинина, нельзя присваивать одной группе населения, поскольку это приведет к эгоизму. Национальные ценности же им признаются, но они находятся в подчиненном положении по отношению к государственным и общечеловеческим: «Надо только, чтобы эти национальные особенности не противоречили требованиям общечеловеческой этики, науки, искусства...». Заключает Чужбинин свой текст следующим пассажем: «Любя Россию (не меньше, чем гг. националисты), я хочу уважать ее. Я хочу, чтобы ее политика не противоречила общечеловеческим идеалам» ([Таганрогский вестник. 1912. № 23: 3](#)).

После достаточно эмоционального ответа Чужбинина, поставившего ряд «неудобных» вопросов, полемика с Националистом прекратилась. Однако интерес со стороны «Таганрогского вестника» к ВНС и деятельности правых партий в целом полностью не пропал. Например, 26 февраля 1912 г. в «Таганрогском вестнике» была опубликована заметка «Националисты», подписанная Виктором Петровским, в которой рассказывалось о съезде националистов в Петербурге и его постановлениях, в которых в частности говорилось о решимости Союза найти средства для борьбы с еврейским засильем. По мнению делегатов съезда, гражданские права евреев ни в коем случае не должны быть расширены. Национальный союз должен был отказаться от любых блоков с поляками, но допускались предвыборные союзы с другими инородцами при условии, «если последние исповедуют единство Русского государства и признают первенствующее положение русского народа». Съезд также устанавливал запрет на заключение блоков со всеми партиями левее октябристов. Также он призывал к полному единению всех националистов. Комментируя эти положения, Петровский утверждал, что националисты ничего нового не сказали, однако в положениях об инородцах они, по его мнению, теперь ничем не отличались от крайних правых: «Человеконенавистничеством теперь никого не удивишь. К нему, к сожалению, мы слишком привыкли, и люди прозорливые ничего другого от съезда националистов ждать не могли» ([Таганрогский вестник. 1912. № 53: 2](#)). Но наиболее неутешительным для думы Петровский считал перспективу союза националистов и октябристов, который на тот момент представлялся будущим парламентским большинством.

Порой национальная проблематика возникала на страницах газет по довольно неожиданным поводам. Так, в начале 1912 г. в Таганроге дискутировался вопрос об открытии местным отделением Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом «санаторию», или лечебницы для больных чахоткой. Камнем преткновения стал выбор места для больницы – в городе или в Карантинном саду, дачной местности, находящейся в отдалении от города, чему была посвящена большая полемика, в целом не выходящая за рамки ожидаемой медицинской и социально-экономической аргументации. Однако неожиданно в «Приазовском крае» А.Б. Тараховским («Шиллер из Таганрога») 14 апреля была опубликована статья «Борьба с борьбой против чахотки», в которой он обвинял газету «Таганрогский вестник» в «черносотенстве» на том основании, что ее сотрудники противодействовали таганрогскому отделению Лиги и использовали в этом антисемитскую аргументацию. Поводом для выступления Тараховского стала заметка в «Таганрогском вестнике», в которой говорилось, что один из врачей, членов Лиги, заявил, что с решением открыть больницу в городе, а не «санаторию» в Карантине, вопрос об ограничениях для

местного еврейского населения более не является актуальным. В связи с этим автор заметки, Н. Чужбинин, заявил, что «речи гг. Евинзона, Фрейфельда и др. дали повод некоторым участникам собрания подозревать, что правление, игнорируя возможность устройства санатории в Карантине, заботилось о больных евреях» ([Таганрогский вестник. 1912. № 88: 3](#)).

По словам Тараховского, газета уверяла читателей в том, «санаторию» не будет открыт в Карантине (именно за это место агитировала газета) по той причине, что этого не хотели евреи, которым якобы запрещено жить вне города. Проблема лечения евреев на российских курортах, находившихся вне черты оседлости, действительно остро стояла в этот период времени и активно дискутировалась в центральных и местных газетах. Кроме того, среди активных деятелей таганрогского отделения Лиги было много евреев, составлявших заметный процент таганрогских врачей. Да и сам Тараховский состоял в правлении Лиги. Однако фельетонист «Приазовского края» настаивал на том, что «еврейский вопрос» был ни при чем, т.к. окраины Таганрога, включая Карантин, не входили в число местностей, где запрещалось жить евреям. Истинной причиной подобных выпадов он считал то, что «Таганрогский вестник» попал в руки черносотенной группы, которая «по давно заведенному обычаю этих милых деятелей, совершенно не считается с истиной», используя городскую дискуссию, во-первых, для дискредитации Лиги, а во-вторых, как очередной повод поговорить о «еврейском шовинизме, засилье и прочих глупостях, столь излюбленных господами черносотенцами, которые сами ничего не делают и другим мешают работать». По его словам, среди 60–70 человек, ежегодно пользовавшихся помощью таганрогского филиала Лиги, лишь три были евреями. Противодействие же Лиге, делавшей, несомненно, благое дело, он считал человеконенавистничеством. «Неужели, – заключал Тараховский, – чтобы лишить помощи трех евреев, они готовы обречь на смерть сотни людей?» ([Приазовский край. 1912. № 98: 3](#)).

Статья Тараховского вызвала волну негодования среди сотрудников «Таганрогского вестника». Н. Чужбинин опубликовал «Ответ г. Шиллеру», в котором настаивал на том, что инцидент с выступлением врачей-евреев действительно имел место. В то же время свой комментарий, признанный Тараховским «черносотенным», он объяснил желанием «развеять подозрения», возникшие у некоторых участников собрания относительно того, что «еврейский фактор» стал решающим в деле выбора места для больницы (с понижением статуса с «санатории» до «лечебницы»), по мнению Чужбинина и других сотрудников «Вестника», неудачного. В конце «Ответа» Чужбинин заявил, что «черносотенство» состоит не в сомнениях и подозрениях, а именно в «шовинизме», независимо от того, русский он или еврейский ([Таганрогский вестник. 1912. № 98: 3](#)). Таким образом, Чужбинин намекал на то, что между русскими и еврейскими националистами не было принципиальной разницы.

Другой фельетонист «Таганрогского вестника», Омикрон, также включился в полемику, заявив, что Лига чужда политики, однако вопрос о позиции евреев требует «выяснения». В то же время он уверял, что доктор Евинзон был прав, поставив этот вопрос. При этом он отвергал обвинения в адрес «Вестника», связанные с тем, что газета якобы захвачена «черносотенцами». «Газета за тридцать лет своего существования, – писал он, – сумела в достаточной мере выяснить свою политическую физиономию, и никакими истерическими выпадами ее не изменить» ([Таганрогский вестник. 1912. № 100: 3](#)).

В том же номере Чужбинин, используя полемику с Тараховским, пускается в рассуждения о национализме и евреях. Представители таганрогской еврейской общины, по его словам, «не только считают допустимым и вполне законным свое национальное высокомерие, но и требуют, чтобы русские признавали его, относились к евреям как к существам вышестоящим, – причем всякое иное отношение третируется как черносотенное». Фактически он обвиняет часть еврейской общины Таганрога в «еврейском черносотенстве» и признает «борьбу» с ним на страницах газеты совершенно легитимной. Чужбинин возвращается к своей недавней полемике с таганрогскими националистами, заявив, что и евреи, и националисты, по сути, выступили в отношении «Таганрогского вестника» с одинаковых, враждебных позиций. И тем, и другим не нравилось отрицание «шовинизма», соответственно еврейского и русского. Газета же «всегда отрицательно относилась ко всякому национализму (русских, евреев и др.), понимаемому в обычном,

распространенном в настоящее время смысле». В чем этот смысл заключался, Чужбинин не пояснил ([Таганрогский вестник. 1912. № 100: 3](#)).

Тем не менее, отрицая национализм, или шовинизм любой национальности, Чужбинин чужд мысли о том, что национальность как феномен не должна существовать. «Нет сомнения, – писал фельетонист, – что за удовлетворением общечеловеческих и государственных потребностей, останутся еще особые потребности, характеризующие отдельную национальность». К этим потребностям он относил язык и религию. Однако он оговаривался, что эти потребности достойны уважения только до тех пор, пока они не вступают в противоречие с общечеловеческими и общегосударственными потребностями. «Мы не можем забыть, что сами принадлежим к другой национальности, и не можем не потребовать, чтобы евреи и все остальные инородцы относились с уважением к нашей национальности» ([Таганрогский вестник. 1912. № 100: 3](#)).

В ответе Чужбину Тараховский уверял, что «Таганрогский вестник» скатился до брани, достойной «Русского знамени», «Веча» и других черносотенных газет. Парируя тезис о том, что газета якобы занималась «выяснением вопроса», а не нападками на инородцев, особенно с учетом того, что Карантин находится в черте города и евреям в любом случае не грозила опасность быть лишенными возможности лечиться в больнице Лиги, он пишет: «Она (газета) вместо того, чтобы опровергнуть нелепые подозрения... исходящие к тому же из черносотенных источников, подхватывает их, раздувает, делает выводы!» Говоря о «прогрессивном направлении» таганрогской городской газеты, Шиллер из Таганрога ссылается на недавнюю полемику Чужбинина и Националиста, намекая на то, что она была инсценировкой под видом «писем в редакцию», усматривая в ней доказательство черносотенного характера «Таганрогского вестника» ([Приазовский край 1912. № 108: 2](#)).

На эти обвинения Чужбинин ответил статьей «О “таганрогском фельетонисте” и черносотенстве». В ней он, по сути, повторяет свои тезисы о высокомерии евреев, доказательств чему, по его мнению, в Таганроге множество. Впрочем, он делает оговорку, что и примеров обратного тоже хватает – «всякие есть евреи». Чужбинин еще раз говорит о том, что русские заслуживают такого же уважения, как и евреи, и называть это требование «черносотенством» – это и есть проявление «еврейского высокомерия» ([Таганрогский вестник. 1912. № 109: 3](#)). На этом полемика между двумя таганрожцами, представлявшими разные газеты, оказалась исчерпанной. Тем не менее, она достаточно показательна в том отношении, что газеты и их сотрудники, претендовавшие на звание «прогрессивных», к 1912 г. зачастую расходились во взглядах на национальный вопрос

4. Заключение

Среди множества вопросов, интересовавших донских публицистов и их читателей, отдельное важное место занимала национальная проблематика. Спектр сюжетов подобного рода включал в себя деятельность правых националистических партий и союзов в России и в городах ОВД, вопросы национализма, патриотизма, феномен национальности, «инородческий вопрос» и т.д.

Одной из первых попыток радикальных националистов заявить о себе стала газета «Стяг», издававшаяся ростовским отделом Союза русского народа. Газета отличалась крайним монархизмом и непримиримым антисемитизмом, при этом ориентировалась на городские низы. «Стяг» просуществовал несколько месяцев, в течение которых шла кампания по выборам в III Государственную думу. С 1909 г. основным правым изданием, объединившим сторонников октябристов, националистов и черносотенцев, становится «Ростовский-на-Дону листок». В отличие от «Стяга», эта газета ориентировалась на более интеллигентную публику, однако многие публикации по национальному вопросу отличались от статей в «Стяге» только стилистически. Наряду с антисемитской риторикой, широко использовалась и антиармянская агитация.

«Прогрессивные» газеты, в отличие от правых, не специализировались на национальном вопросе, и соответствующие публикации появлялись здесь заметно реже. Публицисты этого лагеря относились скептически к «национальности» как созидательной общественной силе, ведущей общество к прогрессу, и постулировали приоритет общечеловеческих ценностей над национальными. Однако анализ конкретных случаев

дискуссий показывает, что в лагере левых донских публицистов существовали заметные разногласия по отдельным вопросам, в частности по еврейскому. Эти разногласия приводили к острым дискуссиям на страницах газет и взаимным обвинениям в «шовинизме» и «черносотенстве».

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г., № гр. проекта 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)».

Литература

Борзенко, 2008 – Борзенко В.В. Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей XIX – начала XX века // *Донской временник*. 2008. Вып. 16. С. 209-215 [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=956 (дата обращения: 10.11.2022).

Гаврюшкин, 2002 – Гаврюшкин О.П. «По старой Греческой...» (Хроника обывательской жизни). Таганрог: Лукоморье, 2002. 513 с.

Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.

Крамская, 2016a – Крамская С.В. Из истории образования монархических организаций на Дону в начале XX века // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 6 (48) Ч. 3. С. 122-125.

Крамская, 2016b – Крамская С.В. Обзор периодической печати правомонархических организаций на Дону в 1907–1916 гг. // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2016. № 2 (87). С. 95-99.

Приазовский край – *Приазовский край, газета*. Ростов-на-Дону, 1906, 1912.

Ростовский-на-Дону листок – *Ростовский-на-Дону листок, газета*. Ростов-на-Дону, 1912–1914.

Стяг – *Стяг, газета*. Ростов-на-Дону, 1907.

Таганрог, 2008 – Таганрог: Энциклопедия. Таганрог: Антон, 2008. 927 с.

Таганрогский вестник – *Таганрогский вестник, газета*. Таганрог. 1912.

Южный телеграф – *Южный телеграф, газета*. Ростов-на-Дону, 1907.

Grom, 2021 – Grom O.A. National issue on the pages of the Taganrog newspaper “Prizyv” // *Russkaya Starina*. 2021. № 12 (2). P. 102-111.

References

Borzenko, 2008 – Borzenko, V.V. (2008). Pseudonyms of donskikh zhurnalistov i obshchestvennykh deyatelei XIX – nachala XX veka [Pseudonyms of Don journalists and public figures of 19th and early 20th century]. *Donskoi vremennik*. 16: 209-215. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=956 (accessed on: November 10, 2021). [in Russian]

Gavryushkin, 2002 – Gavryushkin, O.P. (2002). “Po staroi Grecheskoi...” (Khronika obyvatel'skoi zhizni) [“Along Old Grecheskaya” (Chronicle of everyday life)]. Taganrog: Lukomor'e, 513 p. [in Russian]

Grom, 2021 – Grom, O.A. (2021). National issue on the pages of the Taganrog newspaper “Prizyv”. *Russkaya Starina*. 12 (2): 102-111. [in Russian]

Kornienko, 2013 – Kornienko, B.S. (2013). Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [Right-wing Don: Cossacks and ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 232 p. [in Russian]

Kramskaya, 2016a – Kramskaya, S.V. (2016). Iz istorii obrazovaniya monarkhicheskikh organizatsii na Donu v nachale XX veka [From the history of the formation of monarchical organizations on the Don at the beginning of the 20th century]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 6 (48). Part. 3: 122-125. [in Russian]

Kramskaya, 2016b – Kramskaya, S.V. (2016). Obzor periodicheskoi pechati pravomonarkhicheskikh organizatsii na Donu v 1907–1916 gg. [Review of the periodicals of right-

monarchist organizations on the Don in 1907–1916]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2 (87): 95–99. [in Russian]

[Priazovskii krai](#) – *Priazovskii krai, gazeta* [Priazovskii krai, newspaper]. Rostov-na-Donu, 1906, 1912. [in Russian]

[Rostovskii-na-Donu listok](#) – *Rostovskii-na-Donu listok, gazeta* [Rostovskii-na-Donu listok, newspaper]. Rostov-na-Donu, 1912–1914. [in Russian]

[Styag](#) – *Styag, gazeta* [Styag, newspaper]. Rostov-na-Donu, 1907. [in Russian]

[Taganrog, 2008](#) – Taganrog: Entsiklopediya [Taganrog: Encyclopedia]. Taganrog: Anton, 2008. 927 p. [in Russian]

[Taganrogskii vestnik](#) – *Taganrogskii vestnik, gazeta* [Taganrogskii vestnik, newspaper]. Taganrog. 1912. [in Russian]

[Yuzhnyi telegraf](#) – *Yuzhnyi telegraf, gazeta* [Yuzhnyi telegraf, newspaper.]. Rostov-on-Don, 1907. [in Russian]

Национальная проблематика на страницах донских газет начала XX в.

Олег Андреевич Гром ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется отражение национальной проблематики на страницах газет, издававшихся в Области войска Донского в период между Первой русской революцией и Первой мировой войной. Изучаемые издания условно можно разделить на консервативно-монархические («Стяг», «Ростовский-на-Дону листок») и либерально-прогрессивные («Приазовский край», «Южный телеграф», «Таганрогский вестник»). В первых национальный вопрос был доминирующим сюжетом, отражавшимся во всех опубликованных материалах, от передовых статей до рекламных объявлений. Главными сюжетами правых газет Дона были еврейский и армянский вопросы. Сотрудники «прогрессивных» газет обращались к национальным вопросам лишь от случая к случаю, как правило в контексте освещения деятельности правых и националистических партий. Анализ полемики, посвященной сущности и роли национализма, развернувшейся в начале 1912 г. в таганрогских и ростовских газетах, показывает, что среди «прогрессистов» не было единого понимания национального вопроса.

Ключевые слова: периодические издания, публицистика, газеты, национальный вопрос, национализм.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 102-117

DOI: 10.13187/rs.2022.2.102
<https://rs.cherkasgu.press>

Construction of Space and Man: Soviet Park Culture as Political Technology

Olga M. Morozova ^{a,*}, Alina D. Smirnova ^a

^a Don State Technical University, Russian Federation

Abstract

Improving of park areas in the 1930s became an important element in the restructuring of the cities and industrial centers on the basis of the Soviet communal services. Being a habitual center of public activity associated with memorable events for the new government, the M. Gorky city park in Rostov-on-Don became a tool for visual propaganda of an affordable and comfortable new way of life. It is noted that in the system of ongoing events, the methods of political technologies are clearly identified. At the same time, on the basis of archival textual and visual sources, a reconstruction of the early history of the city garden and the connection of the object with the socio-political events of the city and region was carried out.

Keywords: Soviet social technologies, Soviet park culture, M. Gorky city park in Rostov-on-Don, mass leisure.

1. Введение

Что подразумевает под собой парк в человеческом понимании? Это некий оазис покоя и тишины среди городской суеты, пыли и камня. Если вспомнить одну из самых значимых книг в жизни человечества – Библию, то именно сад становится прообразом рая на земле. Предположим, что именно поэтому садово-парковой культуре всегда уделялось такое внимание, средства и усилия. Люди в своем большинстве стремятся к созданию идеального пространства. И где, как не в парке, каждый может найти себе занятие по вкусу: самые младшие развлекаются на детских площадках, родители же в это время неспешно прогуливаются вдоль протяженных аллей, среди цветов и деревьев.

Целью данной статьи является систематизация обрывочных сведений о реконструкции Городского сада Ростова-на-Дону в 1926–1940 гг., его встраивании в инфраструктуру нового общественного быта, влияния на образ жизни горожан. В повествование добавлены некоторые сюжеты, относящиеся к более ранним годам, но подтверждающие тезис о том, что особая публичная роль сада сложилась задолго до советской власти. Измененная среда меняла формы публичного досуга, а вслед за этим самоощущение людей и их восприятие общества, в котором они живут. Формирование советской парковой традиции не относится к популярной тематике. Не только по Ростову-на-Дону, но и по стране в целом этот аспект социалистического строительства и культурной революции только начинает привлекать внимание исследователей (Десяткова, Любачева, 2012; Кочухова, Рабинович, 2015; Кухер, 2012). Данный текст не претендует на исчерпывающее освещение роли публичных пространств в изменении отдельных сторон жизни горожан, для этого необходимо

* Corresponding author
 E-mail addresses: olgafrost@gmail.com (O.M. Morozova)

продолжение архивного поиска в фондах за 1930-е гг.; его место скромнее – опробовать саму возможность изучения советского общества в плоскости трактовки культурно-бытовой сферы как инструмента формирования новой социальной действительности и изменения сознания советских людей.

2. Материалы и методы

Публичные пространства имеют символическое значение в культуре, как и действия, совершаемые там людьми. Оценки места общественных собраний в жизни социума, принадлежащих западным мыслителям, колеблются от позитивных до деградантских. Но к феномену советского парка наиболее подходят трактовки конструктивного звучания, потому что он целенаправленно создавался как зона совместной созидательной активности. В этом к методологии нашего исследования наиболее близок Ю. Хабермас с его симпатией к марксизму, представлению о легкости преодоления многолюдной публичностью грани, отделяющей ее от идеальных моделей, с идеей о принадлежащей публичной сфере роли легальной платформы общения с государством, хотя и реализованной философом на примере буржуазного общества (Habermas, 1989).

Парковые пространства СССР изначально создавались как «фермы» по формированию нового человека, воспитанию новых отношений, привитию новых ощущений мира и самого себя. Марксистский постулат об определяющей роли материального бытия в развитии феноменов социального мира здесь близок не только методологически, но и тематически. Его неявным последователем может быть признан (но он не согласится!) американский социолог Бэн Файн, связавший технологические изменения, новые потребительские привычки и ментальные подвиги в концепцию SoP (The Systems of Provision Approach) (Fine, Bayliss, 2020). Она является стимулом для работы по пониманию влияния общественных благ, расширения круга доступных товаров и услуг на неосознаваемое поведение человека.

Парк им. М. Горького, примечательная точка в городской среде Ростова-на-Дону, пусть и не является широко известным за пределами края местом, но нельзя недооценивать его роль в жизни и истории города. Его история неоднократно вызывала интерес донских краеведов (Волошинова, 2016; Парк, 2013; Овчинников, 2013; Овчинников, 2021а; Мордовина, 2018). Благодаря их поискам объем знаний об этом городском адресе регулярно пополняется, снимаются противоречия между версиями, уточняются датировки и локации объектов парка, хотя работа далека до завершения. Ей препятствует отсутствие архивных фондов, сформированных учреждениями, ответственными за парк – в прошлом Городской сад, в течение практически всего времени его существования. Информация разбросана по местным периодическим изданиям. Трудно переоценить значение визуальных документов: городских планов и карт, почтовых открыток и фотографий (в частности, из хранящегося в Донской государственной публичной библиотеке альбома В.Ф. Петрыковского (Фотоальбом, б.г.)) в деле восстановления страниц истории парка. Нередко они сохранили то состояние объекта, которое никак иначе в источниках не отразилось.

3. Обсуждение и результаты

В 1930-е гг. роль парковых зон в формировании советского образа жизни выросла значительно, чем других публичных пространств – улиц, театров, магазинов. Еще более революционные изменения касались мест проведения активного отдыха, стадионов и других спортивных объектов. По впечатлению французского писателя А. Жида, посетившего СССР в 1936 г., советские парки есть нечто особенное, выражение нового качества культурного массового досуга (Жид, 1936). То, что это была системная работа государства, показывает иллюстрированный альбом «Архитектура парков СССР», изданный в 1940 г. (Архитектура, 1940). Книга построена на обобщении опыта создания зеленых зон нескольких десятков советских городов, включая столицы союзных республик, курорты и даже колхозы. Лидируют по объему внимания парки Москвы. Немногим меньшее место занимают ансамбли Тбилиси и Баку. Есть и снимок Ростовского парка им. М. Горького с утерянным в годы войны фонтаном с несколькими типами форсунок, дающих сложный рисунок водяных струй.

История Городского сада, именно такое название дали парку в XIX в., началась в 1813 г., когда городской голова, коммерсант А.Р. Яценко завещал свои земли, так называемую Генеральную балку, городу. В то время единственным украшением тех мест можно было считать лишь дикие кустарники, между которыми проходили тропинки, протоптанные жителями. Редко кто из горожан осмеливался в сумерки посетить склоны будущего парка. Прилежавшая к нему с юга улица называлась Загородней, неподалеку располагались городская бойня и свалка. Сейчас это главная улица города – Большая Садовая.

Принято считать, что первое масштабное благоустройство территории сада началось в 1863 г. К такому крупному проекту, финансируемому из городской казны, не мог не оказаться причастным тогдашний городской голова А.М. Байков. Примыкавшая к саду городская бойня принадлежала Обществу обработки животных продуктов, учредителем которого был он (Врангель, 2003: 238-239). Благоустройство балки сказалось на стоимости окрестной земли – улицы Кузнечной, будущей бульварной Пушкинской, и Большой Садовой, которая превратилась в главную городскую улицу.

В 1864 г. была выстроена арка главных ворот, смотрящая на Большую Садовую, а затем ажурное ограждение вокруг парка. К участию в работах привлекался архитектор Н. Дорошенко. Тогда же был перекинут деревянный мост через низину балки, соединивший южный и северный склоны. Именно в это время были спланированы на участке между Большой Садовой и балкой первые регулярные аллеи, высажены деревья (Парк, 2013). Сад приобретал знакомые очертания постепенно. Вероятно, это произошло к 1890-м гг. (Рисунок 1). Вход в сад был общедоступным. Расходы города на содержание ростовского сада покрывала плата от сдаваемых в многолетнюю аренду участков с разрешением строительства на них временных и капитальных помещений, прежде всего ресторанов и кафе. Арендаторы были вольны в избрании проекта, поэтому к началу XX в. постройки сада отличала пестрота. Летний Коммерческий клуб имел ориенталистский облик, новая Ротонда – раннебарочный, каменные и кирпичные здания в восточной части сада, будучи построенными на городские деньги, были выполнены в лаконичном неоклассическом стиле, предпочтительном в казенном строительстве за счет наибольшей дешевизны.

Рис. 1. Закладка сада в восточном партере, присоединенном к нему в 1885 г., и возведение моста через низину. Благоустройство сада, придавшее ему узнаваемый вид, относится к концу 1880-х гг. Датировке способствует Успенская церковь, постройка которой была завершена в 1889 г. (Пещеров, 2020)

Упомянутая Ротонда была возведена в 1864 г. как деревянное круглое здание, напоминавшее цирк шапито. В 1893 г. на этом месте на средства города и для сдачи в аренду было построено каменное здание (Мордовина, 2018). Оно имело полукруглую форму и переняло старое название. С тех пор Ротонда занимала особое место в общественной жизни города вплоть до своей гибели от фашистских авиабомб летом 1942 г. (Рисунок 2).

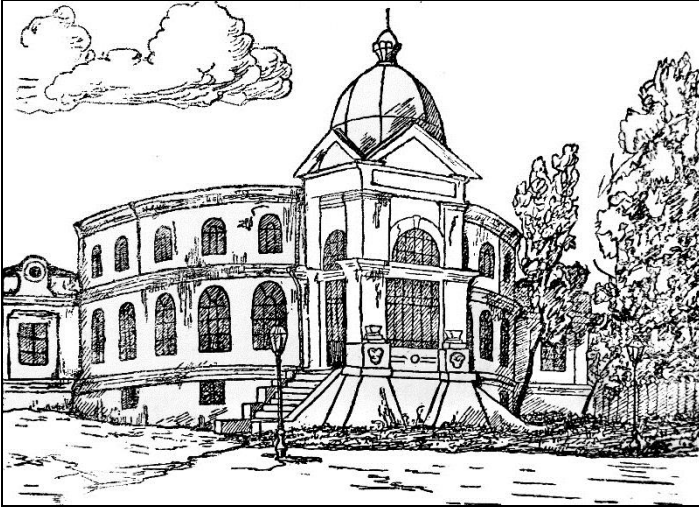

Рис. 2. Ротонда Городского сада (Пролетарская революция на Дону, 1922)

Знаковой стала и постройка первого фонтана в 1868 г. Чести запустить его был удостоен Тимофей Кукса – купец, основавший коммерческое общество для устройства городской системы водоснабжения. Ведутся споры о том, где находился этот объект. Одни краеведы считают им фонтан на главной аллее. Высказываются предположения, что он был в восточной части партера (Овчинников, 2021а). Он виден на старых фотографиях (Рисунок 3).

Рис. 3. Восточный партер Городского сада со стороны пер. Никольского. Из альбома В.Ф. Петрыковского (Фотоальбом, б.г.). По мнению краеведа А.Н. Овчинникова, время съемки – 1893 г. (Овчинников, 2021b)

По сведениям краеведа А.Н. Овчинникова, благоустройство восточной части будущего партера началось только в 1885 г. (Овчинников, 2021а). Можно предположить, что первый парковый фонтан не мог находиться в балке и, вероятно, был устроен ближе к линии городского водовода по улице Большой Садовой. Отсюда следует, что он не сохранился. В дальнейшем функционировало до семи фонтанов. Все, за исключением того, что на главной аллее (ныне – фонтан с цаплей), находились в балке (Рисунок 4).

Рис. 4. Центральный фонтан в конце главной аллеи. 1915 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16968)

К рубежу веков сад приобретал все более и более изысканные черты, в нем начинали проявляться каноны регулярного парка, заложенные при строительстве Версаля: ковровые цветники, скульптурные элементы. Подражательность европейским традициям проявлялась и в оформлении водных источников, но за основу брались римские образцы, что предполагало каменные груды и скульптурные композиции. Фонтаны и пруды украшали романтические гроты, форсунки для разбрызгивания воды были простого струйного типа. Но, как показывают фотографии начала XX в., далеко не все пространство парка имело культурный, благоустроенный вид. Из-за неровного рельефа парка дождевые потоки сносили дорожки, и к Генеральной балке возвращался ее первоначальный дикий облик (Рисунок 5).

Рис. 5. Боковая аллея Городского сада. 1915 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16966)

История Городского сада неотделима от тех общественно-политических событий, которые происходили непосредственно на его территории. На северной стороне балки находилась контора городского общества садоводства, объединявшего активных в области озеленения почтенных горожан. Оно содержало оранжерею и устраивало выставки для распространения знаний по культурному земледелию, плодоводству, цветоводству и связанным с этим промыслам. В 1910 г. общество выступило с инициативой проведения Дня древонасаждения. При поддержке влиятельных граждан Ростова-на-Дону и самого городского головы В.Ф. Зеелера мероприятие было проведено. 7 апреля 1910 г. в 8 часов утра большая толпа собралась на углу Большой Садовой и Таганрогского проспекта. Всего участникам праздника древонасаждения надо было посадить около 10 000 деревьев, за что в конце дня они получили чай с угощением. Настрой у всех был торжественный и веселый (Праздник, 1910). Этот праздник проводился трижды – в 1910, 1911 и 1913 гг.

Но не все горожане отнеслись к этому с одобрением. Местный житель, член Союза русского народа И.Д. Попов написал желчный фельетон, не опубликованный, но сохранившийся в виде рукописного черновика. Устроенный праздник древонасаждения, по его мнению, носил языческий характер. Шествие по главной улице города показалось охранителю развратным: на колеснице ехала 14-летняя гимназистка, изображая Флору. Мероприятие было недостаточно патриотическим: участники шествия несли простые белые флаги с надписями «Сажайте деревья» и ни одного национального. Оркестр исполнял все, кроме гимна. И все это безобразие почтил своим присутствием градоначальник И.Н. Зворыкин вместе с супругой. Попов поделился слухом, что якобы Зворыкин требовал для этого шествия церковные хоругви из Покровского храма, но «верный страж отец Лазарь с негодованием отверг такое требование и не дал церковные святыни на поругание» (ГАРО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 4). Деревья в дни этого праздника высаживались не в Городском саду, а на территории новых рощ на окраинах города. Но в целом эта инициатива способствовала началу создания зеленого кольца города, расположенного в засушливой безлесной зоне юга России.

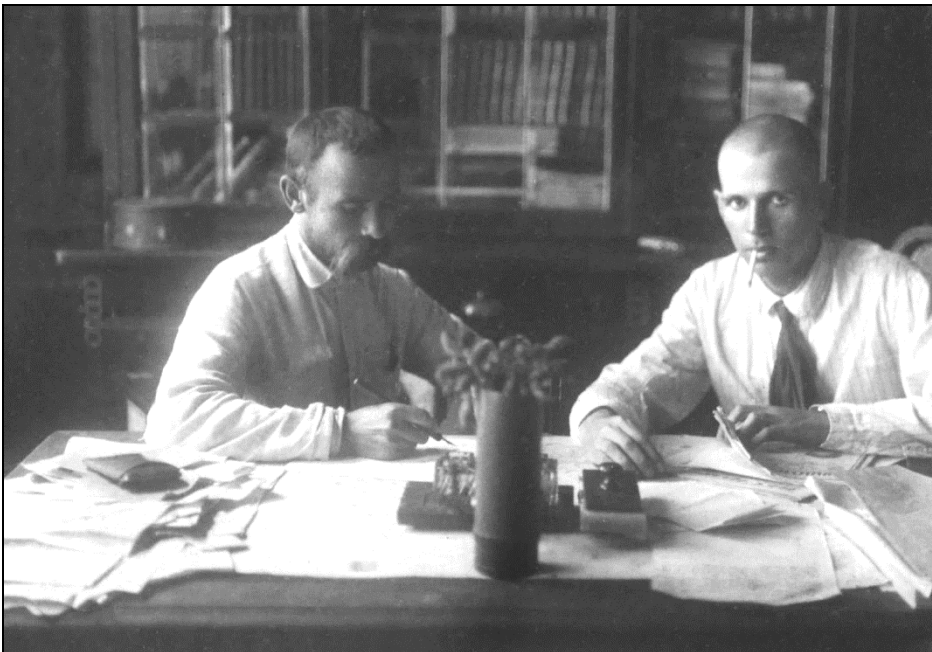

Рис. 6. Редакция газеты «Наше знамя» в здании Ротонды (С. Васильченко – слева). Апрель 1917 г. (ЦДНИРО. Ф. Р-36. Оп. 11. Д. 192)

На начало 1910-х гг. есть сведения о том, что здание Ротонды было взято в аренду Ростовским-на-Дону отделом Союза русского народа. Помимо кабинетов служащих, там размещалась чайная, доход от которой поступал в кассу союза, и ясли для детей его членов (ГАРО. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). После Февральской революции черносотенцы покинули здание, и там расположились рабочие партии и профсоюзы. Как вспоминал лидер

ростовских большевиков С. Васильченко, «вообще Ротонда, как это было ясно со всего отношения к ней правящих партий, была чем-то вроде вместилища всех организаций, от которых им, правящим партиям, нужно было так или иначе избавиться» (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 185. Л. 1). После раскола социал-демократии меньшевики покинули Ротонду, и она стала базой левых партий в городе. Старый рабочий В.Т. Черепахин открыл там буфет. Он был участником революции 1905 г., приговоренным к казни, замененной каторгой, поэтому закусовая была со смыслом. Там всегда можно было найти газеты и книги соответствующего содержания. В ней велось «агитдежурство», солдат-инвалид Вячеслав Крылов, прочно обосновавшийся при буфете, имел успех перед случайными посетителями ротонды как разоблачитель меньшевиков. Уйдя, меньшевики «увели» с собой и газету «Рабочее дело». Большевики начали выпускать «Наше знамя», устроив в здании редакцию газеты (Рисунок 6). Первый номер поступил в продажу 1 мая (17 апреля по ст. ст.) 1917 г. Также продавали открытки и красные банты. Получилось выручить несколько сотен рублей, что хватало на два-три номера газеты. Успех отпраздновали истреблением пива и колбасы в закусовой Черепахина.

Когда в июле 1917 г. пошли компрометирующие слухи о Ленине, запломбированном вагоне и деньгах германского генштаба, пьяные солдаты предприняли нападение на Ротонду, желая отомстить немецким шпионам – большевикам. Постоянно находившиеся в помещении комитета сотрудники и рабочие смогли вытеснить погромщиков. В октябре комитет партии большевиков переехал из Ротонды в помещение варьете «Марс», ныне здание Ростовской филармонии, где располагался ревком объединенной демократии. В Ротонде осталась редакция его газеты. После ноябрьско-декабрьских боев и отступления советских отрядов из Ростова в декабре 1917 г. в Ротонду вновь въехали, по словам Васильченко, черносотенцы (ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 185. Л. 16-17). По окончании Гражданской войны в помещении располагался Сельскохозяйственный музей. К сожалению, какие экспонаты его составляли, точно неизвестно. Вероятно, это были коллекции, собранные обществом садоводства во время проводимых им выставок.

В 1923 г. предпринималась попытка устройства в этом помещении биржи труда, но музей удалось отстоять (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 53. Л. 181, 210). В 1930 г. в Ротонде, в знаковом для борьбы за советскую власть здании, был открыт Музей революции (Мордовина, 2018). Это решение лежало в русле широкой программы превращения бывшего городского сада в пространство, служащее воспитанию нового человека через общедоступную культурную и комфортную среду.

Завершение Гражданской войны не прекратило череду утрат национализированных материальных ценностей. В ноябре 1920 г. выгорел концертный зал, построенный табачным фабрикантом В.И. Асмоловым на Таганрогском проспекте, на участке, примыкающем к западной границе Городского сада. Оставшись без крова, труппа ростовского театра имени А.В. Луначарского разделилась. Одна часть заняла летнюю площадку Коммерческого клуба на территории сада, другая въехала в капитальное здание Коммерческого клуба на Таганрогском проспекте (ныне – окружной Дом офицеров). Помимо объективных обстоятельств, по-видимому, вмешались амбиции и творческие разногласия. Театр просуществовал разделенным весь 1921 г. Слияние «летнего» и «зимнего» театров относится к марту 1922 г. Сад находился в таком запустении, что не рассматривался в качестве отдельной единицы городского хозяйства и решением Донского исполкома был отдан в ведение дирекции театра (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 52. Л. 22).

Масштабная реконструкция началась в 1926 г. Можно предположить, что работы были вызваны подготовкой к установлению памятника В.И. Ленина у входа в сад с улицы Ф. Энгельса, бывшей Большой Садовой. Его торжественное открытие было приурочено к двенадцатой годовщине Октябрьской революции (1929 г.). Монумент стал одним из первых в стране, воздвигнутых вождю революции (Рисунок 7).

В соответствии с проектом благоустройства нужно было заменить обветшавший деревянный мост через низину, восстановить вышедшую из строя систему водоснабжения фонтанов, обновить зеленые насаждения, создать инфраструктуру массового досуга трудящихся (Рисунок 8).

Рис. 7. Фасадная сторона Городского сада после реконструкции. 1929 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16970)

Рис. 8. Западный партер городского сада во время реконструкции. 1926 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16969)

Были снесены выражавшие старокупеческий дух города главные ворота и кованый забор (Рисунок 9). Вход продолжал оставаться свободным в отличие от Первомайского парка на переулке Нахичеванском, поскольку тот был «клубным». Бесплатный вход туда возможен был только при предъявлении билета члена клуба или профсоюза (из пяти образовавших клуб).

Городской сад был открыт для публики в июне 1927 г. В первые дни его посетили свыше 10 тыс. человек (За первые дни, 1927). А за несколько дней до открытия корреспондент газеты «Советский Юг» Л. Эль поделился своими впечатлениями: «Мы в обновленном городском саду. Мы там, где завтра будет отдыхать ростовский рабочий. Как много перемен здесь!» (Эль, 1927). Развитие главного городского центра отдыха трудящихся продолжалось. Статус парка он получил в 1935 г. вместе с именем пролетарского писателя А.М. Горького.

Рис. 9. Разбор ворот в ходе реконструкции Городского сада. 1927 г. (Пещеров, 2020)

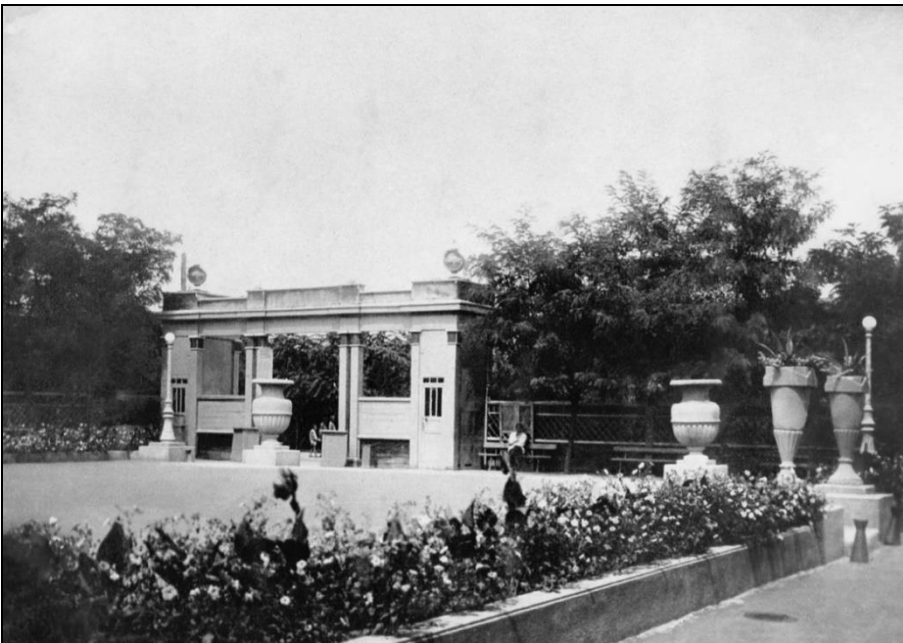

Рис. 10. Танцевальная площадка парка. 1940 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-17013)

Сравнение с другими аналогичными объектами дает информацию, насколько ростовский проект реконструкции был типичным. Были построены танцплощадка (Рисунок 10), «ракушка» эстрады, обновлены беседки, высажены ковровые цветочные клумбы. Однако в связи с тем, что парк располагался внутри сложившейся городской застройки и на склонах балки, многих важных элементов, имевшихся в других памятниках советской парковой культуры: прудов с лодочными станциями, парашютных вышек, плавательных бассейнов, открытых террас, колоннад и больших маршевых каменных лестниц – там не было. Парку Горького не хватало пространства, но место для широких аллей, просторных цветников, вместительных танцевальных площадок и кафе у проектировщиков выкроить получилось.

Рис. 11. Фонтан «Восточный». 1940 г. (Архитектура, 1940)

Были созданы небольшие искусственные пруды, число источников воды увеличилось. Фонтан, представленный в альбоме «Архитектура парков СССР» (Рисунок 11), очевидно, является «Восточным» (Рисунок 12). На фотографии 1930 г. на его предполагаемом месте видна деревянная опалубка и леса, свидетельствующие о времени закладки сооружения (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16972. Вход в Восточный партер с тоннельной площадки. Ростов-на-Дону, 1930 г.). Проект испытал влияние конструктивизма. Его геометрические лаконичные формы претендуют на общность с характерной строгостью памятников Ленину и Горькому, установленных по линии главной оси парка в створе Соборного переуллка, в то время носившего имя советского наркома В.Н. Подбельского. Их также отличает категоричность форм, уложенные в вертикаль многослойные стилобаты перекликаются со ступенчатой композицией мавзолея Ленина, задавшего тон советской монументалистике. Кто автор проекта фонтана, с точностью установить пока не удалось, но уместно предположение, что это мог быть Эберг-младший – Лев Леонидович. Как раз в 1930-е гг. он участвовал в строительстве сначала летнего кинотеатра, а затем зимнего театра ГОМЭЦ (Государственное объединение музыки, эстрады и цирка), возводимого в северо-западном секторе парка (Игнатова, 2018). Не может быть случайной общность облика фонтана и эстетических пристрастий Льва Эберга, тяготевшего в то время к пластически сильным геометрическим элементам конструктивистского звучания.

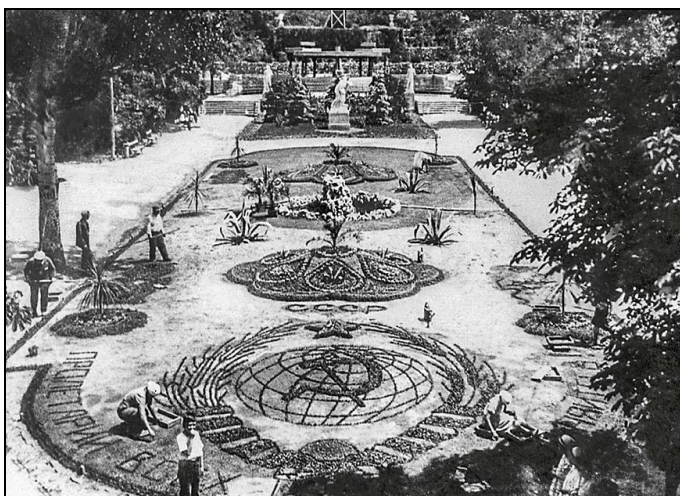

Рис. 12. Восточный партер парка. 1940 г. На заднем плане – фонтан «Восточный» (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-17032)

Особое внимание в советских парках уделялось скульптуре – мемориальной и декоративной. В Кирове – памятник С.М. Кирову, уроженцу вятской земли. Ему же – и в Тбилиси, во Владикавказе, Ростове-на-Дону. В Киеве и Москве – И.В. Сталину. В Ростове-на-Дону перед бывшей Ротондой (здание Музея революции, разрушенное в годы войны (Мордовина, 2018)), в 1935 г. был установлен гранитный памятник писателю Максиму Горькому. Наиболее популярными образами парковой гипсовой пластики были спортсмены (мегатиражированная и незаслуженно приобретающая репутацию китча «девушка с веслом»), пионеры с горнами и барабанами, герои страны – в основном летчики. Но в Ростовском парке можно увидеть копии античных статуй (Рисунок 13). Вероятно, это было связано с ранней датой начала реконструкции объекта, когда универсальные стандарты оформления публичных пространств в СССР еще не были выработаны. Также в Ростове не было достигнуто единство композиционных приемов, что как недостаток многих парков отмечали в 1940 г. М.П. Коржев и М.И. Прохорова (Архитектура, 1940: 25-27). Но посетителям парка Горького было не до стиливого снобизма.

Рис. 13. Главная аллея. 1935 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16980)

Было высажено большое количество экзотических цветов и деревьев (тамарикс, пальмы и т.д.). С 1934 г. была восстановлена традиция делать главный акцент цветочных ковров на агавах. Из всего этого цветочного многообразия создавались пышные узоры. Универсальными сюжетами стали образы достижений СССР – самолеты, тракторы, серпы и молоты на фоне земного шара; на клумбах помещали актуальные советские лозунги (Рисунок 12).

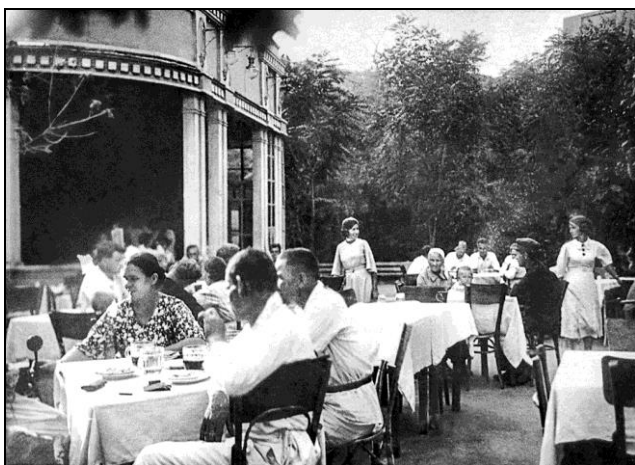

Рис. 14. Павильон молкомбината в парке им. М. Горького. 1940 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-17007)

Постепенно парк прирастал новыми объектами. По старым фотографиям видно, что за 1930-е гг. во вновь организованном пространстве действительно складывалась новая культура быта. Работали павильоны от молкомбината и «Хладоцентра», что стало возможным после преодоления продуктовых трудностей начала 1930-х гг. На фотографии 1940 г. парковое кафе многолюдно: большое количество столиков, покрытых белоснежными скатертями, довольный вид отдыхающих людей определенно рабочей внешности. У них простые крестьянского типа лица. Чистая и опрятная одежда, легкая и удобная (Рисунок 14). Дети на фотографии 1935 г. – мальчики в панамках, девочки в коротких платьицах и с бантами на всю голову. Этот образ советского детства продержится несколько десятилетий, пожалуй, до 1980-х гг. (Рисунок 15).

Рис. 15. Дети на прогулке по окаймляющей аллее западного партера сада. 1935 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-16978)

Отдельного внимания заслуживает здание душевых, расположенное в парке (Рисунок 16). Стадиона и плавательного бассейна в парке Горького нет, но душевые явно рассчитаны на занимавшихся активным отдыхом и спортом. По рассказам старожилов, площадка с гимнастическими снарядами существовала в саду еще до 1917 г. и туда допускались все желающие, включая девушек из простого народа.

Рис. 16. Здание душевых в парке им. М. Горького. 1940 г. (ГАРО. Коллекция фотодокументов. Инв. № О-17015)

Всеобщую ориентацию на атлетизм позволяет прочувствовать фильм «Случайная встреча», или, как его еще называют, «Иринкин рекорд» (1936). То, что молодые люди не только напряженно и творчески работают, но имеют и силы, и желание для интенсивных

занятий спортом, доказывает присутствие у людей избыточной энергии, которой не может быть у голодных или несчастных. Это косвенная декларация успехов советского строительства. Режиссер Игорь Савченко, не стесняясь, показал все сложности жизни и новые модели поведения мужчин и женщин в труде и в личной сфере. Фильм получил после своего выхода в том числе и критические отзывы, вплоть до называния его «потолком пошлости». Но современный кинокритик Н. Мариевская увидела в нем не только реалии эпохи, но и «представление о той модели будущего, которая господствует в этот момент в сознании людей» (Мариевская, 2009: 23). Для нас важно, что кинокартина пропитана идеей спортивной закалки, счастья от возможности чувствовать свое тело и мышцы, занимаясь спортом под приподнятый мотив песни молодого рабочего Петра Ивановича, и, что интересно для темы данной статьи, выражение этих эмоций происходит на освещенных солнцем стадионах, около водоемов и даже в душевой кабинке, где Петр судовольствием трется мочалкой. Фильм создает образ страны, в которой большинство молодых рабочих хотят заниматься спортом, а государство в свою очередь предоставляет для этого все условия.

Другое объяснение появления душевых в парке кроется в том, что жилье большинства горожан не имело горячего водоснабжения. Строительство капитальных душевых могло значительно упростить быт жильцов казарм, бараков и коммунальных квартир. Е.С. Кочухова и Е.И. Рабинович обратили внимание на связь новых традиций парковой жизни с массовой тягой горожан к «культуристости», культуре нового быта, в чем инфраструктура парков играла существенную роль (Кочухова, Рабинович, 2015: 8-9).

Возникает вопрос: почему же в предвоенные годы уделялось так много средств и внимания культурному отдыху людей? Казалось бы, необходимо отстраивать промышленность, поднимать сельское хозяйство, вкладывать средства в развитие различных производств. Финансовую основу для благоустройства в сельской и в городской местности составили введенные в 1931 г. сборы на культурно-хозяйственное и жилищное строительство (культжилсбор). Большая часть материалов ростовских городских газет 1920–1930-х гг. касалась восстановления и налаживания городского быта. Вопросам коммунального хозяйства и его финансирования отводилось основное пространство газетных полос даже в наиболее напряженные моменты внутриполитических и внешнеполитических битв. Наряду с промышленностью и сельским хозяйством это тоже было фронтом борьбы. На плечи простых тружеников, которые еще недавно идентифицировали себя как мещане или крестьяне, ложилась ответственная и сложная работа – подъем страны! Но большинство из них было неграмотно и необразованно. Надо было заставить их поверить в себя, в способность преодолеть недостаток грамотности и культуры. Стоит допустить и возможность того, что таким образом советская власть старалась вызвать энергию масс в предвоенные годы. Энтузиазм не мог быть взят из ниоткуда, он был итогом и ответной реакцией на верно выбранный государственный курс. Об уровне развития страны можно судить по уровню благосостояния каждого из граждан, в те годы это считалось важной задачей.

4. Заключение

Публичные парковые зоны в СССР приобрели к 1930-м гг. такие качественные признаки, как обилие воздуха, глубокие перспективы, заданные единым проектным замыслом. Изменения физического пространства меняли поведение человека и его мироощущение, задавая оптимистичный тон советского цивилизационного сознания. Общедоступность, ориентированность на все слои населения, но прежде всего на молодежь и детей, на активный отдых и спорт выступали как свидетельство коллективизма и всеобщего равенства с естественной заботой о тех, за кем будущее. Парк переводил на язык повседневной жизни передовицы партийных газет.

Данная работа является попыткой объяснения связи материальных и ментальных факторов, генерирующих глубокие политические и исторические последствия. Очевидно, что на сознание и подсознание людей оказывали влияние сдвиги в экономике и культуре, улучшавшие их каждодневный быт. С этой точки зрения перспективным представляется исследование сдвигов в ведении домашнего хозяйства, изменении жилых пространств, эмотивного восприятия архитектурных новаций, рецепции и преломлении модных тенденций одежды и внешнего вида самыми массовыми слоями населения.

Литература

- Архитектура, 1940** – Архитектура парков СССР / Сост. М.П. Коржев и М.И. Прохорова. М.: Гос. архитек. издат. АА СССР, 1940. 140 с.
- Волошинова, 2016** – *Волошинова Л.Ф.* Два века городского сада. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2016. 143 с.
- Врангель, 2003** – *Врангель Н.Е.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М.: НЛЮ, 2003. 505 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Десяткова, Любачева, 2012** – *Десяткова О.В., Любачева Л.А.* Парковая культура города Кирова в контексте развития советских садов и парков 30–50-х годов XX века (на примере сада имени Степана Халтурина) // *Грамота*. 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 73-75. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-3_16.pdf (дата обращения: 15.08.2022).
- Жид, 1936** – *Жид А.* Возвращение из СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/303673-3-andre-zhid-vozvrashhenie-iz-sssr.html#text> (дата обращения: 10.06.2022).
- За первые дни, 1927** – За первые дни – тысячи // *Молот*. 1927. 8 июня.
- Игнатова, 2018** – *Игнатова Е.* Два архитектора – две эпохи. Часть вторая: Л.Л. Эберг // *Ростовский берег*. 03.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/istorija_donskogo_kraja/ljudi_izvestnye_i_ne_ochen/dve_ehpokhi_dva_arhitekтора_chast_t_vtoraja_l_l_ehberg/10-1-0-569 (дата обращения: 15.08.2022).
- Кочухова, Рабинович, 2015** – *Кочухова Е.С., Рабинович Е.И.* «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: центральный парк 1930-х vs клубные сады 1920-х. Случай Свердловска // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2015. №2. С. 6-18.
- Кухер, 2012** – *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / пер. с нем. А.И. Симонова. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
- Мариевская, 2009** – *Мариевская Н.Е.* Историческое время в структуре фильма // *Вестник ВГИК*. 2009. № 1. С. 10-25.
- Мордовина, 2018** – *Мордовина О.* Музей Революции в Ростове-на-Дону // *Ростовский словарь*. 11.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://rslovar.com/content/музей-революции-в-ростове-на-дону> (дата обращения: 10.08.2022).
- Овчинников, 2013** – *Овчинников А.Н.* Прогулки по Городскому Саду (часть 1) / *Ростовский берег*. 18.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/progulki_po_gorodskomu_sadu_chast_1/1-1-0-303 (дата обращения: 10.08.2022).
- Овчинников, 2021a** – *Овчинников А.Н.* Городской Сад. Что? Где? Когда? Часть 1-я / *Ростовский берег*. 25.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/gorodskoj_sad_chno_gde_kogda_chast_1_ja/1-1-0-637 (дата обращения: 18.08.2022).
- Овчинников, 2021b** – *Овчинников А.Н.* Фотоальбом В.Ф. Петрыковского – личное мнение (часть 2-я) // *Ростовский берег*. 25.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/fotoalbum_v_f_petrykovskogo_lichno_e_mnenie_chast_2_ja/1-1-0-671 (дата обращения: 18.08.2022).
- Парк, 2013** – Парк им. М. Горького в Ростове-на-Дону // *Памятники Дона*, 01.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/3053-2013-05-01-15-29-09?showall=1> (дата обращения: 15.08.2022).
- Пещеров, 2020** – *Пещеров А.* Старый Ростов. Городской сад. Часть 1 (2020). URL: <https://dzen.ru/media/id/5ea48b02ca32855cf823e194/staryi-rostov-gorodskoi-sad-5f3af54efofed24139bc3c50> (дата обращения: 01.11.2022).
- Праздник, 1910** – Праздник древонасаждения // *Садовод* (Ростов-на-Дону). 1910. 7 апреля.
- Пролетарская революция на Дону, 1922** – Пролетарская революция на Дону. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Дон. истпарт, 1922. 139 с.
- Фотоальбом, б.г.** – Фотоальбом / Петрыковский В.Ф. Ростов-на-Дону, [б.г.]. Донская электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/bl0000002/view> (дата обращения: 08.11.2022).

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Эль, 1927 – Эль Л. Ремонт сада // *Советский Юг*. 1927. 4 июня.

Fine, Bayliss, 2020 – Fine B., Bayliss K. A Guide to the Systems of Provision Approach: Who Gets What, How and Why. London: Palgrave Macmillan Cham, 2020. XIX, 196 p.

Habermas, 1989 – Habermas J. The Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1989. 301 p.

References

Arkhitektura, 1940 – Arkhitektura parkov SSSR. Sost. M.P. Korzhev i M.I. Prokhorova [Architecture of parks of the USSR. Eds M.P. Korzhev and M.I. Prokhorova]. M.: Gos. arkhitek. izdat. AA SSSR, 1940. 140 p. [in Russian]

Desyatkov, Lyubacheva, 2012 – Desyatkov, O.V., Lyubacheva, L.A. (2012). Parkovaya kul'tura goroda Kirova v kontekste razvitiya sovetskikh sadov i parkov 30–50-kh godov XX veka (na primere sada imeni Stepana Khalturina) [Park culture of the city of Kirov in the context of the development of Soviet gardens and parks in the 30-50s of the XX century (on the example of the garden named after Stepan Khalturin)]. *Gramota*. 12 (26): in 3 parts. Part III: 73-75 [Electronic resource]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_12-3_16.pdf (date of access: 15.08.2022). [in Russian]

El', 1927 – El', L. (1927). Remont sada [Repair of the garden]. *Sovetskii Yug*. June 4. [in Russian]

Fine, Bayliss, 2020 – Fine, B., Bayliss, K. (2020). A Guide to the Systems of Provision Approach: Who Gets What, How and Why. London: Palgrave Macmillan Cham, XIX, 196 p.

Fotoal'bom, b.g. – Fotoal'bom / Petrykovskii V.F. Rostov-na-Donu, [b.g.]. [Photo album, by Petrykovsky V.F. Rostov-on-Don, (s.a.)]. Donskaya elektronnyaya biblioteka [Electronic resource]. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/bloooooo2/view> (date of access: 08.11.2022). [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of Rostov region].

Habermas, 1989 – Habermas, J. (1989). The Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1989. 301 p.

Ignatova, 2018 – Ignatova, E. (2018). Dva arkhitekora – dve epokhi. Chast' vtoraya: L.L. Eberg [Two architects – two eras. Part 2: L.L. Eberg]. *Rostovskii bereg*. 03.08.2018 [Electronic resource]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/istorija_donskogo_kraja/ljudi_izvestnye_i_ne_ochen/dve_epokhi_dva_arhitekora_chast_vtoraja_1_1_ehberg/10-1-0-569 (date of access: 15.08.2022). [in Russian]

Kochukhova, Rabinovich, 2015 – Kochukhova, E.S., Rabinovich, E.I. (2015). «Kul'turno-politicheskii kombinat» pod otkrytym nebom: tsentral'nyi park 1930-kh vs klubnye sady 1920-kh. Sluchai Sverdlovsk [“Cultural-political combine” in the open air: the central park of the 1930s vs the club gardens of the 1920s. Case of Sverdlovsk]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2: 6-18. [in Russian]

Kukher, 2012 – Kukher, K. (2012). Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu. 1928–1941. Per. s nem. A.I. Simonova [The Gorky Park. Leisure culture in the Stalin era. 1928–1941. Translated from German by A.I. Simonov]. M.: ROSSPEN, 350 p. [in Russian]

Marievskaia, 2009 – Marievskaia, N.E. (2009). Istoricheskoe vremya v strukture fil'ma [Historical time in the structure of the film]. *Vestnik VGIK*. 1: 10-25. [in Russian]

Mordovina, 2018 – Mordovina, O. (2018). Muzei Revolyutsii v Rostove-na-Donu [Museum of the Revolution in Rostov-on-Don]. *Rostovskii slovar'*. 11.04.2018 [Electronic resource]. URL: <http://rslovar.com/content/muzei-revoljutsii-v-rostove-na-donu> (date of access: 10.08.2022). [in Russian]

Ovchinnikov, 2013 – Ovchinnikov, A.N. (2013). Progulki po Gorodskomu Sadu (chast' 1) [Walks in the City Garden (part 1)]. *Rostovskii bereg*. 18.01.2013 [Electronic resource]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/progulki_po_gorodskomu_sadu_chast_1/1-1-0-303 (date of access: 10.08.2022). [in Russian]

Ovchinnikov, 2021a – Ovchinnikov, A.N. (2021). Gorodskoi Sad. Chto? Gde? Kogda? Chast' 1-ya [City Garden. What? Where? When? Part 1]. *Rostovskii bereg*. 25.01.2021 [Electronic resource]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/gorodskoj_sad_chto_gde_kogda_chast_1_ja/1-1-0-637 (date of access: 18.08.2022). [in Russian]

[Ovchinnikov, 2021b](#) – *Ovchinnikov, A.N.* (2021). Fotoal'bom V.F. Petrykovskogo – lichnoe mnenie (chast' 2-ya) [Photo album of V.F. Petrykovsky – personal opinion (part 2)]. Rostovskii bereg. 25.09.2021 [Electronic resource]. URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/fotoalbum_v_f_petrykovskogo_lichnoe_mnenie_chast_2_ja/1-1-0-671 (date of access: 18.08.2022). [in Russian]

[Park, 2013](#) – Park im. M. Gor'kogo v Rostove-na-Donu [Gorky Park in Rostov-on-Don]. Pamyatniki Dona. 01.05.2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/3053-2013-05-01-15-29-09?showall=1> (date of access: 15.08.2022). [in Russian]

[Peshherov, 2020](#) – *Peshherov, A.* (2020). Staryj Rostov. Gorodskoj sad. Chast' 1 (2020) [Old Rostov. City garden. Part 1]. [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/media/id/5ea48bo2ca32855cf823e194/staryi-rostov-gorodskoi-sad-5f3af54efofed24139bc3c50> (date of access: 01.11.2022). [in Russian]

[Prazdnik, 1910](#) – Prazdnik drevonasazhdeniya [Tree plantation Festival]. *Sadovod* (Rostov-on-Don). 1910. April 7. [in Russian]

[Proletarskaja revoljucija na Donu, 1922](#) – Proletarskaja revoljucija na Donu. Vyp. 2 [The Proletarian Revolution on the Don. Issue 2]. Rostov-na-Donu: Don. istpart, 1922. 139 p. [in Russian]

[TsDNIRO](#) – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [The documentation centre of recent history in Rostov region].

[Voloshinova, 2016](#) – *Voloshinova, L.F.* (2016). Dva veka gorodskogo sada [Two centuries of city garden]. Rostov-na-Donu: Donskoi izdatel'skii dom, 143 p. [in Russian]

[Vrangel', 2003](#) – *Vrangel', N.E.* (2003). Vospominaniya: Ot krepostnogo prava do bol'shevikov [Memoirs: From serfdom to the Bolsheviks]. M.: NLO, 505 p. [in Russian]

[Za pervye dni, 1927](#) – Za pervye dni – tysyachi [For the first days – thousands]. *Molot*. 1927. June 8. [in Russian]

[Zhid, 1936](#) – *Zhid, A.* (1936). Vozvrashchenie iz SSSR [Return from the USSR]. [Electronic resource]. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/303673-3-andre-zhid-vozvrashhenie-iz-sssr.html#text> (date of access: 10.06.2022). [in Russian]

Конструирование пространства и человека: советская парковая культура как политтехнология

Ольга Михайловна Морозова^{a,*}, Алина Дмитриевна Смирнова^a

^a Донской государственный технический университе, Российская Федерация

Аннотация. Благоустройство парковых зон в 1930-х гг. стало важным элементом перестройки на советской основе коммунального хозяйства городов и промышленных центров. Будучи привычным центром публичной активности, связанным с памятными для новой власти событиями, городской парк им. М. Горького в Ростове-на-Дону стал инструментом наглядной пропаганды доступного и комфортного нового быта. Отмечается, что в системе проводимых мероприятий четко выявляются приемы политических технологий. Параллельно на основе архивных текстовых и визуальных источников осуществлена реконструкция ранней истории городского сада и связи объекта с общественно-политическими событиями города и области.

Ключевые слова: советские социальные технологии, советская парковая культура, Ростовский-на-Дону городской парк имени М. Горького, массовый досуг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olgafrost@gmail.com (О.М. Морозова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 118-130

DOI: 10.13187/rs.2022.2.118
<https://rs.cherkasgu.press>

The War of Extermination of the Invaders against Soviet Citizens: on the Materials of the Otradnensky District of the Krasnodar Krai (1942–1943)

Evgeny F. Krinko ^{a, b, *}, Victoria V. Khilkevich ^c

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

^c Armavir Linguistic Social Institute, Russian Federation

Abstract

The article deals with the Nazi occupation of the Otradnensky district of the Krasnodar Krai during the Great Patriotic War. The authors analyzed the documents from two local archives and museum, publications of local historians, memories of eyewitnesses, photographs and other historical sources. Residents of the Otradnensky district and evacuated citizens during the occupation were constantly subjected to mass violence, discrimination and physical annihilation. According to official documents, the total number of Soviet citizens who died is defined as 109 people. But only in one mass grave of the area of the former Otradnensky hydroelectric power station 500 people murdered by occupants in October 1942 are indicated. The extermination policy of occupants was a result of Nazi ideology and propaganda calling for the destruction of the representatives of “inferior” races. However, the names of many victims of the occupation are still unknown, as well as their burial places. At the same time, there is an evidence of the rescue of several Jews evacuated by the residents.

Keywords: Great Patriotic War, “No statute of limitations”, Krasnodar Krai, Otradnensky district, Nazi occupation, war of extermination, civilian casualties, historical memory.

1. Введение

Нацистская оккупация стала одним из самых трагических периодов в истории СССР. Однако лишь в последние десятилетия она находит широкое отражение в историографии. С каждым годом все меньше свидетелей этих событий. Поэтому все большее значение приобретает документальное наследие периода Великой Отечественной войны, материалы, хранящиеся в архивах и музеях.

Оккупационной политике на Кубани в 1942–1943 гг. и ее последствиям посвящен ряд работ современных исследователей (Бочкарёва, 1992; Кринко, 2000; Линец, 2003; Степаненко, 2010 и др.) и документальных сборников (Кубань в годы, 2005; Кровавые страницы, 2019 и др.). Особенно важную роль в сохранении исторической памяти о нацистской оккупации Кубани играют результаты федерального проекта «Без срока давности» (см.: Voronin, Krinko, 2020). В рамках данного проекта Государственным архивом Краснодарского края и Центром документации новейшей истории Краснодарского края был

* Corresponding author

E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

проведен большой комплекс работ по выявлению, оцифровке и публикации документов о злодеяниях нацистов и их пособников на территории Кубани. Итогом стало издание в 2020 г. сборника архивных документов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край» ([Без срока давности. Краснодарский край, 2020](#)). Оцифрованные архивные документы в электронном формате доступны для всех пользователей на сайте проекта «Без срока давности» ([Краснодарский край](#)).

Тем не менее, в истории нацистской оккупации отдельных районов и городов, сел и станиц Кубани в годы Великой Отечественной войны по-прежнему сохраняются неизвестные страницы. К ним относятся и трагические судьбы многих жителей Отрадненского района Краснодарского края. По количеству жертв среди гражданского населения он может быть отнесен к наиболее пострадавшим в период оккупации районам Кубани. Сохраняет свою значимость выявление конкретных сведений о погибших, родственники и потомки которых до сих пор ищут информацию о своих близких.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе документов муниципальных архивов, в первую очередь архивного отдела Администрации муниципального образования Отрадненский район Краснодарского края (далее – АООР). Здесь хранятся документы, составленные после освобождения района от оккупации в 1943 г. и подводящие ее трагические итоги. Это акты о гибели советских граждан и нанесенном оккупантами материальном ущербе, показания свидетелей и другие документы в основном рукописного характера, с уже угасающим текстом и незначительными повреждениями (АООР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1-23об.). Использовались также документы, хранящиеся в архивном отделе Администрации муниципального образования город Армавир Краснодарского края (далее – АОАГА), фотографии и другие материалы из фонда Отрадненского историко-археологического музея (далее – ОИАМ), личных собраний и ранее опубликованные материалы.

Авторы опирались на принцип историзма, рассматривая события, происходившие на оккупированной территории Отрадненского района, в их динамике и общем контексте Великой Отечественной войны. Применялись сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследований, источниковедческий анализ различных исторических источников.

Географические рамки работы ограничены территорией Отрадненского района в 1942–1943 гг. В настоящее время Отрадненский район представляет собой более крупную административно-территориальную единицу, поскольку в послевоенные годы в его состав были включены территории бывших Спокойненского (в 1962 г.) и Удобненского (1953 г.) районов Краснодарского края (выделенных из него в 1934 г.). Хронологические рамки работы определяются периодом нацистской оккупации Отрадненского района с 12 августа 1942 г. по 21 января 1943 г.

3. Обсуждение и результаты

В публикациях и исследованиях, выполненных на материалах Краснодарского края в целом и тем более всего Северного Кавказа, немного места уделяется оккупации Отрадненского района, как и значительной части других районов и населенных пунктов, и ее последствиям. Так, в двух книгах хроники событий Краснодарского края Отрадненский район упоминается 9 раз: 6 – в первой (еще 3 раза административный центр района – станица Отрадная) и 3 – во второй. Но в первой книге в основном эти упоминания касаются эвакуации. Про оккупацию почти нет сведений, кроме даты ее начала ([Кубань в годы, 2005. Кн. 1: 409](#)), указания на гибель в этот период первого секретаря райкома партии ([Кубань в годы, 2005. Кн. 1: 535](#)) и действия партизан ([Кубань в годы, 2005. Кн. 1: 594, 645](#)). Во второй книге единственным упоминанием об оккупации является дата освобождения Отрадненского района советскими войсками ([Кубань в годы, 2005. Кн. 2: 535](#)).

В сборнике документов «Без срока давности» по Краснодарскому краю опубликован единственный документ с указанием на его принадлежность к Отрадненскому району в заголовке: «Протокол опроса свидетеля И.А. Куликина об уничтожении фашистскими захватчиками 64 советских граждан в Отрадненском районе Краснодарского края». Свидетель

дал показания «по вопросу совершенных злодеяний немецко-фашистскими властями, расстрела советских граждан, евреев». Местом гибели 64 человек указан колодец в Безымянной балке. Однако указанный документ был составлен 9 августа 1943 г. в станице Отрадной, относящейся к другому – Архангельскому (в настоящее время – Тихорецкому) району Краснодарского края ([Без срока давности. Краснодарский край, 2020: 270](#)). Следует отметить, что на карте Краснодарского края немало ойконимов с одинаковыми названиями, а обе станицы Отрадные находились в оккупации, что, видимо, и объясняет допущенную ошибку.

В результате основная информация о положении населения на оккупированной территории Отрадненского района представлена в работах краеведов. Среди них следует отметить статьи Е.В. Тёра, который ввел в научный оборот архивные данные об оккупации Отрадненского района, сведения о положении мирного населения и его гибели ([Тёр, 2013: 254-256](#)), затронул тему трагичной судьбы еврейского населения ([Тёр, 2008: 54-56](#)).

Большой вклад в исследовании судеб мирных жителей в период оккупации станицы Отрадной принадлежит С.К. Филиппову, работавшему главным редактором Отрадненской районной газеты «Сельская жизнь». Он не только собрал воспоминания местных жителей, архивные материалы об оккупации Отрадненского района ([Филиппов, 2004: 186-193](#)), но и установил фамилии 59 погибших в станице Отрадной, а также уделил большое внимание описанию жизни воспитанников в детских домах, эвакуированных в Отрадненский район ([Филиппов, 2004: 182-186, 193-208](#)).

В течении всего периода оккупации жители Отрадненского района подвергались различным формам насилия и дискриминации со стороны представителей оккупационной администрации, военнослужащих вермахта и местной полиции. С самого начала была проведена регистрация населения, в обязательном порядке привлекавшегося к труду. За малейшие провинности применялись аресты и телесные наказания. Так, в сентябре 1942 г. жительница поселка Урупский Валентина Ивановна Азарова на ферме № 1 была арестована лишь «за один помидор, сорванный на совхозном огороде». 15 декабря она была подвергнута вторичному аресту и избиению розгами за то, что «подобрала для топлива негодные щепки». По решению начальника полиции поселка Урупского Мастепанова ей дали 15 розог, приговор исполнил полицейский И.П. Петров. В качестве доказательства ее «вины» было представлено свидетельство бывшего управляющего фермой № 1 Ф.И. Русецкого. Эти факты указаны в личном заявлении Азаровой в комиссию по учету ущерба и в акте от 17 июля 1943 г. ([АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 12-15об.](#)). Колхозницу Пелагею Салтавец оккупанты избили за то, что она не выходила на работу, комсомолку Евдокию Забару – за то, что «не хотела выполнять их распоряжений» ([АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 3](#)).

В акте комиссии колхоза им. Дзержинского Рудьевского сельского совета от 1 июля 1943 г. говорится «о злодейском расстреле немецко-фашистскими сообщниками раненых советских военнослужащих»: старшины Сергея Фроловича Заживихина, 1918 г.р., уроженца Курской области и матроса Балтийского флота Виктора Андреевича Петрякова, 1922 г.р., уроженца Смоленской области, – совершенном в августе 1942 г. в хуторе Новый Ардаган Отрадненского района. В акте отмечалось, что он был составлен на основе свидетельских показаний, а факт расстрела «комиссия установила на месте события и правильность его подтверждает своими подписями» ([АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 9, 21-23об.](#)). Впоследствии 9 мая 1979 г. на основании решения исполкома Рудьевского сельсовета погибшие были перезахоронены в парке села Рудь, а над братской могилой установлен железный обелиск на кирпичном основании ([Рисунок 1](#)).

В учетной карточке воинского захоронения, составленной в 2001 г., указаны сведения о захоронении старшины Зажевкина Сергея Михайловича, 1917 г.р., и матроса Петрякова Виктора Романовича, 1922 г.р. При этом датой гибели был указан ноябрь 1942 г. ([Учетная карточка, 2001](#)). В учетной карточке, составленной в 2014 г., вновь изменены данные о погибших: здесь указаны старшина Зажевкин Иван Антонович и партизан Петряков Виктор Романович. Датой гибели первого указана 05.11.1942 г., второго – 05.01.1942 г. ([Учетная карточка, 2014](#)). Понятно, что речь идет об одних и тех же людях. Появление в учетной карточке января вместо ноября – явная техническая ошибка при ее заполнении. Причины других изменений не ясны и обуславливают необходимость продолжения исследований в данном направлении.

Рис. 1. Братская могила в селе Рудь Отрадненского района ([Братская могила, Рудь](#)).

Оккупантами и их пособниками на территории Отрадненского района были расстреляны десятки мирных жителей, в том числе женщины, старики и дети. В рукописном списке расстрелянных указаны 55 человек, сведения о которых уточняются в последующих актах. В конце документа сделана запись о том, что по подсчетам на 7 июня 1947 г. общее количество расстрелянных по Отрадненскому району, согласно представленным актам, составило 109 человек ([АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1-10б.](#)) Информация о последующей корректировке этих данных в фонде не представлена. Пофамильно были установлены только 59 человек ([Филиппов, 2004: 191](#)). Следует отметить, что некоторые акты, составленные в 1943 г., не содержат данных о конкретном месте гибели мирных жителей в период оккупации района. По другим – место захоронения подлежит уточнению.

В качестве примера можно привести акт, составленный комиссией Отрадненского исполкома 17 июля 1943 г., о судьбе Николая Ивановича Падалкина, 1924 г.р., проживавшего в станице Отрадной. По свидетельству его отца И.П. Падалкина и других свидетелей, он был арестован немецкими властями в конце октября 1942 г. и отвезен в Спокойненскую тюрьму, где на протяжении месяца подвергался порке и пыткам, после чего был отправлен в г. Армавир: «В первых числах декабря 1942 г. расстрелян около хут. Красная Поляна в нескольких километрах от гор. Армавира» ([АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 4, 18-19](#)). Таким образом, вероятным местом захоронения Н.И. Падалкина является противотанковый ров в районе хутора Красная Поляна (ныне – в составе муниципального образования город Армавир). На этом месте установлен мемориал, на котором есть упоминание о погибших жителях Отрадненского района. Но в «Списке расстрелянных советских патриотов фашистскими извергами и опознанных» сведений о жителях Отрадненского района не зафиксировано ([АОАГА. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-11](#)).

В селе Красногвардейском двое партизан скрывались у колхозницы Марфы Согаралуп. Их забрали и после издевательств, «замучили насмерть» ([АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 3](#)). В станице Отрадной был расстрелян местный житель Н.Т. Сухов, 1893 г.р., по национальности русский, беспартийный (акт от 18 июля 1943 г.), и еще 18 человек (акт от 17 июля 1943 г.), проживавших в станице Отрадной, в колхозах «Путь Ильича», им. Буденного, «Красная Армия», среди которых беспартийные: Георгий Васильевич

Бычков, 1888 г.р., Иван Ефимович Савишко, 1902 г.р., Петр Данилов, 1922 г.р., Николай Николаевич Сушков, 1924 г.р., Василий Лукич Ламушев, 1895 г.р., члены ВЛКСМ: Андрей Афанасьевич Чернов, 1920 г.р., Яков Дмитриевич Гунин, 1921 г.р., члены ВКП(б): Иван Антонович Андрющенко, 1911 г.р., Николай Арсентьевич (Арсеньевич) Яцунов, 1905 г.р. (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 6, 7, 20).

О судьбе многих людей – арестованных, доставленных в полицию или оказавшихся в тюрьме – вообще отсутствуют документально подтвержденные сведения. Очевидно, что они также были убиты или замучены оккупантами. Так, в колхозе «Новая жизнь» Отрадненского сельсовета полиция забрала и отвезла в станицу Отрадную присланного на работу и проживавшего на территории колхоза еврея Илью Самойловича Шустерова, 63 лет (акт от 28 апреля 1943 г.). После «изъятия» в колхоз он уже не вернулся (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 17).

Среди жертв оккупационного режима оказалось не только местное население (в первую очередь коммунисты, советские и колхозные активисты), но и беженцы, эвакуированные. Весной 1942 г. в Краснодарский край были эвакуированы детские дома из Ленинграда, часть которых разместились на территории Отрадненского района. Многие воспитанники детских домов выжили в условиях оккупации только благодаря самоотверженности их сотрудников и помощи местных жителей (Филиппов, 2004: 193-208).

В актах зафиксированы многочисленные свидетельства о расправе над евреями, как местными, так и эвакуированными. В документах сохранились фамилии и имена некоторых людей, проживавших в станице Отрадной (акт от 17 июля 1943 г.): Яков Соломонович Гершман, 1920 г.р., Вера Зильберман, 1923 г.р., Татьяна Зильберман, 1918 г.р., Проня Цинтринбаум, 1890 г.р., Феня Цинтринбаум, 1924 г.р., Борис Цинтринбаум, 1930 г.р., Прасковья Комиссарук, 1907 г.р., Галина Комиссарук, 1929 г.р., Елена Комиссарук, 1935 г.р. (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 20).

По колхозу «Серп и Молот» в акте от 27 апреля 1943 г. представлены сведения о расстреле двух ответственных работников (Николай Ермолаевич Проценко, 1918 г.р. и Константин Алексеевич Буцкий, 1910 г.р.) и 19 евреев: Хайм (Хаим) Абрамович Брагинский – 69 лет, Этин Брагинский – 62 года, Михаил Давидович Мостовой – 58 лет, Сарра Давидовна (Давыдовна) Миллер – 32 года, Григорий Миллер – 12 лет, еще двое детей Миллер 8 и 6 лет, София Исаковна (Исааковна) Вилявская – 34 года, Миля Вилявская – 13 лет, Григорий Михайлович Ливит – 55 лет, Рива Ливит – 42 года, Ася Григорьевна Ливит – 18 лет, Яков Григорьевич Ливит – 16 лет, Симонович – 67 лет, Ревекка (Ревека) Симонович – 46 лет, Элла Яковлевна Симонович – 17 лет, Леонтий Яковлевич Симонович – 12 лет, Белла (Бэлла) Мельц – 45 лет, Абрам Леонтьевич Штельман – 65 лет (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 1-10б., 16-160б.). Из приводимого списка видно, что евреев уничтожали целыми семьями, без учета их социального и профессионального статуса, членства в партии или ВЛКСМ, только по принадлежности к определенной национальности.

В колхозе имени Дзержинского «при вступлении на территорию колхоза немецко-фашистской банды были взяты граждане евреи 5 человек» и расстреляны: доктор медицины Г.И. Рывлин, его жена Рывлина Евгения, фамилии остальных остались неизвестны, о чем был составлен акт от 28 апреля 1943 г. (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 8). В колхозе «Новое Поле» были уничтожены работавшие в колхозе евреи: «1. Торнопольский – 2 души, 2. Бухтиярова Яния – 2 души, 3. Рамзин Моисей – 5 душ, 4. Венгерова Фина – 3 души, 5. Горелик Броха – 4 души» (акт от 27 апреля 1943 г.) (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 11).

В селе Красногвардейском (колхоз «Приурупский») оккупанты увезли и расстреляли 7 человек «совсем ни в чем неповинных семей еврейского населения» (среди них один несовершеннолетний до 16 лет) (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 3). В хуторе Солдатская балка колхоза «Первомайский» были расстреляны: младший лейтенант РККА Зиновей (Зиновий?) Абрамович Заславский, 1921 г.р., работавший бухгалтером колхоза, и еще 2 неизвестных еврея, что зафиксировал акт от 27 апреля 1943 г. (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 5).

По заявлению сельского старосты М.Ф. Кыса, проживавшие в станице Попутной в октябре 1942 г. две семьи евреев были переданы полиции, откуда они уже не вернулись (акт от 12 июля 1943 г.). Были расстреляны евреи, эвакуированные из Ленинграда 29 марта 1942 г.: София Юлиановна Вязьменская, 1889 г.р., и Валентина Мироновна Вязьменская, 1926 г.р.; эвакуированные из г. Бердичева: Анна Иосифовна Бегельман, 1911 г.р., Пелагея

Иосифовна Бегельман, 1917 г.р., Клара Иосифовна Бегельман, 1903 г.р., Яков Моисеевич Френкель, 1930 г.р., проживавшие первоначально у Ивана Ивановича Тильменко и Прасковьи Прокопец (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 10-100б.).

В Центральной базе данных имен жертв Шоа Мемориального комплекса истории Холокоста Яд Вашем размещены листы свидетельских показаний, представленных Марией Вязьменской, о гибели эвакуированной из Ленинграда семьи Вязьменских в Отрадненском районе (Лист, Вязьменская). В списке эвакуированных и размещенных в селе Воскресенском Отрадненского района граждан указана Клара Иосифовна Бегельман, 1901 г.р., из г. Бердичева (Список эвакуированных, Воскресенское).

В акте от 27 апреля 1943 г., составленном в колхозе «Новая жизнь» Пискуновского сельского совета, о Брониславе Лapidос (Лapidус?) говорится: «немцы взяли с нашего колхоза и неизвестно где дели» (АОАОР. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9а. Л. 2). Сведения об эвакуированной в Отрадненский район из города Павлограда Днепропетровской области Украинской ССР Брониславе Михайловне Лapidус, 1916 г.р., пианистке «Госкино», также размещены в Центральной базе данных имен жертв Шоа. О предполагаемой гибели в 1941 г. Брони Лapidус «под Краснодаром, в душегубке» указала в 1997 г. в листе свидетельских показаний ее племянница Софья Кравцова, очевидно, не располагая данными об эвакуации и гибели своей родственницы (Лист, Кравцова).

Общее число жертв среди жителей Отрадненского района и эвакуированных советских граждан, вероятно, значительно превышает цифры, приводимые в документах. В исторической памяти сохранились сведения о месте массовой расправы в октябре 1942 г. оккупантами в районе бывшей Отрадненской ГЭС. С.К. Филиппов указывает, что весной 1943 г., после того как вермахт выбили с Кавказа, жители станицы Отрадной и поселка Садового «смогли перезахоронить тела погибших в братскую могилу. Там насчитали более пятисот трупов». Автор отмечает попытки местных властей установить фамилии людей, погребенных в этой братской могиле и проблемы, связанные с этим: «...под расстрел попали в основном беженцы, которые даже от людей, у которых были на постое, скрывали не только свои фамилии, но и место, откуда они прибыли на Кубань» (Филиппов, 2004: 190-191). Количество жертв в 500 человек указано и на памятнике, установленном на братском захоронении в районе бывшей ГЭС (в 80 м юго-восточнее земельного участка по ул. Гидростроителей, № 16 хутора Садового Отрадненского района) (Рисунок 2).

Рис. 2. Братская могила мирных жителей, расстрелянных фашистскими оккупантами (Братская могила, Садовый).

Важным свидетельством этой трагедии являются воспоминания местных жителей, записанные и опубликованные С.К. Филипповым. Так, житель села Пискуновского Николай Андреевич Герасименко рассказал о том, что летом 1942 г. к ним стали прибывать спасавшиеся от войны беженцы из Украины и Крыма: «Помнится, среди беженцев были в основном старики и женщины, а с ними много детей разного возраста. Из разговоров с этими мальчишками и девчонками мы узнали, что у некоторых родители погибли еще там, где они жили, у других от бомбежек в дороге. <...> однажды рано утром, еще до рассвета, в село въехали с двух сторон несколько подвод. Полицаи ходили по дворам, выводили беженцев с детьми. <...> Нам сказали, что это забрали евреев, их якобы собираются отправить в Палестину. Я узнал, что этих людей увезли в Отрадную, и на следующий день отправился туда сам» (Филиппов, 2004: 188-190).

Другой очевидец событий, житель станицы Отрадной Оганес Карапетович Сарьян, так вспоминал о трагедии, произошедшей в нескольких километрах от станицы на берегу реки Уруп, в районе ГЭС: «Часть леса и глубокого рва, прорытого для будущего канала, были оцеплены фашистами. На дороге стояло несколько крытых брезентом машин – “студебекеров”. Полицаи вызывали по четыре человека, заставляли раздеваться, ставили на край рва, а несколько фашистов расстреливали людей из автоматов. Убивали всех подряд. Мы с ужасом наблюдали, как к месту расстрела шли несколько женщин. Одна из них несла на руках одного малыша, а другого, чуть постарше, вела за руку. После автоматных очередей все они падали в ров на груды трупов, которая уже образовалась на его дне» (Филиппов, 2004: 188-189).

С.К. Филиппов описал историю спасения в станице Отрадной Н.А. Герасименко арестованной еврейской девушки Марии Исааковны Ройч. Ночью через заросли крапивы Н.А. Герасименко подлез к стене сарая, где держали обреченных людей, и выкопал небольшой спасительный лаз. Через него смогли выбраться Мария Ройч, ее подруга Ольга Ливинская и мальчик лет 12. Родственники М. Ройч погибли (Фокин, 1990). В списке зарегистрированных в Пискуновском сельсовете Отрадненского района указана эвакуированная из города Павлограда еврейская семья Клары Иосифовны Ройч, 1903 г.р., с пятью несовершеннолетними детьми: Марией, 1925 г.р., Авраамом, 1928 г.р., Фирой, 1937 г.р., Леонидом, 1939 г.р., Анатолием, 1942 г.р. Здесь же содержатся сведения о еврейской семье Ливинских из Павлограда: Фроим Липович, 1883 г.р., Рахиль Яковлевна, 1896 г.р., Ольга, 1928 г.р. (Список эвакуированных, Пискуновский).

В Отрадненском историко-археологическом музее обнаружена фотография членов семьи Марии Ройч с указанием фамилии как «Ронч». Кроме того, имя одного из сыновей указано как Алексей, а не Леонид (Рисунок 3).

Рис. 3. Фотография членов семьи Ройч (ОИАМ. Фотодокументальный фонд)

Спасти удалось и младшему брату Марии Аврааму. В Отрадненском историко-археологическом музее хранится оригинал письменного свидетельства Авраама Исааковича Роича от 23 июля 1989 г., удостоверенного в Красногвардейском сельском Совете народных депутатов Отрадненского района Краснодарского края 25 июля 1989 г., в котором он рассказал об эвакуации своей семьи, о расстреле в канале строившейся ГЭС его матери, двух братьев и младшей сестры. А.И. Роич назвал имена полицаев, которые его задерживали и везли на расстрел, об обстоятельствах своего побега с одним из военнопленных. В этом документе он сообщил, что Н.А. Герасименко спас и спрятал его сестру Марию и поблагодарил за помощь в трудные времена: «пригтели нас и помогли в те суровые дни». А.И. Роич также вспомнил о расстрелянной семье стариков – супругов Колодицких, эвакуированных из Павлограда (ОИАМ. Фотодокументальный фонд).

В семейном архиве Е.Л. Сидоровой, внучки А.И. Роича, хранятся фотографии посещения им в 1989 г. вместе с супругой Антониной станицы Отрадной и села Пискуновского, где он встретился с Н.А. Герасименко, копии которых были любезно предоставлены одному из авторов данной статьи (Рисунки 4, 5)

Рис. 4, 5. А.И. Роич в 1989 г. на месте захоронения и в с. Пискуновском с Н.А. Герасименко. Фотографии из личного архива Е.Л. Сидоровой (Роич)

Эта история спасения не единственная. С.К. Филиппов описал еще один случай, связанный с расстрелом на ГЭС: «После казни, ночью, из рва вылез раненый мальчик. Кутру он дошел до крайних хат, что стояли на берегу Урупа, но, пытаясь открыть калитку одного из дворов, потерял сознание и упал у плетня. Там и нашли его хозяева, вышедшие утром за водой. Они, конечно, поняли, откуда пришел этот испачканный в грязи и крови ребенок». Тем не менее, мальчика спасли, «а когда оккупанты из района бежали, Абрама (так звали мальчика) пристроили на станичную пекарню, где он выполнял посильную несложную работу». Прожил в станице Абрам до 1950-х гг., на Украине у него нашлись родственники: «Они приехали в Отрадную и забрали Абрама к себе. Что стало с ним потом, никто не знает» (Филиппов, 2004: 189-190). В ОИАМ сохранилась фотография 1946 г., имеющая отношение к этой истории (Рисунок 6).

Рис. 6. Восстановление ГЭС. Абрам стоит шестой (слева), 1946 г. (ОИАМ. Фотодокументальный фонд).

4. Заключение.

Обращение к событиям, происходившим в период оккупации в Отрадненском районе Краснодарского края в 1942–1943 гг., позволяет раскрыть реализацию истребительной политики нацистов и их пособников на локальном уровне. Эта истребительная политика была прямым следствием нацистской идеологии, обосновывавшей превосходство арийской расы, ликвидацию и порабощение народов, считавшихся «неполноценными».

Важной задачей остается установление имен погибших мирных жителей. Ее решение связано с определенными трудностями. Многие погибшие – это беженцы и эвакуированные, сведения о которых не сохранились или сохранились частично. Поскольку значительную долю среди них составляли евреи, перспективным направлением для выявления имен погибших в период оккупации может стать сопоставление списков эвакуированных в Отрадненский район и листов свидетельских показаний родственников погибших, хранящихся в Центральной базе данных имен жертв Шоа.

Проведенное исследование может иметь и практические результаты. Сохранившиеся документальные свидетельства об истории спасения в период оккупации жителем села Пискуновского Николаем Андреевичем Герасименко Марии Ройч (Ройч) и предоставлении убежища ей и ее брату Аврааму Ройч могут стать основой для обращения в Комиссию по присвоению ему звания Праведника народов мира.

5. Благодарности

Авторы выражают благодарность Елене Леонидовне Сидоровой за предоставленные фотографии, а также Светлане Алексеевне Герасименко за сведения о Н.А. Герасименко.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. по теме НИР № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)».

Литература

АОАГА – Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир Краснодарского края.

АОАОР – Архивный отдел Администрации муниципального образования Отрадненский район Краснодарского края.

Без срока давности. Краснодарский край, 2020 – Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: Сб. архивных документов. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 624 с.

Бочкарёва, 1992 – *Бочкарева З.В.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 242 с.

Братская могила, Рудь – Братская могила воинов, погибших в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/282246> (дата обращения: 24.11.2022).

Братская могила, Садовый – Братская могила мирных жителей, расстрелянных фашистскими оккупантами. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/278862> (дата обращения: 24.11.2022)

Краснодарский край – Краснодарский край // Без срока давности [Электронный ресурс]. URL: https://безсрокадавности.рф/wp-content/uploads/2022/11/bez_sroka_davnosti_krasnodarskiy_kray.pdf (дата обращения 1.11.2022)

Кринко, 2000 – *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: [б.и.], 2000. 242 с.

Кровавые страницы 2019 – Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани: Сб. док. Краснодар: Краснодар. гос. ин-т культуры, 2019. 108 с.

Кубань в годы, 2005 – Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Хроника событий. 2-е изд. Краснодар: Диапазон-В, 2005. Кн. 1: 1941–1942. 816 с. Кн. 2. Ч. 1: 1943 г. 896 с.

Линец, 2003 – *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2003. 563 с.

Лист, Вязьменская – Лист свидетельских показаний, Вязьменская Мария [Электронный ресурс]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&advancedSearch=true&sln_value=Вязьменская&sln_type=synonyms&sfm_value=Мария&sfm_type=synonyms (дата обращения: 24.11.2022).

Лист, Кравцова – Лист свидетельских показаний, Софья Кравцова [Электронный ресурс]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&advancedSearch=true&sln_value=Кравцов&sln_type=synonyms&sfm_value=София&sfm_type=synonyms (дата обращения: 24.11.2022).

ОИАМ – Отрадненский историко-археологический музей.

Список эвакуированных, Воскресенское – Список эвакуированных граждан, размещенных в с. Воскресенское, Воскресенский с/с [Электронный ресурс]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&sl_id=&sl_lastName=Бегельман&sl_firstName=Клара&sl_place=&sl_dateOfBirth=&cluster=true (дата обращения: 24.11.2022).

Список эвакуированных, Пискуновский – Список эвакуированных граждан в Пискуновский с/с Отрадненского р-на [Электронный ресурс]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&sl_id=&sl_lastName=Ройч&sl_firstName=Клара&sl_place=&sl_dateOfBirth=&cluster=true (дата обращения: 24.11.2022).

Степаненко, 2010 – *Степаненко С.Г.* Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2010. 215 с.

Тёр, 2008 – *Тёр Е.В.* Печальный след в истории станиц Приурупья / *Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 16-й всероссийской межвузовской конференции.* Армавир: АГПУ, 2008. С. 54-56.

Тёр, 2013 – *Тёр Е.В.* История села Пискуновского в судьбе Н.А. Герасименко // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. I. Материалы региональной научной

конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2013. С. 254-255.

Учетная карточка, 2001 – Учетная карточка воинского захоронения (2001) [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie260123212/?static_hash=52ccc21c29e3d1d849cef6b165763304v7 (дата обращения: 11.10.2022).

Учетная карточка, 2014 – Учетная карточка воинского захоронения (2014) [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie90190065/?static_hash=52ccc21c29e3d1d849cef6b165763304v7 (дата обращения: 11.10.2022).

Филиппов, 2004 – *Филиппов С.К.* Не померкнет никогда: повести и рассказы. Краснодар: Периодика Кубани, 2004. 320 с.

Фокин, 1990 – *Фокин А.* Геноцид // Сельская жизнь. Орган Отрадненского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Краснодарского края. 1990. 10 июля. №82.

Voronin, Krinko 2020 – *Voronin K.V., Krinko E.F.* Publishing Project “No Statute of Limitations” and its Significance to the Study of the Nazi Occupation and War Crimes during the Great Patriotic War // *Russkii Arkhiv*. 2020. № 2. P. 117-129.

References

АОАГА – Arkhivnyi otdel administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Armavir Krasnodarskogo kraia [Archival Department of the Administration of the Municipalities of the City of Armavir of the Krasnodar Territory].

АОАОР – Arkhivnyi otdel Administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya Otradnenskii raion Krasnodarskogo kraia [Archival Department of the Administration of the Municipalities of the Otradnensky District of the Krasnodar Territory].

Bez sroka давности. Krasnodarskiy kray, 2020 – Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Krasnodarskiy kray. Sb. arkhivnykh dokumentov [No statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Krasnodar Krai. Col. archival documents]. M.: Fond “Svyaz' Epokh”, 2020. 624 p. [in Russian]

Bochkareva, 1992 – *Bochkareva, Z.V.* (1992). Okkupatsionnaya politika fashistskoy Germanii na Severnom Kavkaze: diss. ... kand. ist. nauk [Occupation policy of Nazi Germany in the North Caucasus. The thesis for the degree of Candidate of Science in history]. Krasnodar, 242 p. [in Russian]

Bratskaya mogila, Rud' – Bratskaya mogila voynov, pogibshikh v gody grazhdanskoy i Velikoy Otechestvennoy voyn. Svedeniya iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii [Mass grave of soldiers who died during the Civil and Great Patriotic Wars. Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation]. Portal otkrytykh dannykh Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii. [Open Data Portal of the Ministry of Culture of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/282246> (date of access: 24.11. 2022). [in Russian]

Bratskaya mogila, Sadovyy – Bratskaya mogila mirnykh zhiteley, rasstrelyannykh fashistskimi okkupantami. Svedeniya iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii [Mass grave of civilians shot by fascist invaders. Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation]. Portal otkrytykh dannykh Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii [Open Data Portal of the Ministry of Culture of the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/278862> (date of access: 24.11. 2022). [in Russian]

Filippov, 2004 – *Filippov, S.K.* (2004). Ne pomerknet nikogda: povesti i rasskazy [Will never fade: novels and stories]. Krasnodar: Periodika Kubani, 320 p. [in Russian]

Fokin, 1990 – *Fokin, A.* (1990). Genotsid [Genocide]. *Sel'skaya zhizn'*. Organ Otradnenskogo raykoma KPSS i rayonnogo Soveta narodnykh deputatov Krasnodarskogo kraia. [Organ of the

Otradnensky District Committee of the CPSU and the District Council of People's Deputies of the Krasnodar Kray]. July 10. No. 82. [in Russian]

Krasnodarskiy kray – Krasnodarskiy kray [Krasnodar Krai]. Bez sroka давности [No statute of limitations]. [Electronic resource]. URL: https://безсрокадавности.рф/wp-content/uploads/2022/11/bez_sroka_davnosti_krasnodarskiy_kray.pdf (date of access: 01.11. 2022). [in Russian]

Krinko, 2000 – *Krinko, E.F.* (2000). Zhizn' za liniey fronta: Kuban' v okkupatsii (1942–1943 gg.). [Life behind the front line: Kuban in occupation (1942–1943)]. Maikop: [b.i.], 242 p. [in Russian]

Krovavye stranitsy, 2019 – Krovavye stranitsy nemetsko-fashistskoy okkupatsii na Kubani: Sb. dok. [Bloody pages of the Nazi occupation in the Kuban: Col. of documents]. Krasnodar: Krasnodar. gos. in-t kul'tury, 2019. 108 p. [in Russian]

Kuban' v gody, 2005 – Kuban' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945: Khronika sobytiy [Kuban during the Great Patriotic War, 1941–1945: Chronicle of events]. 2nd ed. Krasnodar: Diapazon-V, 2005. Kn. 1: 1941–1942. [Book 1: 1941–1942]. 816 p. Kn. 2. Ch. 1: 1943 g. [Book 2. Part 1: 1943]. 896 p. [in Russian]

Linets, 2003 – *Linets, S.I.* (2003). Severnyy Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.) [North Caucasus on the Eve and During the Nazi Occupation: State and Features of Development (July 1942 – October 1943)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly, 563 p. [in Russian]

List, Vyaz'menskaya – List svidetel'skikh pokazaniy, Vyaz'menskaya Mariya [Sheet of testimonies, Vyaz'menskaya Maria]. [Electronic resource]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&advancedSearch=true&sln_value=Vyaz'menskaya&sln_type=synonyms&sfn_value=Mariya&sfn_type=synonyms (date of access: November 24, 2022). [in Russian]

List, Kravtsova – List svidetel'skikh pokazaniy, Sof'ya Kravtsova [Sheet of testimonies, Sofia Kravtsova]. [Electronic resource]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&advancedSearch=true&sln_value=Kravtsov&sln_type=synonyms&sfn_value=Sofiya&sfn_type=synonyms (accessed on: November 24, 2022). [in Russian]

OIAM – Otradnenskiy istoriko-arkheologicheskiy muzey [Otradnensky Historical and Archaeological Museum].

Spisok evakuirovannykh, Piskunovskiy – Spisok evakuirovannykh grazhdan v Piskunovskiy s/s Otradnenskogo r-na [List of evacuated citizens to the Piskunov village council of the Otradnensky district]. [Electronic resource]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&s_id=&s_lastName=Roych&s_firstName=Klara&s_place=&s_dateOfBirth=&cluster=true (date of access: November 24, 2022). [in Russian]

Spisok evakuirovannykh, Voskresenskoe – Spisok evakuirovannykh grazhdan, razmeshchennykh v s. Voskresenskoe, Voskresenskiy s/s [List of evacuated citizens located in the village of Voskresenskoye, Voskresenskiy village council]. [Electronic resource]. URL: https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&s_id=&s_lastName=Begel'man&s_firstName=Klara&s_place=&s_dateOfBirth=&cluster=true (date of access: November 24, 2022). [in Russian]

Stepanenko, 2010 – *Stepanenko, S.G.* (2010). Deyatel'nost' Chrezvychaynoy gosudarstvennoy komissii SSSR po vyyavleniyu voennykh prestupleniy fashistskoy Germanii na territorii Krasnodarskogo kraya: diss... kand. ist. nauk [The activities of the Extraordinary State Commission of the USSR to identify war crimes of Nazi Germany on the territory of the Krasnodar Kray. The thesis for the degree of Candidate of Science in history]. Maikop, 215 p. [in Russian]

Ter, 2008 – *Ter, E.V.* (2008). Pechal'nyy sled v istorii stanits Priurup'ya [A sad trace in the history of the villages of Priurupye]. Arkheologiya, etnografiya i kraevedenie Severnogo Kavkaza. Materialy 16-i vserossiiskoi mezhvuzovskoi konferentsii [Archeology, ethnography and local history of the North Caucasus. Materials of the 16th All-Russian Interuniversity Conference]. Armavir, AGPU, pp. 54-56. [in Russian]

Ter, 2013 – *Ter, E.V.* (2013). Istoriya sela Piskunovskogo v sud'be N.A. Gerasimenko [The history of the village of Piskunovskoye in the fate of N.A. Gerasimenko]. *Otradnenskie istoriko-kraevedcheskie chteniya. Vyp. I. Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Sergeya Danilovicha Mastepanova*. Armavir: Izdatel' Shurygin V.E., pp. 254-255. [in Russian]

[Uchetnaya kartochnka, 2001](https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie260123212/?static_hash=52ccc21c29e3d1d849cef6b165763304v7) – Uchetnaya kartochnka voinskogo zakhoroneniya (2001) [The registration card of the military burial (2001)]. [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie260123212/?static_hash=52ccc21c29e3d1d849cef6b165763304v7 (date of access: 11.10.2022). [in Russian]

[Uchetnaya kartochnka, 2014](https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie90190065/?static_hash=52ccc21c29e3d1d849cef6b165763304v7) – Uchetnaya kartochnka voinskogo zakhoroneniya (2014) [The registration card of the military burial (2014)]. [Electronic resource]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie90190065/?static_hash=52ccc21c29e3d1d849cef6b165763304v7 (date of access: 11.10.2022). [in Russian]

[Voronin, Krinko 2020](#) – *Voronin, K.V., Krinko, E.F.* (2020). Publishing Project “No Statute of Limitations” and its Significance to the Study of the Nazi Occupation and War Crimes during the Great Patriotic War. *Russkii Arkhiv*. 2: 117-129.

Истребительная политика оккупантов против советских граждан: на материалах Отрадненского района Краснодарского края

Евгений Федорович Кринко ^{a, b, *}, Виктория Владимировна Хилькевич ^c

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

^c Армавирский лингвистический социальный институт, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена нацистской оккупации Отрадненского района Краснодарского края во время Великой Отечественной войны. Авторы проанализировали документы двух местных архивов, музея, публикации краеведов, воспоминания очевидцев, фотографии и другие исторические источники. Жители Отрадненского района и эвакуированные граждане в период оккупации постоянно подвергались массовому насилию, дискриминации и физическому уничтожению. По официальным документам общее количество погибших советских граждан определяется в 109 человек. Но только на одном братском захоронении в районе бывшей Отрадненской ГЭС указаны 500 человек, убитых оккупантами в октябре 1942 г. Истребительная политика оккупантов являлась следствием нацистской идеологии и пропаганды, призывавшей к уничтожению представителей «неполноценных» рас. Однако имена многих жертв оккупации до сих пор остаются неизвестными, как и места их захоронений. В то же время сохранились свидетельства спасения жителями нескольких эвакуированных евреев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «Без срока давности», Краснодарский край, Отрадненский район, нацистская оккупация, истребительная война, потери гражданского населения, историческая память.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 131-140

DOI: 10.13187/rs.2022.2.131
<https://rs.cherkasgu.press>

Reconstruction of the Biography of the boat “Bolshevik” of the Plant “Udmurtles”

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}

^aUdmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The fleets of forestries, especially multi-profile ones, where timber rafting was not their main occupation, still remain one of the less studied pages of the history of river transport. In their priorities, water transport was significantly inferior to automobile and tractor, and even horse-drawn transport. For this reason, the annual reports of such farms, even if they had a fleet, usually ignored the filling in of special forms on water transport.

In the work, based on a comparison of synchronous documentation for the Izhevsk operational office and enterprises of the association “Udmurtles”, the biography of the boat “Bolshevik” was reconstructed. In all likelihood, this is the former boat No. 57 of the Sarapul raid of the Kamlesosplav, transferred in 1943 to the Sarapul timber processing plant. In 1958, the ship was handed over to the Izhevsk Construction Department and transported to the Izhevsk Pond, where in 1959 it was handed over to the Izhevsk Operational Office. Here the ship was renamed “Puteets” and handed over to the way’s service, where, probably, the engine was replaced on it. The ship was in operation until 1961, until it was replaced by the boat “Kambaryak”. Apparently, the final write-off of the ship was made only in January 1962, when the ships were transferred to the Izhevsk operational office in connection with the liquidation of the Udmurt administration of small rivers.

Keywords: water transport, “Udmurtles” plant, Izhevsk operating office, Izhevsk pond, self-propelled barge, river transportation.

1. Введение

Флоты лесных хозяйств пока остаются одними из наиболее малоисследованных страниц речного транспорта. Если крупные организации, специализировавшиеся на сплаве леса (например, Камлесосплав или Двинлесосплав), указывали имевшиеся у них суда в документации по основной деятельности, то мелкие хозяйства, где сплав был далеко не основным родом деятельности, наличие у себя флота фактически игнорировали. В их приоритетах водный транспорт существенно уступал автотракторному и даже гужевому.

Даже имея у себя катера и пароходы, в своем ежегодном отчете хозяйства обычно игнорировали заполнение формы «26-вод». В годы существования Главного управления малых рек (Главречтранс) в 1947–1956 гг. заполнение этой формы довольно жестко контролировалось. Несмотря на множество ошибок при ее подаче, конец 1940-х – первая половина 1950-х гг., вероятно, стали наиболее открытым периодом в истории флотов лесных хозяйств. С ликвидацией Главречтранса в 1956 г. в отчетах лесных хозяйств снова началось

* Corresponding author
 E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

игнорирование собственного флота в отчетных документах. И потому без надежных методов анализа имеющихся источников реконструкция состава и эволюции речного транспорта нашей страны просто невозможна.

2. Материалы и методы

Основными материалами для данного исследования послужила документация отдельных предприятий, входивших в объединение «Удмуртлес», содержащаяся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР). Кроме того, полезным оказалось ее наложение на документацию Ижевской эксплуатационной конторы Удмуртского управления малых рек, содержащуюся в фондах Управления по делам архивов Администрации города Сарапула (СГА).

В качестве основного метода исследования выступил хронологический, когда на основе совмещения дат из документов разных фондов, путем сравнения содержащихся в них сведений производятся логические заключения о фактах, отсутствующих в первоисточниках.

3. Обсуждение и результаты

Ранее предложенная автором методика обработки формы «26-вод» в ежегодном статистическом отчете хозяйства была, среди прочего, успешно апробирована на материале о флотах лесных хозяйств Удмуртии (Mitiukov, 2021). Поскольку каждый год хозяйство отчитывалось о количестве и суммарной мощности имевшихся у него судов, на основе разности этих отчетов можно судить о приобретенных и списанных в этот год судах. К сожалению, поскольку в этот период удмуртские леспромхозы входили в объединение «Удмуртлес», проследить эволюцию их отдельных флотов на основе интегрального отчета оказалось невозможным. Преодолеть эту проблему помогло использование балансовых отчетов. В них леспромхозы отчитывались о суммах, пошедших на увеличение или на уменьшение общего баланса хозяйства. И если имеется катер, списанный с баланса одного леспромхоза, и в том же году такая же сумма фигурирует у принятого на баланс катера другого хозяйства, то, скорее всего, речь идет об одном судне и ротации материальных ценностей внутри «Удмуртлеса». Но если списанный или принятый на баланс катер более не фигурирует в других хозяйствах, можно сделать вывод о списании или покупке судна всем объединением (Митюков, Файзуллин, 2022). К сожалению, как всякая методика, эта тоже имеет свои ограничения. Так, суда в ней фигурируют обезличено. И поэтому не всегда понятно, сколько однотипных судов с одинаковой стоимостью было принято на баланс, если их было более одного: два или три.

Относительно флота Чуровского леспромхоза, действовавшего на Ижевском пруду, кроме ежегодных отчетов Центрального статистического управления, для реконструкции его эволюции была использована документация по личному составу, давшая существенные дополнения к имеющейся источниковой базе (Mitiukov, Bautina, 2021). Вкратце установленная история судов флота Чуровского леспромхоза выглядит следующим образом.

В 1952 г. от отдела технического снабжения, ведавшего получением новой техники, был получен катер «Лесник» типа Т-63 с балансовой стоимостью 229,9 тыс. руб. В документации по личному составу он впервые упомянут 21 июня 1953 г., когда на работу не явился механик судна и его перевели на должность рабочего. Из чего можно сделать вывод, что судно к этому времени уже интенсивно использовалось хозяйством. 6 июля 1957 г. в связи с реорганизацией «Удмуртлеса» катер передали по акту от Чуровского леспромхоза комбината «Удмуртлес» Чуровскому леспромхозу как независимому предприятию. В сентябре 1957 г. последний передал «теплоход исправный» Ижевскому стройуправлению с балансовой стоимостью 229,2 тыс. руб. Судя по имеющимся документам, на судне стоял двигатель ЗДБГД – газогенераторная модификация дизеля ЗД6. Поэтому, несмотря на то, что номинальная мощность ЗД6 составляет 150 л.с., мощность «Лесника» показана в документации как 110 или 120 л.с.

Второе судно Чуровского леспромхоза в имеющихся документах не называется, фигурируя везде как безымянная самоходка типа Т-81П. В начале 1956 г. она была получена от отдела технического снабжения в состав Глазовской сплавной конторы с балансовой стоимостью 61 907 руб. 25 коп., которая сама вскоре передала судно Чуровскому

леспромхозу. После доставки самоходки на Ижевский пруд вместо легкого фанерного тента на ней собственными силами в леспромхозе оборудовали пассажирский салон. 6 июля 1957 г. вместе с «Лесником» ее передали в состав независимого Чуровского леспромхоза, а 25 сентября того же года – Сельченскому лесоучастку. В сентябре 1957 г. «катер исправный» был передан на баланс, как указано в источнике, «Обкома союза», со стоимостью 61,9 тыс. руб.

Каких-либо документов, проливающих свет на дальнейшую судьбу обоих судов, нет. Однако путем логических заключений был сделан вывод, что катер «Моряк» Ижевской эксплуатационной конторы и «Лесник», скорее всего, одно и то же судно. На «Моряке» стоял дизель ЗД6, что уникально для небольших судов Ижевского пруда. Но балансовая стоимость судна в 1962 г. составляла 4598 руб. 35 коп. с износом 2832 руб. Хотя в этом нет невозможного – за десятилетие эксплуатации и при многочисленных передачах из одной организации в другую часть первоначальной стоимости вполне могла быть амортизирована. Также путем косвенного сравнения был сделан вывод, что поскольку в 1970-х и 1980-х гг. в составе Ижевского мебельного комбината находилась самоходная баржа «Отважный», то вполне вероятно, это и была неизвестная самоходка Чуровского леспромхоза.

Устные источники. По воспоминаниям ветерана Ижевской пристани Валерия Константиновича Лунышина, за время существования предприятия у него имелось несколько судов, происхождение которых осталось для него непонятным (Лунышин, 2022). Тип катера «Моряк» информант определить затрудняется, указывая, что это был какой-то служебно-разъездной катер. Когда В.К. Лунышин начинал свою трудовую деятельность, судно в разуконплектованном виде стояло на территории пристани с частично разобранным двигателем. В это время на руководство пристани вышел представитель Клуба юных моряков Ленинского района с просьбой передать катер в их распоряжение. Поскольку «Моряк» к этому времени был уже списан, формальных механизмов для передачи не было, и руководство пристани обратилось с письмом к исполкому Ленинского района города Ижевска, чтобы он решил создавшуюся проблему. В результате в середине 1960-х гг. решением исполкома «Моряк» передали Клубу и, поскольку судно было не на ходу, работники пристани отбуксировали его к спасательной станции Октябрьского района. Там располагался ангар клуба, рядом с которым его и ошвартовали. Примерно в 1968–1969 гг. в ангаре произошел сильный пожар, после которого о судьбе судна информант ничего не знает. Возможно, «Моряк» погиб в ходе пожара.

Катер «Большевик» В.К. Лунышин не застал, но слышал о нем из рассказов коллег. Судно стояло на приколе в районе автоматической телефонной станции (АТС) завода «Ижмаш» и проржавело настолько, что по нему «было страшно ходить». Около 1967 г. (т.е. до того, как информант начал работу на Ижевской пристани) судно затонуло на месте стоянки. По требованию природоохраны «Большевику» пришлось восстановить плавучесть. В это время одна организация, название которой информант не помнит, начала утилизацию шлака на Ижевском шлакоотвале. Она производила дробление кусков шлака, и после извлечения из него металла остаток передавался для использования в строительстве. Поскольку ручная резка катера из-за его плачевного состояния представляла собой достаточно опасную операцию, «Большевик» отбуксировали на шлакоотвал, где его и утилизировали с помощью использовавшихся там копров.

Наконец, на Ижевском пруду имелся катер «Отважный», представлявший собой самоходную баржу. Он состоял на балансе Ижевского мебельного комбината и использовался для различных вспомогательных целей. В частности, катер доставлял детей в пионерский лагерь комбината, располагавшегося на берегу пруда. Судно находилось в эксплуатации исключительно благодаря высокой квалификации своего капитана. Поэтому, когда того в 1990-х гг. проводили на пенсию, «Отважный» незамедлительно пошел на слом.

Письменные источники. В документации по личному составу Ижевской эксплуатационной конторы имеются упоминания о безымянной самоходной барже. 4 мая 1956 г. бывший капитан парохода «Звезда» Георгий (или по ряду документов Егор) Николаевич Серебряков был назначен на должность капитана самоходной баржи (СГА. Ф. Р-82. Оп. 26. Д. 32. Л. 7). Интересно, что до этого он работал капитаном парохода «Красный сплавщик» (ставшем в конторе «Звездой»), когда тот был на балансе Сельчинского

леспромхоза. Но при этом непонятно, реально ли он возглавил самоходку, поскольку в период его капитанства других кадровых назначений на судно не было, и кроме того, уже 1 июля 1956 г. его снова вернули на должность капитана «Звезды» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 32. Л. 15). С другой стороны, 2 августа приказом по Ижевской конторе был введен скользящий график выходных на разных судах для организации ежедневного сообщения с Воложкой. Для самоходки выходным назначалось воскресенье (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 32. Л. 170б.). Учитывая то, что обычно воскресный день в плане перевозки пассажиров был самым «жарким», указанное решение выглядит более чем странно. И это все при том, что на судно снова нет никаких кадровых назначений. Это позволяет предположить, что, если оно и отправлялось в рейс, то всегда с разовой командой. Лишь 1 ноября 1956 г. капитаном самоходки назначили бывшего помощника капитана катера «Комсомольск» М.А. Бегунова (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 32. Л. 31). Но к этой дате суда конторы уже находились в зимнем отстое, так что капитан нужен был скорее как ответственный за техническое состояние судна и как специалист по ремонтным работам.

15 января 1957 г. приказом по Ижевской эксплуатационной конторе утвердили список материально ответственных. Традиционно ими являлись капитаны судов. Интересно, что самоходка стоит в конце списка, который традиционно замыкали самые малоценные суда конторы. При этом перед ней находится даже полуглиссер «Прибой», который в документации обычно вообще не упоминался, как и автомобили. Но более всего странно то, что капитаном судна значился Н.Ф. Яковлев, одновременно материально ответственный по автопарку (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 32. Л. 37). По штату же он работал шофером конторской машины «Форд-6». А вот в конце апреля 1957 г., когда в преддверии навигации на суда Ижевской конторы утверждались новые команды, самоходки в их числе уже не было.

Совмещая даты работы самоходки в Ижевской эксплуатационной конторе с датами работы в комбинате «Удмуртлес», можно заметить, что она появляется практически одновременно с получением самоходки Глазовской сплавной конторой. В июле 1956 г. судно перешло на баланс Чуровского леспромхоза, и, получается, одновременно Г.Н. Серебряков возвратился на должность капитана «Звезды». Наконец, интересно на хронологию событий наложить обращение 6 октября 1956 г. заместителя председателя Совета министров Удмуртской АССР В. Ворончихина заместителю министра лесной промышленности РСФСР И. Радчуку с просьбой передать судно Ижевской конторе. 5 ноября 1956 г. тот ответил отказом, мотивируя его тем, что судно предполагается для использования в бассейне реки Чепцы (ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 2207. Л. 79-80). Очевидно, что, поскольку судно находилось в зимнем отстое на территории конторы, его закрепили за ответственным по автопарку. А с началом навигации самоходку передали леспромхозу, поскольку она отсутствует в приказе о назначении команд.

Далее следует уже упоминавшаяся эпопея с передачей самоходки в связи с реорганизациями комбината. Как указано в упоминаемой выше документации Сельчинского лесоучастка, самоходку типа Т-81П передали непонятному «Обкому союза». К счастью, в газете «Лесозаготовитель», органе комбината «Удмуртлес», имеется статья, проливающая свет на дальнейшую судьбу судна. В ней говорится о пионерском лагере Обкома профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности (За детство..., 1958). В этой же статье приводится фотография катера «Салют», обслуживающего этот лагерь (Рисунок 1). Причем видно, что на снимке действительно самоходная баржа типа Т-81П.

Поскольку второй катер бывшего Чуровского леспромхоза «Лесник» передавался Ижевскому стройуправлению, имеет смысл проанализировать отчеты этой организации. В отчете Ижевского стройуправления за 1957 г. действительно значится, что в этом году оно получило «Катер буксирный» (тип не указан). Но неожиданной оказалась передача на баланс самоходной баржи типа Т-71 еще в 1956 г. (ЦГА УР. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 59. Л. 75). К сожалению, от какой организации передана баржа – не указано.

6 декабря 1957 г. в Ижевском стройуправлении комбината «Удмуртлес» произошла смена директоров. В приемно-передаточном акте имеется опись транспорта. Однако среди автомобилей, тракторов, лебедок и т.п. нет ни катеров, ни судов, ни теплоходов (ЦГА УР. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 60. Л. 259-260). Но не все так просто, поскольку в «Ведомости сверхштатных единиц, проходящих по рабочим картам» значатся две должности: «капитан катера

700 [руб.]» и «механик катера 600 [руб.]» (ЦГА УР. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 60. Л. 270). В отличие от должностей слесарей, старших слесарей и т.д., около которых стоят конкретные имена, эти две позиции списка безымянные.

Рис. 1. Фотография катера «Салют» с редакторской разметкой номера на начисление гонорара (За детство..., 1958)

Все это позволяет предположить, что к концу 1957 г. в Стройуправлении действительно имелись на балансе оба катера. Но если зимой 1956/57 г. она стояла у пристани Ижевской эксплуатационной конторы, то зиму 1957/58 г., получается, провела у пристани Чуровского леспромхоза. Поэтому сдававший дела директор ничего не передавал своему преемнику, поскольку сам их до сих пор не принял. А вот вакантные должности для команды он вполне мог передать, что и сделал.

Далее интересно посмотреть на документацию треста «Удмуртлестрансстрой» (правопреемника Ижевского стройуправления после вывода его из подчинения комбината «Удмуртлес»). В приложении к своему ежегодному отчету 1958 г. «Наличие механизмов» практически в самом конце списка числятся «катер» и «самоходная баржа», причем оба значатся как на начало, так и на конец года. В графе «Марка, тип» по обоим судам стоит прочерк (ЦГА УР. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 64. Л. 65). Но аналогичная ведомость за 1959 г. среди довольно сильно обновившегося списка механизмов не указывает ни «катер», ни «самоходную баржу» (ЦГА УР. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 73. Л. 98-100). Это явно говорит о том, что зимой 1958/59 г. оба судна были переданы другим организациям.

В этой связи интересна еще одна строка отчета 1958 г. – «Расшифровка движения уставного фонда треста «Удмуртлестрансстрой» комбината «Удмуртлес» за 1958 г.». Строка 32 – «Безвозмездно передано основных средств. а) <...> г) Ижевской эксплуатац[ионной] к[онто]ре 10590-00 5200-00...» (ЦГА УР. Ф. Р-1110. Оп. 1. Д. 64. Л. 20). Первая цифра означает балансовую стоимость, вторая – степень износа. Видно, что износ составляет почти половину стоимости, что явно свидетельствует о передаче далеко не нового объекта.

Указанные странности очень хорошо объясняются годовым отчетом Сарапульского лесокомбината, также входившего в структуру «Удмуртлеса». В 1958 г. в графе балансового отчета «Получено безвозмездно» значится «От стр[оительного] упр[авления] «Удмуртлеса» – катер «Лесник»» дебет в движении уставного фонда при этом составил 858 руб., кредит –

229 243 руб. 10 коп. Одновременно в графе «Переданы безвозмездно основные средства» имеется строка «Ст[роительному] упр[авлению] “Удмуртлесга” – катер “Большевик”». Дебет сделки составил 20 058 руб. 13 коп., кредит – 12 087 руб. (СГА УР. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 1085. Л. 59).

Балансовая стоимость «Лесника» совпадает, что не оставляет сомнений в передаче Сарапульскому лесокомбинату того же самого катера, что был получен от Чуровского леспромхоза. Здесь под дебетом, скорее всего, понимается степень износа судна. А вот катер «Большевик» вполне вписывается в неизвестное судно, переданное в том же 1958 г. Стройуправлением Ижевской эксплуатационной конторе. Учитывая дебет и кредит, можно определить, что остаточная балансовая стоимость судна составляет 7 971 руб. (20 058 – 12 087 = 7 971). В свою очередь в Ижевскую эксплуатационную контору передали неизвестное судно с остаточной балансовой стоимостью 5 390 руб. (10 590 – 5 200 = 5 390) Возможно, снижение на более чем 2 тыс. руб. произошло вследствие транспортировки судна с Камы в Ижевск.

Карьера катера «Большевик» в составе Сарапульского лесокомбината началась в 1943 г. В инвентарно-сличительной ведомости на 1 декабря 1943 г. на балансе предприятия в разделе «транспорт» значится с порядковым № 240 «моторн[ый] катер № 57 “Большевик”». Полная стоимость с износом – 9 699 руб. 60 коп., год принятия на баланс – 1943 г. (СГА. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 33. Л. 160б.– 17).

20 октября 1954 г. при передаче Сарапульского лесокомбината в ведение Министерства городского и сельского строительства, у него на балансе числился катер «Большевик» с двигателем СТЗ-30 (30 л.с.). Состояние судна характеризовалось строкой: «Катер требует замены» (СГА. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 51. Л. 62). Балансовая стоимость судна составляла 20 058 руб. 13 коп., год постройки – 1937 (СГА. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 51. Л. 125). Совпадение балансовой стоимости показывает, что в Ижевск передали именно это судно.

Более ранняя карьера судна пока не прослеживается. Но если предположить, что это бывший катер № 57, то судно с этим же номером имелось в Сарапульском рейде Камлесосплава. В 1938 г. в хозяйстве работал катер № 57 с машиной мощностью 30 л.с. Постройка его корпуса производилась в Сарапуле силами рейда, а мотор поставила из Перми после капитального ремонта Такелажно-сплавная контора Камлесосплава (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 8. Л. 72). К сожалению, документы о передаче судна лесокомбинату пока не обнаружены, а оно пропадает из списков судов рейда в 1941 г. Поэтому однозначно установить одно это судно или нет, пока невозможно. Зато его биография после 1958 г. хорошо видна из документации Ижевской эксплуатационной конторы. Ранее обзор приказов по ней приводился в связи с получением путевой службой буксира «Камбаряк» (Mitiukov, 2020).

1 июля 1959 г. рулевой парохода «Звезда» Г. Выборнов переводился «на вновь полученный с Воложки катер “Большевик”» в качестве помощника механика (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 210б.). Но уже 27 июля 1959 г. было решено «для восстановления катера “Путеец” перевести рабочего путевых работ Мерзлякова В.С. механиком катера “Путеец”» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 27). Получается, что техническое состояние нового катера оказалось настолько запущенным, что его сразу вывели в ремонт.

Одновременно в конторе действовал некий безымянный полуглиссер. Но «Путеец» и полуглиссер – это разные суда. Доказательством тому служит приказ от 10 августа 1959 г., по которому механик «Путейца» Мерзляков переводился мотористом на полуглиссер (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 34). Примечателен также приказ от 4 ноября 1959 г. в соответствии с которым объявлялись команды судов на ноябрьские праздники. Пунктом 9 приказа значился: «катер “Путеец” механик Выборнов Г.И.» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 510б.). Поскольку в период с июля по ноябрь Г. Выборнов более на другие суда не назначался, можно сделать вывод, что именно «Большевик» и стал «Путейцем».

20 апреля 1960 г. специальным приказом по конторе назначались команды на суда, начинающие навигацию. Среди них отдельными позициями числились катер «Прибой» и катер «Путеец». При этом на последнем водитель-механик значился временно, а должность матроса была вакантной (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 690б.). В данном случае под «Прибоем» имеется в виду полуглиссер.

Приказ № 50 от 16 мая 1960 г. гласил: «Вышедший из ремонта катер “Путеец” считать в эксплуатации с 16 мая» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 720б.). Одновременно механик-

водитель, временно назначенный на эту должность предыдущим апрельским приказом, переводился в штат. Получается, что судно ремонтировалось с прошлого года.

Летом судно было упомянуто только два раза. 6 июня матрос «Путейца» самовольно бросил работу и уехал на Юровский мыс, за что ему объявили выговор (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 76). Далее 24 июня состоялась замена механика-водителя, эту должность занял ранее принятый водолаз (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 79об.). А затем приказом от 29 сентября 1960 г. с 10 октября судно переводилось «в зимовочное состояние» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 46. Л. 94).

14 октября 1960 г. оклады работников конторы приводились в соответствие с мощностью двигателя судна, на котором они работали. В первую категорию попали команды катеров «Юбилейный», «Заря», «Россия», «Дружба» и земснаряд. Все эти суда имели мощность двигателей 150 л.с. и выше («Юбилейный» – 180 л.с.). Во вторую категорию вошли «Сокол» и «Ярославль» (90 л.с.). В третью категорию попали «Герой», «Искра», «Восход», «Прибой» и «Путеец» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2б. Д. 57. Л. 1). Если первые два имели мощность 80 л.с., то «Восход» и «Прибой» – по 54 л.с. Это дает возможность заключить, что мощность двигателя «Путейца» к этому времени также была около 50 л.с.

В работе по буксиру «Камбаряк» было обращено внимание, что упоминания о «Путейце» пропали в 1961 г., одновременно с появлением в конторе катера «Камбаряк». Но при этом указывалось, что это два разных судна, поскольку именно в 1960 г. из Сарапульской эксплуатационной конторы исчез одноименный катер, тоже типа БМК-90 (Mitiukov, 2020). Получается, что летом 1961 г. специально для путейской службы Ижевская эксплуатационная контора получила катер «Камбаряк», куда перевели команду «Путейца», после чего, разумеется, упоминания о нем отсутствуют.

Интересное дополнение, явно касающееся «Путейца», имеется в статистическом отчете Удмуртского управления малых рек. Форма «7-река (годовая)» за 1959 г. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 5513. Л. 4) и за 1961 г. (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 6666. Л. 71) говорит, что с начала 1959 г. и по конец 1961 г. в управлении имелось путейское судно мощностью 54 л.с. Поскольку другие суда конторы учитывались в разделе транспортного флота, наилучший кандидат для этого судна – «Путеец».

Однако он отсутствовал в передаточном акте 23 января 1962 г., когда в связи с ликвидацией Удмуртского управления малых рек, суда Ижевской эксплуатационной конторы передавались на баланс отдела коммунального хозяйства при Ижевском городском совете. Так что очевидно, что к этой дате судно уже списали.

Рис. 2. Самоходная баржа на Ижевском пруду, 1950-е гг. (коллекция Н.В. Митюкова)

Что касается самоходных барж, то получается, что в 1958 г. на Ижевском пруду действуют как минимум две. Первая – типа Т-81П, вторая – Т-71. Хотя в документации Ижевского стройуправления об этом не говорится, но самоходка Т-71, скорее всего, поставлялась также в пассажирском варианте – Т-71П.

По крайней мере, об этом могут свидетельствовать фотодокументы. На [Рисунке 2](#) приведена фотография самоходной баржи на Ижевском пруду. Это, скорее всего, тип Т-71П. Некоторые сомнения возникают из-за наклона мачты, поскольку она обычно имела наклон в сторону, обратную ходу судна. Так что, если ориентироваться по ней, нос судна получается слева. Но судно очень напоминает тип Т-71П, если предположить, что нос у него справа. Однако важно другое – факт наличия самоходной баржи отличной от Т-81П подтверждается фотоматериалами.

Рис. 3. Катер на Воложке 1970-е гг. (семейный фотоархив Л. Стерховой)

Рис. 4-5. Катер «Отважный» 1970-е гг. (коллекция Н.В. Митюкова, публикуется впервые)

К сожалению, проследить дальнейшую судьбу катера «Смена» по имеющимся источникам пока не представляется возможным. Сложно также сказать, был ли он переименован в «Отважного», или это два разных судна. Имеющиеся фотографии «Отважного» приведены на [Рисунках 3-5](#). Снимки сделаны в таких ракурсах, что сложно даже определить типовую принадлежность. Но с уверенностью можно сказать, что «Отважный» явно не Т-71П. Его пассажирский салон существенно длиннее, да и само судно

явно крупнее. Кроме того видно, что у Т-71П салон полукустарного изготовления, а у «Отважного» явно фабричного. Имеются существенные отличия и от «Смены», особенно в конструкции носовой части пассажирского салона, что, впрочем, не исключает возможности его перестройки.

4. Заключение

Под безымянной самоходкой в документации Ижевской эксплуатационной конторы в 1956 г. явно упомянут катер «Смена», в конце 1957 г. переданный обкому профсоюза комбината «Удмуртлес» для обслуживания пионерского лагеря. Используемый для этих же целей в 1980-х гг. катер «Отважный» может быть как тем же самым судном, так и другим. В 1956 г. судно находилось под оперативным управлением конторы, после чего передано в полное распоряжение «Удмуртлеса».

Катер «Большевик», ставший в Ижевской эксплуатационной конторе путевым судном «Путеец» – бывшее судно Сарапульского лесокомбината, перевезенное на Ижевский пруд с Камы в 1958 г. До этого, возможно, это был катер № 57 Сарапульского рейда Камлесосплава, построенный в Сарапуле в 1938 г.

В 1959 г., в связи с выходом Ижевского стройуправления из подчинения «Удмуртлеса», «Большевик» передали в Ижевскую эксплуатационную контору. По всей вероятности, на нем сразу же был начат ремонт по замене двигателя СТЗ-30 на ДТ-54, по крайней мере, во всей имеющейся документации он фигурирует с мощностью 54 л.с. Возможно, ремонт затянулся (или вообще не был закончен) до момента получения путевой службой в 1961 г. нового катера «Камбаряк» типа БМК-90. Бывший же «Большевик», судя по рассказу ветерана Ижевской пристани В.К. Лунышина, остался ржаветь в районе АТС завода «Ижмаш», пока его не утилизировали в 1968–1969 гг.

Литература

СГА – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

За детство..., 1958 – За детство счастливое наше спасибо, родная страна / *Лесоаготовитель* [Орган комбината «Удмуртлес», обкома профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, Управления лесного хозяйства Министерства сельского хозяйства УАССР] 1958. № 25 (38). 20 июня. С. 4.

Лунышин, 2022 – Лунышин Валерий Константинович, ветеран Ижевской пристани, записан Н.В. Митюковым 10 августа 2022 г. в г. Ижевске // Полевые материалы автора.

Митюков, Файзуллин, 2022 – Митюков Н.В., Файзуллин Р.В. Реконструкция состава и эволюции флота хозяйства на основе его балансового отчета на примере комбината «Удмуртлес» (1949–1957 гг.) // *Вопросы истории*. 2022. № 7-2. С. 64-76.

Mitiukov, 2020 – Mitiukov N.W. Tug “Kambaryak” BMK-90-class of the Izhevsk Operational Office // *Voennyi Sbornik*. 2020. 8(1): 13-21.

Mitiukov, 2021 – Mitiukov N.W. Reconstruction of the Forestry Fleet on Izhevsk and Votkinsk Ponds in the 1930–1950s // *Russkaya Starina*. 2021. 12(2): 129-140.

Mitiukov, Bautina, 2021 – Mitiukov N.W., Bautina S.L. The Fleet of the “Udmurtles” Churovsky Logging Enterprise // *Russkaya Starina*. 2021. 12(1): 47-53.

References

Lunyashin, 2022 – Lunyashin Valeriy Konstantinovich, veteran Izhevskoy pristani, zapisan N.V. Mityukovym 10 avgusta 2022 g. v g. Izhevsk [Lunyashin Valery Konstantinovich, veteran of the Izhevsk pier, recorded by N.V. Mityukov in August 10, 2022 in Izhevsk]. Polevye materialy avtora [Field materials of the author].

Mitiukov, 2020 – Mitiukov, N.W. (2020). Tug “Kambaryak” BMK-90-class of the Izhevsk Operational Office. *Voennyi Sbornik*. 8(1): 13-21.

Mitiukov, 2021 – Mitiukov, N.W. (2021). Reconstruction of the Forestry Fleet on Izhevsk and Votkinsk Ponds in the 1930–1950s. *Russkaya Starina*. 12(2): 129-140.

Mitiukov, Bautina, 2021 – Mitiukov, N.W., Bautina, S.L. (2021). The Fleet of the “Udmurtles” Churovsky Logging. *Russkaya Starina*. 12(1): 47-53.

Mitiukov, Faizullin, 2022 – Mitiukov, N.W., Faizullin, R.V. (2022). Rekonstruktsiya sostava i evolyutsii flota khozyaistva na osnove ego balansovogo otcheta na primere kombinata «Udmurtles» (1949–1957 gg.) [Reconstruction of the composition and evolution of the fleet of the economy on the basis of its balance sheet on the example of the combine “Udmurtles” (1949–1957)]. *Voprosy istorii*. 7-2: 64-76. [in Russian]

SGA – Upravlenie po delam arkhivov Administratsii goroda Sarapula [Department for Archives of the Administration of the city of Sarapul].

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Za detstvo..., 1958 – Za detstvo schastlivoe nashi spasibo, rodnaya strana (1958) [Thank you for our happy childhood, dear country]. *Lesozagotovitel*. 28 (38). June, 20: 4.

Реконструкция биографии катера «Большевик» комбината «Удмуртлес»

Николай Витальевич Митюков^{а, *}

^а Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Флоты лесных хозяйств, особенно многопрофильных, где сплав леса не являлся их основной деятельностью, пока остаются одними из наиболее малоизученных страниц истории речного транспорта. В их приоритетах водный транспорт существенно уступал автотракторному и даже гужевому. Из-за этого в ежегодных отчетах таких хозяйств, даже если они и имели флот, заполнение специальных форм по водному транспорту обычно игнорировалось.

В работе на основе сравнения синхронной документации по Ижевской эксплуатационной конторе и предприятий объединения «Удмуртлес» произведена реконструкция биографии катера «Большевик». По всей вероятности, это бывший катер № 57 Сарапульского рейда Камлесосплава, переданный в 1943 г. Сарапульскому лесокombинату. В 1958 г. судно передали Ижевскому стройуправлению и перевезли на Ижевский пруд, где в 1959 г. его предали Ижевской эксплуатационной конторе. Здесь судно переименовали в «Путеец» и передали путевой службе, где, вероятно, на нем заменили двигатель. Судно находилось в эксплуатации до 1961 г., пока его не заменил катер «Камбаряк». По-видимому, окончательное списание судна произведено лишь в январе 1962 г. при передаче судов Ижевской эксплуатационной конторы в связи с ликвидацией Удмуртского управления малых рек.

Ключевые слова: водный транспорт, комбинат «Удмуртлес», Ижевская эксплуатационная контора, Ижевский пруд, самоходная баржа, речные перевозки.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 141-148

DOI: 10.13187/rs.2022.2.141
<https://rs.cherkasgu.press>

Statements

The Fate of Rus' in the Journalism of the 16th century

Alexey S. Tishchenko ^{a, b, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis of the theme of the historical fate of Rus' on the material of publicist works of the 16th century – “The Tale of the Princes of Vladimir” and the works of Ivan Peresvetov. The analysis shows that these monuments reflect various issues related to the theme of the historical fate of the Russian state: the origin of the ruling dynasty in Russia, the requirements for the figure of the ruler, the question of the form of government and the internal structure of the state, the Messianic significance of the Russian Orthodox Kingdom. The analysis of journalistic writings shows that Russia was interpreted as a state with a unique destiny, history, historical mission, as a civilizational space in the context of world powers. The written records create a special image of the head of state – a ruler “by birth”, who received power from God himself, responsible to his subjects and to God, a “guide” of truth.

Keywords: historical fate, journalism of the XVI century, Messianism, Orthodoxy, ruler.

1. Введение

Конец XV и XVI вв. в истории России занимают особое место: это время становления и укрепления Русского централизованного государства во главе с Москвой. Присоединение Новгородской республики к Великому княжеству Московскому (1478), избавление от гнета ордынского ига (1480) явились предпосылками образования централизованного государства: «Иван III поставил перед собой и своими потомками величайшую геополитическую задачу: собрать под рукой московских правителей все русские земли, когда-то входившие в состав Древнерусского государства» (Переверзнецов, 2019: 174). Кроме этого, меняется мировая религиозная обстановка: «После Флорентийской унии 1439 г. и падения Византии в 1453 г. Россия осталась единственной в мире сильной независимой православной страной» (Филюшкин, 2000: 265). Эти факторы не могли не повлиять на подъем общественного сознания: как и любое время государственных перемен, этот период характеризуется ломкой устоявшихся правил, законов и представлений, касающихся системы управления государством, общественно-политических вопросов, функций главы государства и требований к нему. Можно сказать, что конец XV и XVI вв. ознаменовались

* Corresponding author

E-mail addresses: alex.tishenko97@mail.ru (A.S. Tishchenko)

идеологической борьбой, которая нашла отражение и в литературных произведениях, в особенности в публицистике.

Публицистические произведения этого времени поднимают вопросы, касающиеся исторической судьбы Русского государства. Выделим ключевые: происхождение правящей династии на Руси (формирование так называемого «династического подхода»), требования к фигуре правителя, вопрос о форме правления и внутреннем устройстве государства, мессианское значение Русского православного царства.

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат публицистические произведения XVI в. – «Сказания о князьях владимирских» и сочинения Ивана Пересветова. При работе со «Сказанием...» мы опирались на труды И.Н. Жданова (Жданов, 1895), Р.П. Дмитриевой (Дмитриева, 1955), А.Л. Гольдберга (Гольдберг, 1976). Рассматривая сочинения Ивана Пересветова, мы обращались к работам В.Ф. Ржиги (Ржига, 1908), А.А. Зимина (Зимин, 1956, 1958, 1960), Я.С. Лурье (Лурье, 1984), А.В. Каравашкина (Каравашкин, 2000), А.С. Демина (Демин, 2004).

Исследование строится на совокупности традиционных для литературоведения культурно-исторического и социологического методов. Согласно культурно-историческому методу литературный текст рассматривается в неразрывной связи с эпохой, в которую он был написан, и осмысливается как цивилизационный код народа. Социологический метод позволяет интерпретировать литературное произведение в связи с выражением общественного сознания.

3. Обсуждение и результаты

Тема происхождения Русского государства и династии правителей в древнерусской литературе появляется не впервые: к ней обращался еще летописец – составитель «Повести временных лет». В публицистике XVI в. она получает новую трактовку: правящая династия московских князей напрямую связывается с основателем Римской империи Августом-кесарем. Так представлено генеалогическое древо князей в «Сказании о князьях владимирских». Как известно, в основу «Сказания...» лег другой памятник, который принято называть «Посланием о мономаховом венце» Спиридона-Саввы. Его главной идеей является «включение Великого княжества Московского в мировую историю через происхождение от римских императоров и одновременно утверждение собственной инаковости – особого расположения Бога к династии Рюриковичей» (Страхов, 2020: 438). Идеологическая роль «Сказания...» была усилена финальной частью – «Родословием великих князей литовских», в котором отрицаются любые претензии на осмысление литовского княжеского рода как избранного. В целом структура этих двух произведений сходна: начало представляет собой рассказ о мировой истории, далее – изложение легенды о происхождении династии русских князей, потом – повествование о получении Владимиром Мономахом царского венца от византийского императора Константина. Идея восхождения династии русских князей к императорскому роду и передача «мономахового венца» князю Владимиру утверждают законность правления московских князей.

«Сказание о князьях владимирских» имеет особое значение. Оно приобрело широкую популярность и использовалось в практических целях: это произведение «не только объективно стоящее на стороне централизации», но и текст, который «правительственные круги пытались использовать при проведении конкретных политических мероприятий» (Дмитриева, 1955: 152). Этот памятник использовался как официальный документ в чине венчания на царство Ивана IV (именно тогда и закрепляется его название), частично «Сказание...» входило в сам чин венчания, кроме этого, нередко данный текст служил для аргументации в дипломатических спорах.

Отметим, что два сюжета «Сказания...» – и о происхождении правящей династии, и о мономаховом венце – отнюдь не утверждают зависимость Руси от Рима или Византии, а лишь подчеркивают значимость Русского государства на мировой арене и его самостоятельность. В этом смысле символично полное название памятника – «Сказание о великих князях владимирских великия Руси»: такой ореол величия позволяет рассматривать Русское государство как особую державу, занимающую почетное место среди

других стран. Мономахов венец и другие дары, переданные Константином, служат атрибутами легитимности власти на Руси. В слова, с которыми император Константин посылает дары, вкладываются смыслы особого положения княжеской власти, предвосхищения царской власти, а также мессианского предназначения Русского православного государства: «и все православие в покои пребудет под сущою властью нашего царства и твоего волнаго самодержавства великиа Русиа, яко да нарицаешися отседе боговенчаный царь» ([Сказание о князьях владимирских, 2006: 284](#)). Восприятие Руси как оплота истинной веры связывается еще с эсхатологическим мотивом в литературе: «именно московские государи получают все права на то, чтобы их государство – Московская Русь – являлась единственной наследницей двух империй в деле сохранения истинной веры в преддверии пришествия антихриста» ([Переверзенцев, Страхов, 2017: 33](#)). Получение этих даров является точкой отсчета нового этапа в развитии государственности: «И оттоле и донынѣ тѣмъ вѣнцемъ венчаются царскимъ величии князи володимерьстии, егоже прислал греческий царь Коньстантинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское» ([Сказание о князьях владимирских, 2006: 284](#)). Независимость правящей династии на Руси подчеркивает также мотив божественного происхождения власти: «А мы есмь Божию милостью настолници своих прародителей и отца моего великого князя Всеволода Ярославича и наслѣдници тоя же чести от Бога», «Сердце царево в руцѣ Божьи» ([Сказание о князьях владимирских, 2006: 282](#)).

Итак, в основе этого памятника письменности лежит идея утверждения независимости Русского централизованного государства путем соотнесения правящей династии русских князей с мировыми державами, при этом Русь представляется как исключительно самобытное государство, княжеская династия – как богоизбранная. Избранность и божественное покровительство соотносится со всей русской цивилизацией, во главе которой стоит сильный правитель – московский князь, в будущем – царь. Тенденция целостного цивилизационного осмысления Руси, особой исторической миссии всего русского мира является стержнем темы исторической судьбы Русского государства в этом памятнике.

Особое место в публицистике этого времени занимает Иван Семенович Пересветов: «Интереснейший мыслитель, автор множества сочинений, И.С. Пересветов тем не менее – одна из самых загадочных фигур в истории отечественной духовно-политической мысли» ([Переверзенцев, 2021: 125](#)). Не будучи писателем или философом, Иван Пересветов вошел в историю отечественной литературы как один из ярких представителей общественно-политической и философской мысли этого времени. И.С. Пересветов – автор нескольких своеобразных сочинений: «Сказания о книгах», «Сказания о Магмете-салтане», «Малой челобитной», «Большой челобитной», «Сказания о царе Константине» и др. В своих произведениях он, обращаясь к важным вопросам о государственно-правовой системе, фигуре правителя, истинном православном царстве, вывел особую концепцию о «вере, правде и царстве».

А.В. Каравашкин справедливо отмечает, что небольшое по объему литературное наследие этого автора буквально приковывало внимание исследователей в разное время, что делает фигуру Пересветова еще более интересной и загадочной ([Каравашкин, 2000](#)). Можно сказать, что сочинения Пересветова изучены широко и с разных точек зрения: исследователи анализировали их художественные особенности, языковую личность автора, общественно-политические взгляды Пересветова, связь его текстов с христианской картиной мира. Мы же предлагаем взгляд на произведения этого автора с позиции рассмотрения его государственно-политических воззрений как своеобразной концепции судьбы Руси, и сосредоточимся в основном на «Большой челобитной».

Первое, на что стоит обратить внимание, – это яркое представление Русского государства как единственного оплота христианской веры, государства, которое противопоставляется павшей Греческой державе: «Такова была вѣра греческая силна и мы ся ею хвалилися, а ныне рускимъ царьством хвалимся» ([Сочинения Ивана..., 2006: 436](#)). Русь осмысливается автором не только как избранное Богом царство, но и как государство, способное повести весь мир по истинному пути, как государство-спаситель, которое может избавить Греческую землю от турецкого ига: «Тѣмъ царьством руским ныне и хвалится вся греческая вѣра, и надѣются от Бога великого милосердия и помощи Божии свободити

русским царемъ от насильства турскаго царя-иноплемянника» (Сочинения Ивана..., 2006: 440).

Особым образом Пересветов воспринимает фигуру Ивана IV, которому он адресует свое послание: это «благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси», царь «от Бога Мудрый» являющийся главой государства «по прирождению и небесному знаменю» (Сочинения Ивана..., 2006: 432-434). Иными словами, Иван Пересветов продолжает мотив осмысления русского правителя как наместника Бога на земле, как единственного мудрого главы большого государства. Далее автор послания излагает свою точку зрения на фигуру правителя, выдвигая к главе Русского православного царства особые требования. По мнению Пересветова, царь, конечно, должен жить в соответствии с христианскими истинами, однако это не мешает ему быть грозным и даже жестоким по отношению и к врагам христианства, и к нечестным служащим: «в твоём царстве государеве от твоей мудрости великой грозы царьской лукавые судьи яко от сна возбуждятся, да и посрамятся от дѣлъ своихъ лукавыхъ» (Сочинения Ивана..., 2006: 434). Образцом такого разностороннего правителя в представлении Пересветова является Магмет-салтан – жестокий, но справедливый, ставящий правду превыше всего: узнав о нечестности своих судей, Магмет велел содрать с них кожу и «бумагою велел набита, и написати велел на кожах их: “Без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести”» (Сказание о Магмете-салтане). В образе Константина Иван Пересветов воплощает черты слабого государя, много позволявшего своему окружению, именно с этим он связывает падение Византии. Этот сюжет, по мнению автора, должен служить уроком венчавшемуся на царство Ивану IV и привести к мысли, что «правителю следует быть грозным со слугами, дабы избежать беззакония с их стороны» (Михайлова, 2011: 166).

Однако все же царю не следует быть и тираном: его «гроза» должна сочетаться с великой мудростью. Царь – наместник Бога на земле, который должен «Богу сердечную радость ввезсти» (Сочинения Ивана..., 2006: 436), поэтому во всем нужно быть разумным: не давать вельможам слишком много свободы, но в то же время не угнетать ни один из социальных слоев, ведь «гордости не любит Господь и порабощения» (Сочинения Ивана..., 2006: 448). Особым образом автор говорит об отношении царя к воинству: «а до воинников быти аки отцу до детей своих щедрю. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость» (Сочинения Ивана..., 2006: 444). Здесь мы сталкиваемся с общим мотивом отечественной литературы: князь и дружина как братство, как единое целое показаны во многих эпизодах «Повести временных лет», в «Слове о полку Игореве», в «Повести о разорении Рязани Батыем».

Послание Ивана Пересветова очень необычно: оно сочетает черты актового документа – челобитной, в то же время в этом письме ярко проявляется личностное начало. Составитель послания – простой человек, который позиционирует себя как верный подданный великому князю, как потомок таких же верноподданных: «служачи тебѣ, государю благовѣрному, царю великому вѣрному, поминая своих пращур и прадѣд, как служили вѣрно государем рускимъ великим князем, твоим пращуром <...> А яз, холопъ твой, на то же выехал на твое царьское имя, во всем тебѣ, государю, вѣрно служити, сколько Богъ поможетъ» (Сочинения Ивана..., 2006: 434). Говоря о своих предках, он подчеркивает, что они «за вѣру христианскую и за святыя церкви, и за честь цареву пострадали, главы своя положили» (Сочинения Ивана..., 2006: 434). Готовность пойти на жертву ради Отечества, защиты христианства и благоверного правителя – черта представителей русского мира, и в разных памятниках отечественной литературы – «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», «Повести о разорении Рязани Батыем», позднее – в «Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным» – акцентируется внимание на таком осмыслении верными подданными их служения на благо Руси. Можно сказать, что автор челобитной говорит от лица всей Руси, призывая всех честно и преданно служить великому государю.

Православный царь в восприятии Пересветова – это не только защитник христианства и спаситель «неверных», обращающий их в истинную веру, но и «проводник» правды. Автор в своем послании неоднократно заявляет, что именно Иван IV способен и должен «правду во царство свое ввести» (Сочинения Ивана..., 2006: 436). Под пером Пересветова «правда» получает особое выражение и разворачивается в своеобразную концепцию. Автор утверждает: «Богъ любит правду, а за неправду гнѣвается», «Богъ не вѣру любит, правду»

(Сочинения Ивана..., 2006: 446), при передаче диалога Петра, «волоцкого воеводы», и некоего Васки Мерцалова автор утверждает отсутствие «правды» в царстве Московском: «Вѣра, государь, христьянская добра, всѣмъ сполна и красота церковная велика, а правды нѣту». Ктому Петръ волоцкий воевода заплакал и рекъ тако: “Коли правды нѣтъ, ино то и всего нѣту”» (Сочинения Ивана..., 2006: 440). Правда, по Пересветову, превыше всего, но ошибочно полагать, что христианская вера и правда противопоставляются автором, наоборот, эти категории оказываются очень близкими и взаимосвязанными: «Истинная правда – Христось, Богъ нашъ, Сынъ Божий возлюбленный, в Троице едине божествѣ неразделимый» (Сочинения Ивана..., 2006: 446). Итак, пересветовское осмысление понятий веры и правды заключается в их органическом синтезе: без правды вера – ничто, в то же время правда основывается исключительно на христианском идеале, воплощением которого является Христос. Только в неразрывном единстве веры и правды Пересветов видит будущее великого Московского царства, будущее всего русского мира и его мессианское значение.

Интересно, что, излагая свои мысли, Иван Пересветов «выбирает форму пророческого откровения» (Каравашкин, 2000: 122), связывает свои рассуждения об идеальном царстве с грядущим временем перемен, но, предлагая свои «проекты», Пересветов говорит без сомнения, утвердительно, поэтому образ будущего царства под пером автора челобитной выражается как предначертанный: адресант уверен, что такое будущее обязательно наступит. Однако не стоит забывать про эсхатологические настроения эпохи и осмысление Руси и русского мира как единственного оплота истинной православной цивилизации: «московский государь – последняя надежда всех православных христиан. Ему суждено завоевать многие царства и освободить православных от турецкого ига. Пророчества сбудутся при одном условии: Иван Грозный должен полюбить Правду» (Михайлова, 2013: 184).

Итак, Иван Пересветов излагает собственное видение исторической, цивилизационной судьбы Русского государства, создает особую «модель» русского мира, во главе которого стоит сильный правитель – истинный самодержец, «прирожденный», получивший власть от самого Бога, хранитель православных истин, благоверный, но в то же время – «разумно жестокий» по отношению к нечестным слугам и похитителям христианских ценностей, сторонник правды, справедливый по отношению к верноподданным. Органический синтез веры и правды, готовность пожертвовать собой ради православных и отечественных интересов, мессианская роль Московского царства – вот что объединяет русский мир в осмыслении Пересветова.

4. Заключение

Таким образом, к XVI в. общественно-политические, исторические и культурные вопросы, касающиеся Русского государства, звучат особенно остро. В публицистических произведениях этого времени тема судьбы Руси получает особое выражение: государство рассматривается как цивилизационное пространство с уникальной судьбой, историей, исторической миссией. В центре внимания в публицистических памятниках – фигура сильного правителя, наместника Бога на земле, и требования, которым он должен соответствовать, чтобы Русь занимала достойное место среди других держав как единственный оплот православной веры.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Литература

Гольдберг, 1976 – Гольдберг А.Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 204-216.

Демин, 2004 – Демин А.С. Из истории древнерусского литературного творчества XV–XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 9-131.

- Дмитриева, 1955** – *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 216 с.
- Жданов, 1895** – *Жданов И.Н.* Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» // Русский былевой эпос. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1895. С. 62-150.
- Зимин, 1956** – *Зимин А.А. И.С.* Пересветов и его сочинения // Сочинения И. Пересветова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 3-27.
- Зимин, 1958** – *Зимин А.А. И.С.* Пересветов и его современники. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 498 с.
- Зимин, 1960** – *Зимин А.А.* К изучению взглядов И.С. Пересветова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 639-646.
- Каравашкин, 2000** – *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
- Лурье, 1982** – *Лурье Я.С.* Комментарии // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1982. С. 755-763.
- Михайлова, 2011** – *Михайлова Т.В.* К семантической динамике политических символов: царская «Гроза» в русской публицистике XVI века // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.* 2011. № 1. С. 165-169.
- Михайлова, 2013** – *Михайлова Т.В.* «Будущее обязательное» в профетических контекстах Ивана Пересветова // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.* 2013. № 1. С. 181-185.
- Переверзенцев, 2019** – *Переверзенцев С.В.* «Богом утверждённый государю...». Образ государя в сочинениях конца XV–XVII веков // *Тетради по консерватизму.* 2019. № 2. С. 173-205.
- Переверзенцев, 2021** – *Переверзенцев С.В.* «Правду во царство свое введешь». Образ «истинного христианского царства» в русских духовно-политических сочинениях середины XVI века // *Тетради по консерватизму.* 2021. № 1. С. 123-156.
- Переверзенцев, Страхов, 2017** – *Переверзенцев С.В., Страхов А.Б.* Историческая легитимация: государственная идеология Московской Руси // *Тетради по консерватизму.* 2017. № 3. С. 30-44.
- Ржига, 1908** – *Ржига В.Ф. И.С.* Пересветов. Публицист XVI века. М.: Синодальная типография, 1908. 84 с.
- Сказание о князьях владимирских** – Сказание о князьях владимирских // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 9. СПб.: Наука, 2006. С. 277-289.
- Сказание о Магмете-салтане** – Сказание о Магмете-салтане [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/skazanie-o-magmete-saltane-read-428806-1.html> (дата обращения: 01.10.2022).
- Сочинения Ивана...** – Сочинения Ивана Семеновича Пересветова / Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 9. СПб.: Наука, 2006. С. 428-451.
- Страхов, 2020** – *Страхов А.Б.* «...О начале славяно-русского народа»: происхождение русской цивилизации в представлениях отечественных мыслителей XVI–XVII веков // *Тетради по консерватизму.* 2020. № 3. С. 437-443.
- Филюшкин, 2000** – *Филюшкин А.И.* Модель «царства» в русской средневековой книжности XV–XVI вв. // *Герменевтика древнерусской литературы.* 2000. № 10. С. 262-279.

References

- Demin, 2004** – *Demin, A.S.* (2004). Iz istorii drevnerusskogo literaturnogo tvorchestva XV–XVI vv. [From the history of Ancient Russian literary creation of the XV–XVI centuries]. *Герменевтика древнерусской литературы.* 11: 9-131. [in Russian]
- Dmitrieva, 1955** – *Dmitrieva, R.P.* (1955). Skazanie o knyaz'yah vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. М.; Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 216 p. [in Russian]
- Filyushkin, 2000** – *Filyushkin, A.I.* (2000). Model' «carstva» v russkoj srednevekovoj knizhnosti XV–XVI vv. [The model of the “kingdom” in the Russian medieval literature of the XV–XVI centuries]. *Герменевтика древнерусской литературы.* 10: 262-279. [in Russian]
- Gol'dberg, 1976** – *Gol'dberg, A.L.* (1976). K istorii rasskaza o potomkah Avgusta i o darah Monomaha [To the history of the story about the descendants of Augustus and about the gifts of

Monomakh]. Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 30 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 30]. L.: Nauka, pp. 204-216. [in Russian]

Karavashkin, 2000 – *Karavashkin, A.V.* (2000). Russkaya srednevekovaya publicistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyj, Andrej Kurbskij [Russian medieval journalism: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrej Kurbsky]. M.: Prometej, 418 p. [in Russian]

Lur'e, 1982 – *Lur'e, Ya.S.* (1982). Kommentarii [Comments]. Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka [Monuments of literature of Ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. M.: Hudozhestvennaya literatura, pp. 755-763. [in Russian]

Mihajlova, 2011 – *Mihajlova, T.V.* (2011). K semanticheskoj dinamike politicheskikh simvolov: carskaya «Groza» v ruskoj publicistike XVI veka [On the Semantic Dynamics of Political Symbols: the Tsar's "Thunderstorm" in Russian Journalism of the XVI century]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva*. 1: 165-169. [in Russian]

Mihajlova, 2013 – *Mihajlova, T.V.* (2013). «Budushchee obyazatel'noe» v profeticheskikh kontekstah Ivana Peresvetova [“The Future is obligatory” in the prophetic contexts of Ivan Peresvetov]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva*. 1: 181-185. [in Russian]

Pereverzenec, 2021 – *Pereverzenec, S.V.* (2021). «Pravdu vo car'stvo svoe vvedesh'». Obraz «istinnogo hristianskogo carstva» v russkikh duhovno-politicheskikh sochineniyah serediny XVI veka [“You will introduce the truth into your kingdom”. The image of “the true Christian kingdom” in Russian spiritual and political writings of the middle of the XVI century]. *Tetradj po konservatizmu*. 1: 173-156. [in Russian]

Pereverzenec, 2019 – *Pereverzenec, S.V.* (2019). «Bogom utverzhdennyj gosudaryu...». Obraz gosudarya v sochineniyah konca XV–XVII vekov [“Approved by God to the sovereign...”. The image of the sovereign in the writings of the late XV–XVII centuries]. *Tetradj po konservatizmu*. 2: 173-205. [in Russian]

Pereverzenec, Strahov, 2017 – *Pereverzenec, S.V., Strahov, A.B.* (2017). Istoricheskaya legitimaciya: gosudarstvennaya ideologiya Moskovskoj Rusi [Historical Legitimation: the State Ideology of Moscow Russia]. *Tetradj po konservatizmu*. 3: 30-44. [in Russian]

Rzhiga, 1908 – *Rzhiga, V.F.* (1908). I.S. Peresvetov. Publicist XVI veka [I.S. Peresvetov. A publicist of the XVI century]. M.: Sinodal'naya tipografiya, 84 p. [in Russian]

Skazanie o knyaz'yah vladimirskih, 2006 – Skazanie o knyaz'yah vladimirskih [The Tale of the Princes of Vladimir]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomakh. T. 9 [Library of Literature of Ancient Russia. In 20 vols. Vol. 9]. SPb.: Nauka, 2006, pp. 277-289. [in Russian]

Skazanie o Magmete-saltane – Skazanie o Magmete-saltane [The Legend of Magmet-Saltan]. [Electronic resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/skazanie-o-magmete-saltane-read-428806-1.html> (accessed on: October 1, 2022). [in Russian]

Sochineniya Ivana..., 2006 – Sochineniya Ivana Semenovicha Peresvetova [The works of Ivan Semenovich Peresvetov]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomakh. T. 9 [Library of Literature of Ancient Russia. In 20 vols. Vol. 9]. SPb.: Nauka, 2006, pp. 428-451. [in Russian]

Strahov, 2020 – *Strahov, A.B.* (2020). «...O nachale slavyano-rossijskogo naroda»: proiskhozhdenie ruskoj civilizacii v predstavleniyah otechestvennyh myslitelej XVI–XVII vekov [“... About the beginning of the Slavic-Russian people”: the origin of Russian civilization in the ideas of Russian thinkers of the XVI–XVII centuries]. *Tetradj po konservatizmu*. 3: 437-443. [in Russian]

Zhdanov, 1895 – *Zhdanov, I.N.* (1895). Povesti o Vavilone i «Skazanie o knyaz'yah vladimirskih» [The Tales of Babylon and “The Tale of the Princes of Vladimir”]. Russkij bylevoj epos [Russian epic]. SPb.: Izdanie L.F. Panteleeva, pp. 62-150. [in Russian]

Zimin, 1956 – *Zimin, A.A.* (1956). I.S. Peresvetov i ego sochineniya [I.S. Peresvetov and his writings]. Sochineniya I. Peresvetova [Works by I. Peresvetov]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 3-27. [in Russian]

Zimin, 1958 – *Zimin, A.A.* (1958). I.S. Peresvetov i ego sovremenniki [I.S. Peresvetov and his contemporaries]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 498 p. [in Russian]

Zimin, 1960 – *Zimin, A.A.* (1960). K izucheniyu vzglyadov I.S. Peresvetova [To study the views of I.S. Peresvetov]. Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 16 [Proceedings of the

Department of Ancient Russian Literature. Vol. 16]. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 639-646. [in Russian]

Судьба Руси в публицистике XVI в.

Алексей Сергеевич Тищенко ^{a, b, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу темы исторической судьбы Руси на материале публицистических произведений XVI в. – «Сказания о князьях владимирских» и сочинений Ивана Пересветова. В этих памятниках нашли отражение различные вопросы, связанные с темой исторической судьбы Русского государства: происхождение правящей династии на Руси, требования к фигуре правителя, вопрос о форме правления и внутреннем устройстве государства, мессианское значение Русского православного царства. Анализ публицистических сочинений показывает, что Русь осмысливается как государство с уникальной судьбой, историей, исторической миссией, как цивилизационное пространство в контексте мировых держав. В памятниках создается особый образ главы государства – это правитель «по прирождению», получивший власть от самого Бога, ответственный перед подданными и перед Богом, «проводник» истины.

Ключевые слова: историческая судьба, публицистика XVI в., мессианство, православие, правитель.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: alex.tishenko97@mail.ru (А.С. Тищенко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 149-155

DOI: 10.13187/rs.2022.2.149
<https://rs.cherkasgu.press>

The National Question in the Political Views of K.D. Kavelin

Natalia V. Dmitrieva^{a, *}

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the approaches to solving the national question in post-reform Russia by one of the prominent representatives of liberal social thought K.D. Kavelin, who analyzed in detail the peculiarities of the situation and the level of requests of non-Russian peoples within the empire. In the second half of the XIX century, after the suppression of the uprising in the Kingdom of Poland in 1864, representatives of Russian liberal social thought realized that the economic, political and cultural development of the peoples during this period actualized the problem of acceptable legal guarantees of equality within the framework of multi-ethnic states. Attention is focused on a special interpretation of K.D. Kavelin of the policy pursued by the tsarist government towards non-Russian peoples. In the specific conditions of post-reform Russia, the scientist was especially concerned about the negative attitude towards non-Russian peoples. The conclusion is made about the applied nature of the scientist's works on the national question, the solution of which was supposed to be through the expansion of the rights of local governments, primarily for the more developed peoples of the west and north of Russia from his point of view.

Keywords: national question, liberalism, Russian empire, K.D. Kavelin.

1. Введение

Представители русской либеральной общественной мысли второй половины XIX в. выступали активными участниками процесса теоретического осмысления разных аспектов национального вопроса, причем не только на межгосударственном уровне, но и как проблемы внутреннего развития государств. Среди российских ученых несомненный приоритет в данной сфере принадлежит представителям государственной школы русской историографии, которые приняли достаточно активное участие в дискуссии, прежде всего, как теоретики права и историки политической мысли. Следует отметить, что при этом они позиционировали себя как представители европейской науки, соответственно, их доказательства и выводы были основаны главным образом на осмыслении истории европейских государств. Российский аспект проблемы затрагивался нечасто, в большинстве работ лишь в контексте межгосударственного взаимодействия. К 80-м гг. XIX в. наблюдается переориентировка представителей общественной мысли России на вопросы о перспективах развития и формах дальнейшего существования полиэтнической Российской империи. Данные дискуссии были вызваны изменениями, происходившими в политике центральных властей, в том числе и на окраинах.

* Corresponding author
 E-mail addresses: e-kafedra@ayndex.ru (N.V. Dmitrieva)

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи составили ключевые работы Константина Дмитриевича Кавелина по национально-государственной проблематике, такие как «Политические призраки» (Кавелин, 1898) и «Наши инородцы и иноверцы» (Кавелин, 1907). Также в статье используются работы других видных представителей государственной школы Б.Н. Чичерина (Чичерин, 1866; Чичерин 1898) и А.Д. Градовского (Градовский, 1873).

Репрезентативность выводов по теме исследования достигнута путем всестороннего анализа на основе широкого корпуса исторических источников с опорой на достигнутый уровень научного знания (как по изучаемой проблеме, так и в области методологии исторического познания в целом) деятельности К.Д. Кавелина по проработке базовых вопросов национально-государственного устройства многонациональной России. Современный уровень развития теории исторического исследования предполагает применение при обращении к истории общественной мысли и общественных движений подходов и принципов такого нового для отечественной исторической науки направления, как «история понятий». Исходя из него, используемые в исследовании понятия по национальному вопросу раскрыты в тесной взаимосвязи с уровнем развития общественной и правовой мысли России последней четверти XIX в.

3. Обсуждение и результаты

Исследование теоретического наследия К.Д. Кавелина в современной отечественной науке осуществляется преимущественно в рамках анализа либеральной общественной мысли России второй половины XIX в. в целом. В современной российской историографии в первую очередь необходимо отметить работы Китаева В.А. (Китаев, 1996; Китаев 1998; Китаев, 2004), Арсланова Р.А. (Арсланов, 2004), А.И. Нарезного (Нарезный, 1999), анализирующие проблемы эволюции государства и перехода к представительной форме правления в общественной мысли России второй половины XIX в. С юридической точки зрения к национальному вопросу в российской либеральной традиции подошла Н.Г. Карнишина (Карнишина, 2013). Национальному вопросу в отечественной общественно-политической мысли второй половины XIX в. посвящены исследования В.Н. Кудряшева (Кудряшев, 2012a; Кудряшев, 2012b; Кудряшев, 2013), часть из них затрагивают и либеральное направление, в том числе труды К.Д. Кавелина. Автор значительное внимание уделяет проблеме генезиса концептов «нация», «народность», «государство» в либеральном дискурсе. Таким образом, непосредственно проблема решения национального вопроса в работах К.Д. Кавелина остается преимущественно неразработанной.

Во второй половине XIX в. представители русской либеральной общественной мысли осознавали, что экономическое, политическое и культурное развитие народов в этот период актуализировало в целом проблему допустимых правовых гарантий равноправия в рамках полиэтнических государств. В связи с этим в рамках либеральной идеологии требовалось обоснование возможных изменений формы национально-государственного устройства страны, в том числе пореформенной России.

К.Д. Кавелин подробно проанализировал особенности положения и уровень запросов нерусских народов в составе Российской империи. В работе «Политические призраки», изданной в 1877 г. в Берлине, обращаясь к проблеме «политической неблагонадежности наших окраин» в контексте сохранения единого государства, он заявлял, что такие опасения имели основания лишь на этапе завоевания или присоединения племен и народов, пока те следовали за представителями собственной элиты.

В новых условиях, когда «прежние пружины деятельности и мотивы» действий народов изменились, полагает ученый, «из-за исторических воспоминаний, из-за теоретических принципов, из-за политических прав народные массы не поднимаются и не переменяют одних властителей на других». Он связывает это в том числе и с тем, что «с освобождением крестьян и упадком политических владельческих классов», падением политического влияния церкви и духовенства ситуация в целом изменилась к лучшему. Теперь, по его мнению, «открытые восстания народа» можно вызвать лишь «грубым

нарушением» обычаев и верований нерусского населения или его крайне тяжелым экономическим положением (Кавелин, 1898: 975, 976).

В этих условиях он обращается к правительству с короткой, но емкой программой. «Оставьте за людьми их язык и веру, – пишет он, – откройте им средства для улучшения их материального положения, не давите чрезмерными налогами, введите сносное управление, и никакие в мире приманки не в состоянии будут поколебать политической верности масс». Отметим внимание ученого к обоснованию необходимости и принципам организации системы местного управления как приоритетного способа регулирования взаимоотношений народов. К.Д. Кавелин ратовал за «введение местных элементов во внутреннее управление присоединенными краями», и это, по его мнению, не может возбуждать «ни малейших опасений», поскольку позволит «еще более скрепить связь присоединенных областей с Империей». Не довольствуясь этим, он также предлагал ввести инородцев как полноправных граждан «в обладание всеми теми правами, какими пользуются жители великорусских губерний» (Кавелин, 1898: 976).

Изложенные выше соображения вызывают ряд вопросов относительно позиции К.Д. Кавелина, прежде всего, по достаточно острой проблеме русификации. В данном контексте он предлагает «ограничиться одним уравниванием различных народностей», отбросить «несчастную и бесплодную мысль» об обращении инородцев в великороссов и заботиться прежде всего о том, «чтобы им было хорошо жить вместе с нами в одном союзе». Что касается распространения среди нерусских народов «нашего языка и нашей веры», то решение этого вопроса ученый отводит «естественному ходу вещей», поскольку убежден, что он «никак не может быть предметом законодательных и административных мер». Характерно, что ученый находит в таком развитии ситуации в стране несомненные плюсы и для великорусского элемента, который считает ядром государства. С одной стороны, полагает Кавелин, он «слишком многочисленен, могуч и состоятелен, чтобы мог когда-нибудь утонуть и расплыться в море инородных стихий», с другой, рассчитывает, что его качества «дополнятся и обогатятся» свойствами и качествами инородцев (Кавелин, 1898: 977).

Заметим, что представленные выше размышления К.Д. Кавелина связаны с анализом состояния и перспектив сохранения в составе государства достаточно развитых народов «западных и северных» окраин империи. Его позиция созвучна, во многом, взглядам А.Д. Градовского и направлена на сохранение единого государства. Вместе с тем, предложенная им программа, направленная на обеспечение гарантий развития нерусских народов посредством развития системы местного управления, была не единственной в среде российских либералов.

Например, Б.Н. Чичерин и А.Д. Градовский в поисках решения данной проблемы обращались к анализу разнообразных форм государственности, существовавших в истории Европы. Являясь убежденными сторонниками единого государства, они, тем не менее, в теоретическом плане склонялись к поиску возможностей обеспечить правовой статус народностей в составе многонационального государства. В данном контексте особый интерес представляют их размышления о перспективах федеративного устройства страны. А.Д. Градовский, как уже было отмечено, исходил из того, что национальный вопрос «вытекает из факта признания в народе нравственной и свободной личности, имеющей право на самостоятельную историю, следовательно, на свое государство» (Градовский, 1873: II).

Б.Н. Чичерин, в некотором смысле, придерживался другой позиции. В частности, признавая правомерность тезиса «одна нация – одно государство», он в то же время сознавал, что раздробление правительственной власти и распределение ее по различным центрам дает большие гарантии свободе. В данном контексте стремление к образованию сложных, или союзных, государств не вызывало у него особой критики, особенно в том случае, когда они «имеют целью соединить выгоды больших государств и малых, сохранить местную свободу и самоуправление, образовавши, однако, достаточную политическую силу, чтобы противостоять внешним врагам и обеспечить совокупные интересы народа» (Чичерин, 1898: 277). Более того, замечал он, федеративное устройство «представляется иногда идеалом человеческого общежития». Сам ученый такую оценку не разделял,

поскольку был убежден в том, что эта форма имеет в то же время «весьма значительные невыгоды» (Чичерин, 1866: 179).

В отличие от своих коллег, К.Д. Кавелин не увлекался теорией вопроса, а больше рассматривал практику взаимоотношений разных народностей в России. Относительно мест проживания заведомо малоцивилизованных «кочевников и бродячих инородцев», ученый предлагал объявить их зонами колонизации с особым управлением до тех пор, пока они «не населятся и не будут готовы к образованию в них новых губерний, с правильным местным управлением» (Кавелин, 1898: 978).

При этом Кавелин обосновал вывод о том, что русскому народу близка идея «о государстве, как нейтральной среде и союзе разноплеменных и разновременных народов» (Кавелин, 1907: 10). Он рассматривал национальный вопрос и межэтнические отношения скорее с нравственно-этической точки зрения и исходил из того, что «по воле судеб, мы имеем согражданами представителей всех племен, народностей и национальностей земного шара» (Кавелин, 1898: 1215). По его мнению, простой народ с таким многообразием не только «свыкся», но и «нашелся в нем» разумнее и лучше, чем образованные слои. Последние «или просто отреклись от своей народности, или, наоборот, во имя патриотизма воспылали племенной ненавистью и подозрительностью ко всему нерусскому» (Кавелин, 1898: 1215). В конкретных условиях пореформенной России ученого больше заботило негативное отношение к нерусским народностям. В определенной степени, считал он, оно отражало особенность времени, состоящую в том, что «мы, природные русские, увлекаемся теперь любовью к своему племени и народу до того, что считаем его неспособным к тому или другому худому делу» (Кавелин, 1898: 1214).

В основе такого отношения находилось представление, высказанное случайно встреченным им крестьянином о том, что «русский народ выше всех народов в мире». Принципиально важным для К.Д. Кавелина являлось то обстоятельство, что такая убежденность сочеталась у народа с умением «отлично уживаться со всяким инородцем и иноверцем, уважать чужой культ и чужие нравы...». Такой подход был вполне близок ученому, который исходил из того, что «разнородный этнографический состав русской империи, при преобладающем сильном и однородном русском ядре», является «одним из самых благоприятных условий для нашего дальнейшего развития, несомненным залогом нашей великой исторической будущности».

В этой связи, полагал он, правомерен и другой вывод: «Чем нам, природным русским, дороже русский народ... тем шире, любовнее должны мы смотреть на все другие национальности, принадлежащие к составу русского государства». А здесь он видел многочисленные проблемы, суть которых в том, что разные нерусские народности «поочередно делались козлами очищения наших патриотических увлечений» (Кавелин, 1898: 1215-1216). На самом деле, считал К.Д. Кавелин, в наших прямых национальных интересах «воспользоваться талантами и способностями этих наших сограждан» в интересах страны. Отмечая, что «многие у нас мечтают о том, что все народы, входящие в состав русского государства, переродятся со временем в русских», ученый довольно скептически оценивал перспективы такой «русификации», замечая, что, если это произойдет, мы сами, «по необходимости, выработаемся в нечто существенно различное от того, что мы теперь» (Кавелин, 1898: 1217).

По его убеждению, русскому народу близка другая идея «о государстве, как нейтральной среде и союзе разноплеменных и разновременных народов» (Кавелин, 1907: 10). Годом спустя, в статье «Наши инородцы и иноверцы» К.Д. Кавелин уточнит, что он говорит об идее «одинаково справедливого, равно беспристрастного государства, возвышающегося над всеми, без различия племени и исповедания» (Кавелин, 1898: 1095). В то же время, замечает ученый в 1882 г. в письме в редакцию журнала «Вестник Европы» по поводу книги Нотовича, нельзя забывать, что «русское государство, а с тем вместе и тот тип и строй общности, который отличает русское общество от всех других», создало именно великорусское племя, поэтому это государство «будет отражать на себе степень его культуры, его достоинства и недостатки» (Кавелин, 1898: 1115, 1116). Одним из таких существенных недостатков Кавелин считает то, что действующие в стране законы ставят различие между подданными «по вере и происхождению» и на этом основании больше покровительствуют одним, чем другим.

4. Заключение

Таким образом, труды К.Д. Кавелина по проблемам устройства полиэтнических сообществ внесли существенный вклад в разработку национально-государственной проблематики. Исходя из того, что проблема национально-государственного устройства является составной частью национального вопроса, им, на основе анализа сущностных черт и проявлений последнего, были сформулированы условия сохранения этнически гетерогенных государственных образований. Со стороны центральной власти вариант решения национального вопроса он видел в переходе к новой системе государственности – представительному правлению, в рамках которого предполагалось обеспечить соблюдение прав и свобод для всех народностей, населяющих Российскую империю. При этом разрешение возникающих конфликтных ситуаций, связанных с национально-государственным устройством России, К.Д. Кавелин видел через сохранение унитарной формы с расширением полномочий органов местного самоуправления.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда, <https://rscf.ru/project/22-18-35022/>

Литература

- Арсланов, 2010 – Арсланов Р.А. Константин Дмитриевич Кавелин // Кавелин К.Д. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5-56.
- Градовский, 1873 – Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1873. VI, 309 с.
- Кавелин, 1898 – Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. Публицистика. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. XXXII с., 1258 стб.
- Кавелин, 1907 – Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. СПб.: Правда, 1907. 14 с.
- Китаев, 1996 – Китаев В.А. К.Д. Кавелин между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России / Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Е.Л. Рудницкая. М.: Археограф. центр, 1996. С. 243-271.
- Китаев, 1998 – Китаев В.А. Русские либералы и польское восстание 1863 года // *Славяноведение*. 1998. № 1. С. 54-61.
- Китаев, 2004 – Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 377 с.
- Карнишина, 2013 – Карнишина Н.Г. Проблемы государственного устройства и решения национального вопроса в России в либеральных проектах русских государствоведов второй половины XIX – начала XX вв. / Пятые «Муромцевские чтения». Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Орел: Александр Воробьев, 2013. С. 271-279.
- Кудряшев, 2012a – Кудряшев В.Н. Проблема генезиса наций в либеральной общественной мысли России XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 355. С. 64-68.
- Кудряшев 2012b – Кудряшев В.Н. Проблемы формирования национальных государств в интерпретации российских либералов второй половины XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 356. С. 62-68.
- Кудряшев, 2013 – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58-66.
- Нарежный, 1999 – Нарежный А.И. Проблема конституционализма в русской консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1999. 128 с.
- Чичерин, 1866 – Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: тип. Грачева и К°, 1866. 552 с.
- Чичерин, 1898 – Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 3. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. 556 с.

References

- Arslanov, 2010** – *Arslanov, R.A.* (2010). Konstantin Dmitrievich Kavelin [Konstantin Dmitrievich Kavelin]. Kavelin K.D. Izbrannoe [Kavelin K.D. Selected writings]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 5-56. [in Russian]
- Chicherin, 1866** – *Chicherin, B.N.* (1866). O narodnom predstavitel'stve [On popular enlightenment]. M.: tip. Gracheva i K^o, 552 p. [in Russian]
- Chicherin, 1898** – *Chicherin, B.N.* (1898). Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. 3 [State science course. Part 3]. M.: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 556 p. [in Russian]
- Gradovskii, 1873** – *Gradovskii, A.D.* (1873). Natsional'nyi vopros v istorii i literature [The national question in history and literature]. SPb.: Izd. D.E. Kozhanchikova, VI, 309 p. [in Russian]
- Karnishina, 2013** – *Karnishina, N.G.* (2013). Problemy gosudarstvennogo ustroistva i resheniya natsional'nogo voprosa v Rossii v liberal'nykh proektakh russkikh gosudarstvedov vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Problems of the state system and solution of the national question in Russia in the liberal projects of Russian constitutional lawyers of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Pyatye «Muromtsevskie chteniya». Konstitutsiya 1993 goda i rossiiskii liberalizm: k 20-letiyu rossiiskoi konstitutsii [Fifth Muromtsev readings. The 1993 constitution and Russian liberalism: On the 20th anniversary of the Russian constitution]. Orel: Aleksandr Vorob'ev, pp. 271-279. [in Russian]
- Kavelin, 1898** – *Kavelin, K.D.* (1898). Sobranie sochinenii. T. 2. Publitsistika [Collected works. Vol. 2. Publicism]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, XXXII p., 1258 columns. [in Russian]
- Kavelin, 1907** – *Kavelin, K.D.* (1907). Nashi inorodtsy i inovertsy [Our foreigners and people of other faiths]. SPb.: Pravda, 14 p. [in Russian]
- Kitaev, 1996** – *Kitaev, V.A.* (1996). K.D. Kavelin mezhdru slavyanofil'stvom i zapadnichestvom [Kavelin between Slavophilism and Westernism]. V razdum'yakh o Rossii. Otv. red., sost. i avt. vstup. st. E.L. Rudnitskaya [Thinking about Russia. Ed. by E.L. Rudnitskaya]. M.: Arkheograf. tsentr, pp. 243-271. [in Russian]
- Kitaev, 1998** – *Kitaev, V.A.* (1998). Russkie liberaly i pol'skoe vosstanie 1863 goda [Russian liberals and the Polish uprising of 1863]. *Slavyanovedenie*. 1: 54-61. [in Russian]
- Kitaev, 2004** – *Kitaev, V.A.* (2004). Liberal'naya mysl' v Rossii (1860–1880 gg.) [Liberal thought in Russia (1860–1880)]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 377 p. [in Russian]
- Kudryashev, 2012a** – *Kudryashev, V.N.* (2012). Problema genezisa natsii v liberal'noi obshchestvennoi mysli Rossii XIX v. [The problem of the genesis of nations in the liberal social thought of Russia in the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 355: 64-68. [in Russian]
- Kudryashev 2012b** – *Kudryashev, V.N.* (2012). Problemy formirovaniya natsional'nykh gosudarstv v interpretatsii rossiiskikh liberalov vtoroi poloviny XIX v. [Problems of the formation of nation states in the interpretation of Russian liberals in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 356: 62-68. [in Russian]
- Kudryashev, 2013** – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: Problems of National Identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]
- Narezhnyi, 1999** – *Narezhnyi, A.I.* (1999). Problema konstitutsionalizma v russkoi konservativno-liberal'noi mysli vtoroi poloviny XIX v. [The problem of constitutionalism in Russian conservative-liberal thought in the second half of the 19th century]. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 128 p. [in Russian]

Национальный вопрос в политических взглядах К.Д. Кавелина

Наталья Валерьевна Дмитриева ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e-kafedra@ayndex.ru (Н.В. Дмитриева)

Аннотация. В статье анализируются подходы к решению национального вопроса в пореформенной России одного из видных представителей либеральной общественной мысли К.Д. Кавелина, который подробно проанализировал особенности положения и уровень запросов нерусских народов в составе империи. Во второй половине XIX в. после подавления в 1864 г. восстания в Царстве Польском представители русской либеральной общественной мысли осознавали, что экономическое, политическое и культурное развитие народов в этот период актуализировало в целом проблему допустимых правовых гарантий равноправия в рамках полиэтнических государств. Акцентируется внимание на особой интерпретации К.Д. Кавелиным проводимой царским правительством политики в отношении нерусских народов. В конкретных условиях пореформенной России ученого особо заботило негативное отношение к нерусским народностям. Делается вывод о прикладном характере трудов ученого по национальному вопросу, решение которого предполагалось через расширение прав органов местного самоуправления, в первую очередь для более развитых с его точки зрения народов запада и севера России.

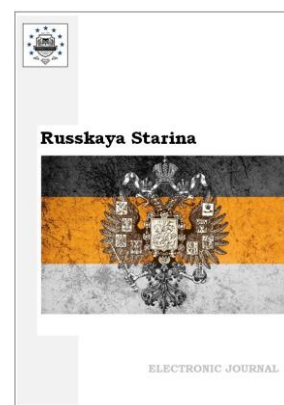
Ключевые слова: национальный вопрос, либерализм, Российская империя, К.Д. Кавелин.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 156-162

DOI: 10.13187/rs.2022.2.156
<https://rs.cherkasgu.press>

Anton Chekhov and Adventure Literature

Marina Ch. Larionova ^{a,*}, Alla R. Lisitsa ^b

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the reception of adventure topic in the prose of A.P. Chekhov. For the purpose to determine the place of adventurous literature in readers' consciousness in Russia at the end of 19th century, the authors aim at the autobiographical novel of I.S. Shmelev "How I met Chekhov", in which the image of Chekhov-reader (similar to his writer's image in his early works) arises.

Numerous names of classics and their works mentioned by Chekhov have been collected and analysed. The authors suggest differentiation of this material basing on the principle of functionality. On one side, the texts which imply the dialogue between the author and classic adventurous fiction (these are the stylization presented in "The Flying Islands" and the short story "Boys") are thoroughly analyzed. On the other side, mentions of adventurous literary texts and their authors, fulfilling the function of an artistic detail and portrait or landscape characteristics (such as "Tumbleweed", "The Last Mohican", "At the Mill", "A Happy Men", "Idyll", "Sakhalin Island"), are considered.

It is shown that "The Flying Islands" contain critical conceptualization of not only the characteristics of Jules Verne's novels but the overall tradition of foreign adventurous literature. In the short story "Boys", which is considered by scholars as a text of the late period of A.P. Chekhov's works, the peculiarities of reception of novels about indigenous people by children are identified.

Keywords: A.P. Chekhov, reception, adventure literature, eccentric fable, artistic detail, theme of boyhood.

1. Введение

Несмотря на общую не востребованность приключенческой литературы в качестве объекта литературоведческой науки, ее рецепция в отечественном культурном поле остается значимым вопросом для истории русской словесности. Широко известны популярность в дореволюционной России произведений Ж. Верна, В. Гюго, А. Дюма, Р. Стивенсона, Ф. Купера, Т.М. Рида, существование специальной периодики, где публиковалась переводная и оригинальная приключенческая литература. Успехом пользовались такие журналы, как «Природа и люди» (1889–1918) с приложением «Мир приключений» (1910–1918); «Вокруг света» (1861–1868, 1885–1917) с приложениями «На суше и на море» (1911–1912, 1914) и «Журнал приключений» (1916–1917). Зарубежная приключенческая

* Corresponding author

E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

литература, несомненно, входила в круг чтения классиков русской литературы. О.Н. Олейникова акцентирует внимание на том, что «несмотря на сложившуюся традицию не замечать приключенческой литературы, писатели, критики не раз подходили вплотную к проблемам ее специфики» (Олейникова, 1984: 4). Предпринимал ли попытку подобного писательского осмысления приключенческой литературы А.П. Чехов?

Все еще неоднозначным для чеховедения остается вопрос о природе взаимоотношений произведений уже «зрелого» Чехова и «литературных поделок» Антоши Чехонте. Границу между ними традиционно проводят в середине 1880-х гг. Феномен раннего Чехова принято связывать с влиянием массовой литературы: этот период творчества писателя рассматривали с позиций влияния Н.А. Лейкина, А.Ф. Писемского, Н.С. Лескова. И.Н. Сухих считает, что «поздние чеховские принципы краткости и простоты языка, сплошной “сюжетности” жизни, особой позиции читателя в мире произведения, т.е. отношение к слову и отношение к миру, можно рассматривать как трансформацию, функциональное переосмысление и использование некоторых свойств массовой литературы, в рамках которой начинает Антоша Чехонте» (Сухих, 2019: 16). Нас же, в свою очередь, интересует отдельный сегмент массовой литературы – ее приключенческая составляющая, представленная по большей части классиками зарубежной литературы, и ее рецепция в творчестве писателя.

Чтобы ответить на вопрос о том, какое место приключенческая литература занимает по отношению к эстетической позиции Чехова, кажется целесообразным наметить биографический и историко-культурный контекст его эпохи, а затем выявить элементы диалога между чеховскими произведениями и приключенческой классикой.

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат рассказы А.П. Чехова «Летающие острова», «Мальчики», «Перекасти-поле», «Последняя могиканша», «На мельнице», «Счастливчик», «Идиллия», его путевые заметки «Остров Сахалин», рассказ И.С. Шмелёва «Как я встречался с Чеховым».

Исследование построено на синтезе сравнительного и интертекстуального литературоведческих методов. Применение сравнительного метода позволяет не только обозначить рецепцию приключенческой литературы в России конца XIX в. и ее место в чеховском творчестве, но и рассмотреть чеховскую прозу как диалог между собственно «своим» и «чужим». Использование интертекстуального метода анализа особенно важно в отношении стилизации А.П. Чехова, анализируемой в данной статье, поскольку ее вторичная природа обуславливается принципиальной интертекстуальностью.

3. Обсуждение и результаты

Значимую информацию для осмысления этого вопроса дает автобиографический рассказ или очерк И.С. Шмелёва «Как я встречался с Чеховым», который повествует о том времени, когда «Чехов был ... еще А. Чехонте, а я (И.С. Шмелёв – Прим. авторов) – маленьким гимназистом». Очевидно, что речь идет о том этапе жизни писателя, в котором существует «ранний» Чехов. Именно он, по мнению И.Н. Сухих, ориентируется на установку массовой литературы, для которой «между словом и предметом нет никакого зазора». В первой и второй частях рассказа краеугольной становится тема детского и юношеского чтения. В первой части рассказа «За карасями» герой-рассказчик и Женька Пиуновский подражают героям прочитанных книг и перевоплощаются в индейцев и эскимосов: они заняты ловлей рыбы для изготовления пеммикана — мясного концентрата, который индейцы и американские эскимосы брали с собой на охоту или военные походы. Удивительно осведомленным о мире индейцев предстает Чехов в воспоминаниях Шмелёва: предлагает выкурить трубку мира, говорит «горлом, как говорят индейцы: “Отныне мир!”», произносит «попо-кате-петль», принимает в дар «дикобразово перо» (Шмелёв, 1998: 312) с полным осознанием значения этого жеста на языке своих краснокожих братьев и, в конце концов, становится для мальчиков признанным бледнолицым братом.

Во второй части рассказа «Книжники... но не фарисеи» становится ясной причина исключительной осведомленности писателя: читатель узнает, что трепетное отношение к книге у автобиографического героя-рассказчика и у Чехова в юности совпадают: «Бывало,

таким вот был... – показывает он к нам пальцем, взглядывая, прищуриваясь, через пенсне, – в неделю по аршину читал» (Шмелёв, 1998: 317). Герои «держат экзамен» по прочитанным книгам у своего бледнолицего брата. В диалоге между экзаменатором и экзаменуемыми упоминаются ключевые для классики приключений имена: Жюль Верн, Фенимор Купер, Густав Эмар, Майн Рид, Фредерик Марриэт и Габриэль Ферри. В этой же части рассказа стоит обратить внимание на его примечательную деталь: Шмелёв упоминает лежавший «на рояли новенький “Вокруг Света”» (Шмелёв, 1998: 313), в котором в то время печатаются не только научно-популярные материалы и одновременно с этим утки об открытиях в сфере географии, ботаники, зоологии, этнографии, но и художественная литература, которая в свое время органично войдет в канон приключенческой. В этом журнале в 1867 г. появляется перевод романа Ж. Верна «Из пушки на Луну», в 1886 г. – «Остров сокровищ» Р. Стивенсона.

После экзамена на знание классики приключенческой литературы Чехов рекомендует герою-рассказчику и его товарищу переходить на общее чтение. В тексте Шмелёва в качестве примеров общего чтения называются исторические романы М.Н. Загоскина и П.И. Мельникова-Печерского. Эта цитата контекстуально перекликается с темой письма А.П. Чехова к Г.И. Россолимо, где писатель рассуждает о детской литературе. В качестве примеров общего чтения Чехов называет Андерсена, «Фрегат Паллада» и Гоголя и отмечает, что «надо не писать для детей, а уметь выбрать из того, что уже написано для взрослых, т.е. настоящих художественных произведений» (Чехов: П. IX, 19). В то же время широко известна положительная оценка писателем влияния приключенческой романтики на юного читателя, основной пафос которой вдохновлял его на стремление к идеалу, на подражание героям. «Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига» (Чехов: С. XVI, 236), – отмечает Чехов в некрологе Пржевальскому.

Упоминания о приключенческой литературе в творчестве самого Чехова неоднородны. Условно мы можем разграничить эти упоминания по принципу функциональности: в одном случае, произведения вступают в непосредственный диалог с классикой приключенческой литературы, рассматриваются в качестве объекта изображения писателя (такими текстами мы считаем стилизацию А.П. Чехова «Летающие острова» и рассказ «Мальчики»), в другом – становятся излюбленным авторским приемом – художественной деталью. Именно для Антоши Чехонте характерно обращение к приключенческой теме как к объекту стилизации, которая, по мнению А.В. Кубасова, представляет собой «доминирующий конструктивный принцип стиля прозы Чехова» и является сущностной характеристикой его поэтики, способом осмысления художественной философии писателя (Кубасов, 1998: 384). В начале 80-х гг. XIX в. появляются стилизации Чехова на знаменитые произведения массовой литературы: «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» (1880), где, как отмечают комментаторы полного академического собрания сочинений писателя, «пародируются характерные черты романтически приподнятого стиля В. Гюго» (Чехов: С. I, 563), «Шведская спичка» (1884) – карикатура на пользующийся популярностью у читателя в 1880-х гг. «уголовный» жанр. В этой же связи стоит упомянуть рассказ «В море» (1883), где критики и читательская аудитория увидели подражание новеллам Мопассана. В примечаниях к рассказу отмечено, что первая версия этого произведения носила характерный оттенок переводного рассказа.

Особенного внимания в этой чеховской галерее заслуживает рассказ, предлагаемый читателю как «перевод» сочинений Ж. Верна «Летающие острова» (1882), поскольку именно он представляет собой стилизацию на чистый приключенческий жанр. Подчеркнем, что мы определяем «Летающие острова» именно в этом ключе, поскольку в нем ярко проявляется сущность стилизации, заключающаяся в «сознательном объективировании художником образов чужих языков, чужих литературных стилей, играющих роль преломляющей среды для стилизатора, ведущего с воплощенными в них позициями диалог и созидающего через него свой неповторимый мирозобраз» (Кубасов, 1998: 321-322). Отметим, что диалог здесь реализуется не только в авторской оценке-отрицании литературной традиции, характерной для приключенческого романа. В примечаниях к рассказу происходит непосредственный обмен репликами как с читателем рассказа, так и с осмысляемым *текстом*: «Сноски к стр. 211 * Химиками выдуманый дух. Говорят, что

без него жить невозможно. Пустяки. Без денег только жить невозможно. — Примеч. переводчика», «Сноски к стр. 212 * Такой инструмент есть. — Примеч. переводчика» (Чехов: С. I, 214).

К.С. Оверина, рассмотревшая проблему читателя в ранних чеховских пародиях и стилизациях, выделяет в рассказе ключевые особенности стиля Верна, которые гиперболизирует Чехов (Оверина, 2015: 173): избыточность цифр в произведениях классика приключенческой литературы, подчеркнутое внимание к деталям, экзотичные сюжеты. Возникает вопрос: в «Летающих островах» писатель иронизирует исключительно над популярностью жюль-верновских приключенческих романов у публики? На наш взгляд, этот рассказ скорее апеллирует к традициям зарубежной приключенческой литературы, к ее гипертексту, поскольку вызывает в сознании читателя ассоциации с романами не только Жюль Верна, но и целого ряда знаковых авторов, писавших в приключенческом жанре и занимающих особое место в ряду читательских предпочтений. Так, например, в «Летающих островах» обращает на себя внимание образ ученого-естествоиспытателя, который, по закону жанра обязан быть чудачком. Чеховский магистр всех существовавших и существующих наук Вильям Болваниус, в конечном итоге сошедший с ума, – пародия на своих литературных предков. Среди них не только очевидные образы героев Жюль Верна – Жак Паганель из «Детей капитана Гранта» или энтомолог Бенедикт из «Пятнадцатилетнего капитана», но и, например, доктор Батциус из куперовской «Прерии». Мотивы подвигов тоже совпадают: они совершаются героями в том числе ради национальной славы. Чеховские герои предлагают путешествие на Луну, «исполнение которого стяжало впоследствии великую славу для Англии» (Чехов: С. I, 208). Путешествие на Луну должно показать, «как далеко может иногда хватать ум человеческий». На вопрос, адресованный Болваниусу, о том, как же они будут дышать в космосе, Лунд получает следующий ответ: «А где сила вашей воли, сэр Лунд?» (Чехов: С. I, 212).

Характерно для приключенческих романов и появление таинственного письменного документа, который непременно трудно читается и определяет дальнейшее развитие сюжетной линии. Чеховские герои обнаруживают на летающем острове загадочный свиток, как оказывается, с сочинениями князя Мещерского, написанного для путешественников на незнакомом «варварском» языке. Чтобы прочитать каждый из них, героям приходится прикладывать немало усилий. Здесь вспоминаются не только «Дети капитана Гранта», но и другая классика приключенческой литературы: «Граф Монте-Кристо», «Золотой жук». Напоминают о традициях приключенческих романов и пространственные характеристики: герои достигают крайнего пространства, приближаются к границе мира, находятся в экстремальных условиях. Чеховская тройца прибывает на летающий остров князя Мещерского в космосе.

Чеховское мастерство художественной детали заметно даже в этом крошечном стилизованном рассказе: в нем есть традиционные для композиции приключенческих романов названия глав, не отличающихся оригинальностью, обезоруживающие читателя своей простотой и очевидностью. Гиперболизованная Чеховым, неоправданная и несвязная смена действий превращается в наглядный пример эксцентрической фабулы, которую писатель помещает из большой литературной формы – приключенческого романа – в малую – рассказа. Возможно, что приключенческая литература, формировавшая юношеский круг чтения Чехова и его современников, стала предметом для осмысления фабулы открытия, поскольку для раннего Чехова характерны фабулы «того “нового”, которое вышивается по канве “данного”» (Сухих, 2019: 15).

Упоминания о ключевых авторах и произведениях приключенческой литературы встречаются как в «раннем» Чехове, так и в его «поздних» произведениях. В рассказе «На мельнице», опубликованном в 1886 г., мельник Алексей Бирюков предстает перед читателем «как здоровенный, коренастый мужчина средних лет, фигурой и лицом похожий на тех топорных, толстокожих и тяжело ступающих матросов, которые сняты детям после чтения Жюль Верна, сидел у порога своей хижины и лениво сосал потухшую трубку» (Чехов: С. V, 407). В «Острове Сахалине» (1889–1995 гг.) произведение Жюль Верна также упоминается в портретной характеристике героя: «Это крепкий, смуглый, довольно красивый мужчина лет сорока, по-видимому, гордый и дикий; он мне напомнил Тома Айртона из “Детей капитана Гранта”» (Чехов: С. XIV-XV, 352). В рассказе «Счастливчик»

(1886 г.) дается портретное живописание Ивана Алексеевича: «высокая, палкообразная фигура в рыжей шляпе и в щегольском пальто, сильно напоминающая опереточных и жюльверновских корреспондентов» (Чехов: С. V, 121). В примечаниях к этому рассказу предполагается, что «счастливчик», скорее всего, сравнивается с персонажем романа «Таинственный остров» — корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд» Гедеоном Спилетом (Чехов: С. V, 630).

Упоминания о классиках приключенческой литературы характерны и для чеховских пейзажных описаний. В путевом наброске «Перекасти-поле» (1887 г.) герою-рассказчику, возвращающемуся с Всенощной, «две большие, тяжелые лодки, угрюмого вида» напоминают новозеландские пироги, «которые можно видеть в книгах Жюль Верна» (Чехов: С. VI, 164). В «Идиллии» (1884 г.), повествующей о неудаче игрока в карты, звучит нарочито возвышенный тон, который создается за счет излишней литературности: в ней легко узнается пафос, характерный для литературной романтики: «Стройные пальмы, латании и филодендроны отражаются в бесконечных зеркалах и, образуя океан зелени, уносят ваше воображение в страну Купера и Майн-Рида» (Чехов: С. III, 51). Описывая Охотское море в «Острове Сахалин», Чехов сравнивает его с тем водным пространством, которое грезится детям после прочитанных книг: «Когда с мальчика, начитавшегося Майн-Рида, падает ночью одеяло, он зябнет, и тогда ему снится именно такое море» (Чехов: С. XIV-XV, 146).

Некоторые чеховские произведения не содержат прямого названия автора или литературного произведения, но отсылают нас к ключевым для приключенческой традиции текстам. Такого рода упоминания в большей степени связаны с отражением рецепции приключенческой литературы в России. Например, заглавие рассказа «Последняя могиканша» (1885 г.) иронически отсылает читателя к одному из романов куперовской пенталогии о Кожаном Чулке «Последний из могикан», ставшему именем нарицательным для последнего представителя конкретной социальной группы. Оно применимо и к главной героине Олимпиаде Егоровне Хлыкиной, которая преувеличенно помнит и свято чтит свое дворянское званье, призывая к такому же «благочестию» окружающих: «Ихний род Хлыкиных, сударь, захудалый род, и ежели я, Докукина урожденная, вышла за него, так он это ценить должен и чувствовать» (Чехов: С. III, 420). В заметке «Америка в Ростове-на-Дону» Чехов иронизирует по поводу опубликованного в «Донской пчеле» объявления, в котором муж некоей Ефросиньи Александровны сообщает, что та «сбежала (выделено в оригинале. – Авт.), “где ее жизнь и ее счастье” — с одним прапорщиком» (Чехов: С. XVI, 33). «Побег» и «Америка» образуют устойчивую ассоциативную связь в русском литературном сознании, напоминая читателю не только о популярных приключенческих романах об индейцах, но и о уже ставшей традиционной к концу XIX в. теме Америки в русской детской литературе.

Обратим внимание на тот факт, что в приведенных выше фрагментах из рассказа «На мельнице» и путевых заметок «Остров Сахалин» имена Майн Рида и Жюль Верна тесно связываются с темой детства, мальчишества. В рассказе «Мальчики» (1887 г.) рецепция приключенческой литературы детьми становится ключевой темой для авторской рефлексии. Несмотря на тот факт, что в рассказе упоминается только одно имя классика приключенческой литературы (Чечевицын спрашивает: «Вы читали Майн-Рида?» (Чехов: С. VI, 426)), нельзя ограничить потенциальный круг чтения гимназистов исключительно его произведениями. По мнению А.В. Кубасова, имя Майн-Рида здесь отсылает читателя не к его произведениям, а к гипертексту с «определенным ассоциативно-коннотативным потенциалом (“индейцы”, “приключения”, “подвиги”, “предательство”, “любовь”»)» (Кубасов, 2005: 35). Речь героев пестрит описаниями реалий, встречающихся в романах не только Майн-Рида, но и Ф. Купера, Г. Эмара, К. Мая. Оживают в воображении Чечевицына и Володи индейцы, бледнолицые братья, пампасы, стадо бизонов, москиты и термиты, джин, золото и слоновая кость. Сам факт смены имени Чечевицыным (он сначала называет себя Монтигомо Ястребиный Коготь, а затем письменно фиксирует новое имя в тетради сестры Володи) служит своеобразным ритуалом перехода из группы «чужих» в группу «своих», является подражанием индейскому обычаю давать имена на свой лад тем, кто их заслуживает. Вспомним: главный герой куперовской пенталогии из Натаниэля Бампо становится Соколиным Глазом, Кожаным Чулком, Длинным Карабином.

4. Заключение

Таким образом, «чужое слово», принадлежащее классикам приключенческой литературы, реализуется в прозаическом творчестве А.П. Чехова. В стилизованных произведениях раннего Чехова прослеживается критический диалог автора с традицией приключенческой литературы: романами Ж. Верна, В. Гюго, А. Дюма. В рассказе «Мальчики» влияние приключенческой литературы об индейцах, представленной произведениями Ф. Купера, Т.М. Рида, Г. Эмара, К. Мая, на становление личности превращается в объект авторской рефлексии. Многочисленные упоминания о писателях, их произведениях, ключевых образах приключенческой литературы становятся яркими художественными деталями при создании портретов персонажей и пейзажных зарисовок, принадлежащих как раннему, так и позднему этапам творчества писателя.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Литература

Кубасов, 1998 – Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

Кубасов, 2005 – Кубасов А.В. Рассказ А.П. Чехова «Мальчики» и творчество писателя как гипертекст // *Филологический класс*. 2005. №1 (13). С. 33-35.

Олейникова, 1984 – Олейникова О.Н. Жанр приключенческого романа и творчество Томаса Майна Рида: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 191 с.

Оверина, 2015 – Оверина К.С. Проблема читателя в ранних пародиях А.П. Чехова («Тысяча и одна страсть, или Страшная ночь», «Летающие острова») // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 169-175.

Сухих, 2019 – Сухих И.Н. Ранний Чехов: черты писательской индивидуальности // *Ранний Чехов: проблемы поэтики: коллективная монография / под ред. А.Д. Степанова*. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 6-17.

Чехов – Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983. С. – сочинения. П. – письма. Римская цифра – том, арабская страница.

Шмелёв, 1998 – Шмелёв И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1998. 512 с.

References

Chekhov – Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. Pis'ma: v 12 t. [Complete collection of works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 vols. Letters: in 12 vols.]. M.: Nauka, 1974–1983. C. – essays. P. – letters. Roman numeral – volume, Arabic – page. [in Russian]

Kubasov, 1998 – Kubasov, A.V. (1998). Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii [The Prose of Chekhov: Art of Stylization]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 399 p. [in Russian]

Kubasov, 2005 – Kubasov, A.V. (2005). Rasskaz A.P. Chekhova «Mal'chiki» i tvorchestvo pisatelya kak gipertekst [The story of A.P. Chekhov “Boys” and the works of the writer as hypertext]. *Filologicheskii klass*. 1 (13): 33-35. [in Russian]

Oleinikova, 1984 – Oleinikova, O.N. (1984). Zhanr prikl'yuchencheskogo romana i tvorchestvo Tomasa Maina Rida: diss. ... kand. filol. nauk [The genre of the adventure novel and the work of Thomas Mayne Reid. The thesis for the degree of Candidate of Science in philology]. M., 191 p. [in Russian]

Overina, 2015 – Overina, K.S. (2015). Problema chitatelya v rannikh parodiyakh A.P. Chekhova («Tysyacha i odna strast', ili Strashnaya noch'», «Letayushchie ostrova») [The Problem of the reader in the early parodies of A.P. Chekhov (“One Thousand and One Passion, or Terrible Night”, “Flying Islands”)]. *Russkaya literatura*. 2: 169-175. [in Russian]

Shmelev, 1998 – Shmelev, I.S. (1998). Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 2 [Complete collection of works: in 5 volumes. Vol. 2]. M.: Russkaya kniga, 512 p. [in Russian]

Sukhikh, 2019 – *Sukhikh, I.N.* (2019). *Rannii Chekhov: cherty pisatel'skoi individual'nosti* [Early Chekhov: Features of writer's individuality]. *Rannii Chekhov: problemy poetiki: kollektivnaya monografiya*. Pod red. A.D. Stepanova [Stepanov A.D. (Ed). *Early Chekhov: the problems of the poets. Collective monograph*]. SPb.: Nestor-Istoriya, pp. 6-17. [in Russian]

А.П. Чехов и приключенческая литература

Марина Ченгаровна Ларионова ^{a, *}, Алла Романовна Лисица ^b

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается рецепция приключенческой темы в прозаическом творчестве А.П. Чехова. Чтобы определить место приключенческой литературы в русском читательском сознании конца XIX в., авторы обращаются к автобиографическому рассказу И.С. Шмелёва «Как я встречался с Чеховым», в котором возникает образ Чехова-читателя, совпадающий с «ранним» Чеховым-писателем.

Собраны и проанализированы неоднократные упоминания Чеховым имен классиков приключений и названий их произведений. Авторы предлагают разграничить материал по принципу функциональности. С одной стороны, анализируются произведения, которые являются участниками диалога автора с классикой приключенческой литературы (такowymi авторы считают стилизацию «Летающие острова» и рассказ «Мальчики»). С другой стороны, рассматриваются упоминания о произведениях приключенческого жанра и их авторах, которые выполняют функцию художественной детали при портретной характеристике героев и пейзажей («Перекасти-поле», «Последняя могиканша», «На мельнице», «Счастливчик», «Идиллия», «Остров Сахалин»).

Показано, что в «Летающих островах» содержится критическое осмысление не столько характерных черт романов Ж. Верна, сколько традиции зарубежной приключенческой литературы в целом. В рассказе «Мальчики», относимого исследователями к «позднему» Чехову, выявляются особенности детской рецепции романов об индейцах.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рецепция, приключенческая литература, эксцентрическая фабула, художественная деталь, тема мальчишества.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)